

II-10.  
№ 159.

ОП

# РЕПЕРТУАРЪ И ПАНТЕОНЪ ТЕАТРОВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ *И. Песоцкимъ*, ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ *Ө. А. Кони.*

8968  
708  
8968

1847.

ТОМЪ СЕДЬМЫЙ.



С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛЬНАГО КОРПУСА ВЪНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

ИМП. АКАДЕМ.  
ИМП. РАДНИЦА ТЕАТРАЛЬНАЯ  
ПУБЛИЧНОСТЬ  
ИМЕНИ А. В. ЛУНАЧАРСКАГО  
ТЕАТРЪ ДРАМЪ

ВЪВЕДЕНІЕ

И

ПАТЕНТЪ

ТЕАТРОВЪ

ВЪВЕДЕНІЕ И ПАТЕНТЪ НА ПЕЧАТАНІЕ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ  
узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 15 іюля 1847 года.

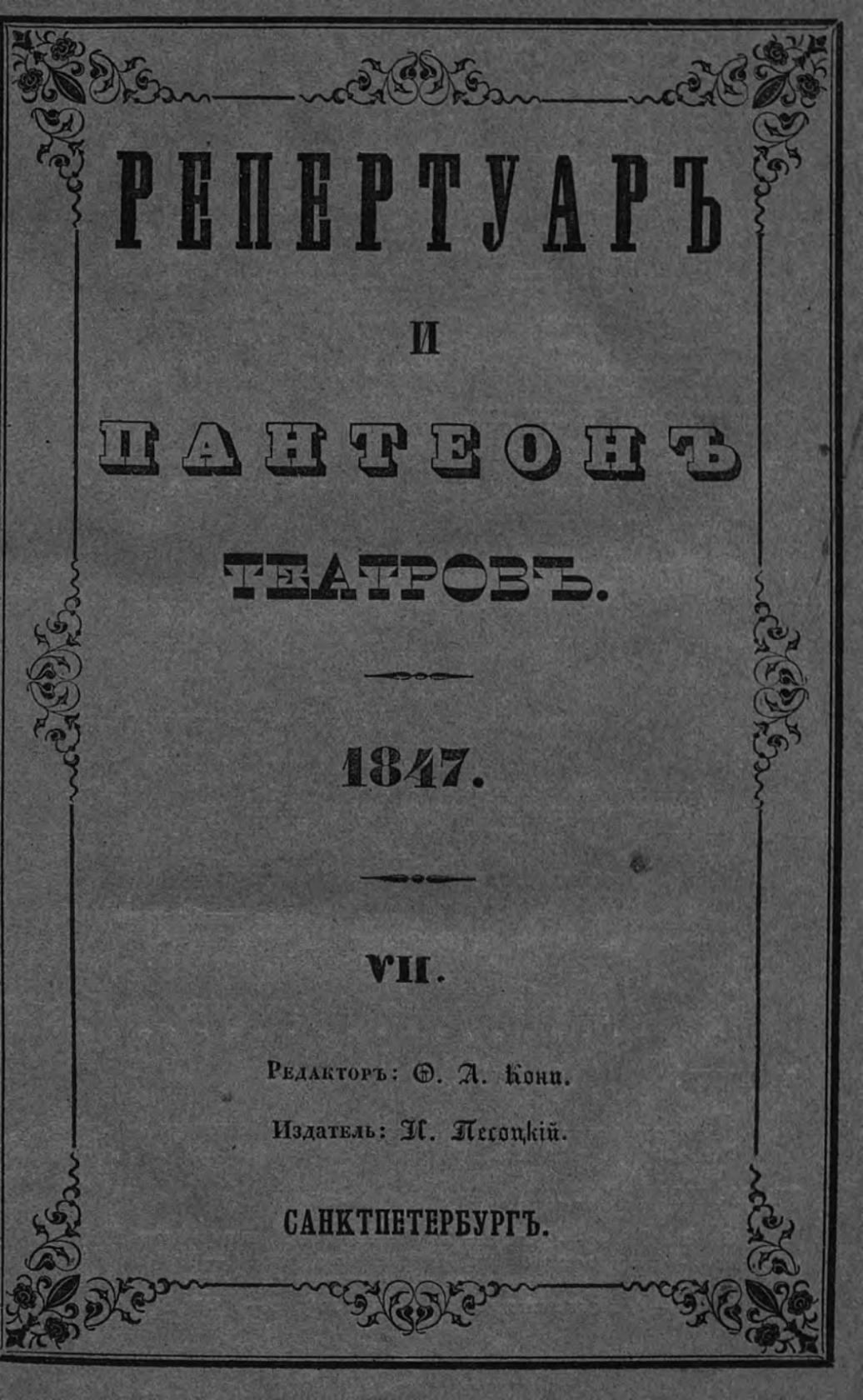
Ценсоръ А. Никитенко.

1847.

С. ПЕТЕРБУРГЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪВЕДЕНІЕ И ПАТЕНТЪ НА ПЕЧАТАНІЕ



**РЕПЕРТУАРЪ**  
**И**  
**ПАНТЕОНЪ**  
**ТЕАТРОВЪ.**

---

**1847.**

---

**VII.**

Редакторъ: **С. А. Кони.**

Издатель: **И. Песочкій.**

**САНКТПЕТЕРБУРГЪ.**

# СОДЕРЖАНІЕ.

№ 7.

## РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

*Расинъ.* Драма — Біографія, въ пяти картинахъ, въ стихахъ и въ прозѣ, соч. *В. Р. Зотова* . . . . . 1

## ПАНТЕОНЪ ТЕАТРОВЪ.

I. КОЛОКОЛА, волшебная повѣсть о томъ, какъ нѣкіе колокола проводжали старый годъ и встрѣчали новый. Соч. *Чарльза Диккенса*. (Переводъ съ англійскаго) . . . . . 3

## II. ФИЛОСОФІЯ ИСКУССТВА.

Софоблъ и Греческая Трилогія. Статья. *Вина*. (Часть вторая и послѣдняя) . . . . . 50

## III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Московскій театръ.

*Г-жа Арпу-Плесси на Московской сценѣ.* Статья *П. К.* . . . . . 1

## IV. ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

Парижскіе Театры:

1. Горе отъ хорошенькаго личика, комическая опера *Денюе и Базена*. 2. Школа семействъ, комедія *Адольфа Дюма*. 3. Безсонныя ночи, водевиль *Балра и Бивилля*. 4. Эгмонтъ, трагедія *Ролана*. 5. Лондонскіе душители, драма *Жема и Поль-Фуше*. 6. Паскаріель и Скарамушь, комедія *Мишелл Карре*. 7. Дамонъ и Пнейи, комедія *де Беллуа*. 8. Мѣстныя власти, комедія *Черрея*. 9. Цвѣточница, опера *Ипполита Лока и Адольфа Адана*. 10. Робертъ Брюсъ, трагедія *Бовалле*. 11. Испанскія извѣстія, комедія *Гюстава Вазса*. 12. Коварство и Любовь, драма *Дюма*. 13. Генриетта Шарлю, комедія-водевиль *Варона и Сентина*. 14. Какъ выходятъ въ люди, комедія *Эмиля Сувестра*. 15. Спартакъ, трагедія *Ипполита Мажена*. 16. Провинціалка, комедія *Белами*. 17. Трещотка, *Дюпети и Габріелля*. 18. Молодой отецъ, комедія *Фуриъ и Альфонса*. 19. Сѣрый Мушкатеръ, водевиль *Розье*. 20. Отецъ по случаю, *Польде-Кока* . . . . . 18

## V. СМѢСЬ.

Мольерова притча.—Женни Линдъ.—Китайскій троуръ.—Первая Луиза.—Контрабанда новаго рода.—Старый вексель . . . . . 43

## VI. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

*Сѣрый Эфиръ.*—*Г-жа Штольцъ.*—Черный братъ королевы *Испанской.*—*Знаменитая Французская актриса Рашель.*—*Опредѣленіе чловѣка.*—*Кто хочетъ дешево вести процессы.*—*Отобьдай сегодня у меня.*—*Что значитъ ѣздить безъ паспорта.*—*Домъ Шиллера.*

**РЕПЕРТУАРЪ**  
**РУССКОЙ СЦЕНЫ.**

## ОТЪ АВТОРА.

Изученіе жизни людей, проповѣдывавшихъ человѣчеству психическія или моральныя истины, выводившихъ на сцену великихъ дѣйствователей древности или олицетворенные образы людскихъ страстей и характеровъ, — въ высшей степени интересно и поучительно. На попріищъ драматическаго писателя гораздо болѣе неприятностей и огорченій, чѣмъ на всякомъ другомъ пути. — Писатель, отдающій въ печать свои произведенія, можетъ долго и спокойно ждать, покамѣсть читатели поймутъ и оцѣнятъ трудъ его. Драматическій писатель долженъ увлечь зрителей мгновенно, заставить ихъ сочувствовать ему въ самую минуту исполненія его пьесы, безъ чего онъ не достигнетъ своей цѣли. Кромѣ того, его часто можетъ лишить успѣха, вполнѣ заслуженнаго, одинъ неловкій шагъ актера, одно слово забытое или искаженное, даже безъ всякаго намѣренія. Замѣчательно, что жизнь, скупая на минуты радости и счастья для писателей вообще, бываетъ еще тяжелѣе и безрадостнѣе для драматурговъ. Не беру примѣровъ изъ древнихъ, вспомнимъ участь трехъ знаменитѣйшихъ писателей Франціи: *Корнелль*, *Расина* и *Мольера*. Сколько несчастій перенесли они, съ какими препятствіями должны были бороться, покамѣсть достигли извѣстности и славы. И какою дорогою цѣною купили они эту славу, непризнанную многими современниками, отвергаемую отчасти потомками. Ав-

торъ предлагаемой пьесы вздумалъ составить изъ жизни этихъ трехъ корифеевъ Французской литературы трилогію въ формѣ драмы-біографіи, частію потому, что жизнь этихъ трехъ лицъ занимательна и поучительна, частію для того, чтобы познакомить нашу александринскую публику съ тремя представителями французской сценической литературы. *Мольеръ* его былъ уже игранъ въ прошломъ году. *Корнель* лежитъ въ портфель, ожидая удобнаго времени къ появленію, *Расина* публика наша могла видѣть недавно. Ни *Мольеръ*, ни *Расинъ*, не возбудили въ массѣ зрителей особеннаго сочувствія. Авторъ и не ждалъ его. Онъ очень хорошо зналъ, что публика, привыкшая къ сильнымъ потрясеніямъ и поразительнымъ эффектамъ современной драмы, не найдетъ ничего этого въ драматическомъ изображеніи жизни Расина, вѣрномъ до малѣйшихъ подробностей, — и, следовательно, пьеса не могла понравиться. *Расинъ* многимъ показался очень скучнымъ, многіе даже говорили: какое намъ дѣло до вашего Расина? толпа выслушала его спокойно и хладнокровно, не умѣя себя дать отчета въ впечатленіи, произведенномъ на нее пьесою. Повторяемъ, что авторъ очень хорошо предугадывалъ все это, и благодаря отъ души весьма немногихъ лицъ, которые оцѣнили его трудъ, заслуживающій по-крайней-мѣрѣ вниманіе своею цѣлью и добросовѣстностью исполненія, — въ то же время нисколько не раскаивается, что отдалъ на судъ разнородной массы зрителей свое произведеніе, могущее интересовать небольшой, отдельной классъ публики. Вкусъ нашей публики безспорно испорченъ въ послѣднее время грязными водевилями и неестественными драмами, основанными на однихъ трескучихъ эффектахъ. Лучшее общество наше почти не вздѣтъ въ Александринскій театр; благородныхъ драмъ и комедій — никто не смотритъ — но намъ кажется, что во всемъ этомъ авторы наши виноваты чуть-ли не столько же, какъ и публика, если еще не больше ея. Если бы вмѣсто того, чтобы поддѣлываться подъ вкусъ зрителей, они старались очищать его и при-

учать ихъ къ зрѣлищамъ болѣе благороднымъ и полезнымъ, — то мы увѣрены, что мало-по-малу драматическая литература наша, находящаяся теперь довольно въ жалкомъ состояніи, — достигла бы своего настоящаго назначенія и что ее поддержала бы публика съ эстетическимъ и образованнымъ вкусомъ. Авторъ признается, что онъ съ этою цѣлью ставилъ своего *Мольера* и *Расина*, и слѣдовательно, не могъ ожидать отъ нихъ успѣха, какъ отъ попытокъ, замѣчательныхъ только по своей цѣли, но не по внутреннему ихъ достоинству. Надѣясь со-временемъ представить читателямъ Репертуара подобныя же драматическія біографіи *Мольера* и *Корнеля*, авторъ предполагаетъ въ послѣдствіи въ небольшомъ этюдѣ представить очеркъ того вліянія, которое имѣли эти писатели на сценическую литературу вообще, и на французскую въ особенности. Покаместъ онъ можетъ только увѣрить читателей, что всѣ подробности жизни этихъ лицъ и вѣка, въ которомъ они жили — исторически вѣрны, до послѣдней мелочи, въ чемъ впрочемъ легко убѣдится всякій, кто изучалъ ex professo литературу и исторію того времени.

В. З.

# РАСИНЪ

ДРАМА—БЮГРАФІЯ ВЪ ПЯТИ КАРТИНАХЪ, ВЪ СТИХАХЪ  
И ПРОЗЪ.

- Картина I-я. *Первое представленіе Андромахи.* (1667.)  
Картина II-я. *Первое представленіе Британики.* (1669.)  
Картина III-я. *Первое представленіе Береники.* (1670.)  
Картина IV-я. *Первое представленіе Федры.* (1677.)  
Картина V-я. *Первое представленіе Говоли.* (1669.)

## КАРТИНА I.

# ПЕРВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ АНДРОМАХИ.

### ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

(1667.)

Жанъ Расинъ, 28 - ми лѣтъ.

Жанъ Расинъ, дядя его, парламентскій совѣтникъ, 50 - ти лѣтъ.

Клодъ Лансело, учитель греческаго языка въ Коллегіи Поръ -

Ройяля 50 - ти лѣтъ. —

Марія Демаръ, вдова Шанмеле, 18 - ти лѣтъ. } актрисы.

Луиза Дюпаркъ, 15 - лѣтъ.

Маргарита, няня Расина.

Корнель, 60 - ти лѣтъ, }

Бгало, 31 года.

Жиль Менажъ, 26 - ти лѣтъ. } писатели.

Реньо де - Сегре.

Слуга Расина.

Актеры и актрисы, слуги Расина.

*Комната Расина въ улицѣ святой Варвары. Дверь въ глубинѣ, дверь на-лѣво. Два стола по объѣмъ сторонамъ. Окно. Вечеръ.*

## ВЫХОДЪ I.

МАРГАРИТА У ОКНА ВЯЖЕТЪ ЧУЛОКЪ, ПОТОМЪ КЛОДЪ ЛАНСЕЛО.

МАРГАРИТА. Нѣтъ... это мнѣ послышалось... Однако пора бы ему вернуться. Неужели до-сихъ-поръ некончилась эта Андромаха, какъ онъ ее тамъ называетъ?.. Отъ Бургонской отели недалеко... я бы издали узнала моего Жава. Не случилось ли съ нимъ чего нибудь?.. Эти театры вещь преопасная. Долго-ли на нихъ сломать себѣ шею?.. Идутъ... не Жавъ ли это?.. *(идетъ къ дверямъ и сталкивается въ нихъ съ Лансело.)* Фу!.. Какъ вы меня испугали?..

ЛАНСЕЛО. Ничего! ничего!.. Я такъ взбѣшонъ, такъ встревоженъ!..

МАРГАРИТА. Ахъ, Господи!.. Ужъ не сбѣлалось ли чего нибудь съ Жавомъ.

ЛАНСЕЛО. Нѣтъ еще!.. Но будетъ!.. непременно будетъ. Онъ еще ничего не слыхалъ, но когда узнаетъ—ручаюсь тебѣ, что придетъ въ ужасное отчаяніе!..

МАРГАРИТА. Вы меня пугаете? Вѣрно какое нибудь несчастье случилось съ его другомъ, съ человѣкомъ, котораго онъ любитъ?..

ЛАНСЕЛО. Обожаютъ!.. Извѣстіе это я думаю просто убьетъ Расина!..

МАРГАРИТА. Полноте! Что вы за злобѣщая птица?.. Не грѣхъ ли вамъ такъ пугать меня!.. Чтожъ такое случилось?

ЛАНСЕЛО. Убѣтъ непременно!... разумѣется, морально, а не физически. Злодѣй! варвары! вандалы, визиготы!.. Онъ и его не пощадилъ!..

МАРГАРИТА. Кого это?..

ЛАНСЕЛО. Онъ изуродовалъ его самымъ безчеловѣчнымъ образомъ.

МАРГАРИТА. Изуродовалъ?.. Ахъ разбойникъ... Да кто же это в кого?..

ЛАНСЕЛО. Кто?.. Иезуитъ Рапенъ, кому же больше рѣшиться на подобный поступокъ, какъ не переводчику Горація и Овидія метрическими латинскими стихами?

МАРГАРИТА. Да кого же онъ это изуродовалъ?

ЛАНСЕЛО. Эврипида!..

МАРГАРИТА. Эврипида?.. Что это за странное имя?.. Это вѣрно какой нибудь иностранецъ? вновь пожалованный маркизь?

ЛАНСЕЛО. Маркизь?.. Эврипидъ маркизь?.. Ты не знаешь, кто такой Эврипидъ?

МАРГАРИТА. Признаюсь, не слыхала, чтобы у моего Жана былъ другъ, котораго бы называли такимъ именемъ. Ну, да это все равно!... если онъ добрый человекъ, то мнѣ все-таки жаль, что его изуродовали. Бѣдненькій! Ужъ не переломили ли ему руки или ноги?

ЛАНСЕЛО. Переломили руку Эврипиду?.. Да развѣ ты не знаешь, что Эврипидъ былъ сынъ прекрасной Эллады, что онъ родился за 480 лѣтъ до Р. Х., и следовательно, умеръ почти 2 тысячи лѣтъ тому назадъ, что онъ написалъ 80 трагедій, изъ которыхъ 15 были увѣнчаны, а 18 дошли до насъ, что онъ побѣдилъ Софокла на Олимпійскихъ играхъ, что онъ...

МАРГАРИТА. Отстаньте отъ меня пожалуйста! вы знаете, что я терпѣть немогу вашихъ трагедій и ничего въ нихъ не понимаю. Не стыдно ли вамъ только пугать меня? Прилично ли жалѣть о такомъ человекѣ, съ которымъ вы никогда не были знакомы? Да и какъ можно изуродовать человека, который умеръ 2000 лѣтъ тому назадъ. — Сынъ прекрасной Эллады! Хорошо имя и у матушки — то!.. Совсѣмъ не дворянское. Вѣрно она была тоже

въ родъ нашей мамзель Няновы. А я еще пожалѣла объ немъ! Онъ пожалуй, того гляди, еще и протестантъ!..

ЛАНСЕЛО. Эврипидъ протестантъ! Это непостижимо, это невѣроятно!.. Не знать Эврипида! Я немогу равнодушно слушать этого! Прощай!..

МАРГАРИТА. Постойте! да куда вы бѣжите, точно съумасшедшій!.. Неужели вы только за тѣмъ, и приходили сюда, чтобы рассказать мнѣ про этого господина Эврипида?

ЛАНСЕЛО. Ахъ да, я вспомнилъ!.. Я пришелъ сказать моему Жану объ убійственномъ переводѣ трагедіи безсмертнаго Эврипида, сдѣланномъ этимъ варваромъ Раценомъ, но ты совсѣмъ сбילה меня съ толку твоими глупыми вопросами?.. Гдѣ Жанъ... ушелъ что-ли куда нибудь?

МАРГАРИТА. Нашли вы время толковать о какомъ-то Эврипидѣ. Развѣ вы не знаете, что сегодня первое представление Андромахи, и Жанъ нашъ въ театрѣ со всеми своими друзьями и актерами.

ЛАНСЕЛО. Знаю! знаю! Онъ далъ мнѣ билетъ. Я обѣщался ему посмотреть его пьесу... Вѣдь она тоже почти греческая!.. и непременно пойду въ театрѣ—какъ только начнутъ.

МАРГАРИТА. Поторопились же вы!.. Я съ часу-на-часъ жду, что ее кончатъ... Ужъ часъ десятый!..

ЛАНСЕЛО. Какъ это можно? Да!.. теперь вспомнилъ!.. Я ужъ собирался идти въ театрѣ, когда мнѣ подали переводъ Эврипида, моего божественнаго Эврипида, я съѣлъ на минуту, чтобы пробѣжать его...

МАРГАРИТА. И просидѣли слишкомъ два часа?.. По-вашему обыкновенію!.. Знаю я васъ! Когда вы сядете за книгу, то подлѣ васъ хоть изъ пушекъ стрѣляй, вы ничего не услышите!.. сидите какъ вкопанный.

ЛАНСЕЛО. Напротивъ! Я былъ въ отчаяніи! я поминутно вскакивалъ съ мѣста, ругался какъ мушкетеръ, рвалъ на себѣ шарикъ...

МАРГАРИТА. Это очень примѣтно!.. Все ваше платье такъ чисто! точно вы по-землѣ катались!..

ЛАНСЕЛО. Это и не удивительно. Бѣжавши сюда, я столкнулся съ какимъ-то дюжинымъ господиномъ и упалъ въ грязь, которой также много въ улицахъ Парижа, какъ пыли въ нашихъ прекрасныхъ Аэнахъ. Прощай однако! я бѣгу въ театрѣ...

МАРГАРИТА. Пойдите! теперь во-первыхъ ужъ поздно, а вторыхъ, въ эдакомъ костюмъ вы всѣхъ насмѣшите. Я пошлю къ вашей ключницѣ, чтобы она прислала вамъ другой кафтанъ и камзолъ...

ЛАНСЕЛО. Хорошо, хорошо! Я покаместъ подожду!.. *(сидитъ.)*

## ВЫХОДЪ II.

Слуга, потомъ дядя Расинъ.

СЛУГА, *(входя)*. Госпожа Маргарита! какой-то незнакомый человекъ спрашиваетъ господина Расина. Я сказалъ ему, что онъ въ театрѣ, а онъ попросилъ позволенія подождать, покаместъ баринъ возвратится...

МАРГАРИТА. Проси же его сюда, да поскорѣе, а потомъ... *(говоритъ ему на-ухо, показывая на Лансело.)*

ЛАНСЕЛО, *(который между тѣмъ перебиралъ на столѣ книги, схватываетъ одну изъ нихъ.)* Вотъ она! вотъ она!... *(вскакиваетъ.)* А! и Жанъ получилъ ужъ ее!.. Вотъ онъ, злодѣй!.. святотатецъ, разбойникъ!

МАРГАРИТА. Господи! что съ вами случилось? что такое?..

ЛАНСЕЛО, *(бѣгая съ книгой по комнатѣ.)* Я нашелъ его!.. Этого губителя всего прекраснаго и высокаго въ свѣтъ, этого литературнаго Муммія, осмѣливагося наложить руку на Эврипидъ!..

МАРГАРИТА. Опять!.. Помните мое слово, что вы помѣшаетесь на этомъ Эврипидѣ!.. Сядьте, пожалуйста! Къ моему Жану пришелъ какой-то господинъ. Если онъ увидитъ, какъ вы бѣснуетесь, то подумаетъ, что попалъ въ домъ сумасшедшихъ.

ЛАНСЕЛО, *(котораго Маргарита сажаетъ въ кресла, читаетъ книгу, бьетъ по столу кулакомъ и по временамъ произноситъ безсвязныя восклицанія во-время съдвигавшей сцены.)*

СЛУГА, *(отворяя дверь.)* Пожалуйте!.. г. Расинъ сейчасъ вернется *(уходитъ.)*

ЖАНЪ РАСИНЪ, *(въ дверяхъ.)* Простите меня суларыня, если я... *(увидя Маргариту.)* Что я вижу?.. Маргарита!..

МАРГАРИТА. Боже мой! Боже мой!.. Дядюшка Жанъ!.. Васъ ли это я вижу, мой добрый—господинъ Расинъ!.. Какъ это вы поехали въ Парижъ изъ нашего родимаго городка?..

ЖАНЪ РАСИНЪ. Приѣхалъ милая Маргарита, нарочно, взглянуть на моего племянника!.. Вѣдь я не видалъ его цѣлые семь лѣтъ!.. Жанъ такъ рѣдко пишетъ ко-мнѣ. Думалъ ужъ не случилось ли съ нимъ чего нибудь, да и прикатилъ сюда изъ нашего Ферте — Милона.

МАРГАРИТА. Садитесь, садитесь, дядюшка Жанъ!.. Ужъ какъ же вамъ обрадуется мой воспитанникъ!.. Онъ васъ такъ любить... Ну да, последнее время, онъ, знаете, все былъ занятъ этими пьесами, да трагедіями, такъ и немудрено, что рѣдко писалъ къ вамъ!..

ЖАНЪ РАСИНЪ. Трагедіями? а, да? это то, что на театрахъ играютъ, знаю! А скажи, развѣ ужъ онъ не пишетъ больше поздравительныхъ стихотвореній его величеству нашему великому королю, въ родъ *Нимфы береговъ Сены*?

МАРГАРИТА. Нѣтъ! вотъ ужъ онъ третью трагедію отдаетъ на Бургонской театръ и кромѣ ихъ больше ничего не пишетъ.

ЖАНЪ РАСИНЪ. Напрасно! весьма напрасно! Поздравительныя стихотворенія вещь очень хорошая и полезная. За *Нимфу береговъ Сены* его величество, нашъ великій король пожаловалъ ему 600 ливровъ ежегоднаго пансіона, кромѣ единовременныхъ 100 экю,—а это не шутка. Ну, а за трагедіи ему еще ничего не давали?

МАРГАРИТА. Рѣшительно ничего!

ЖАНЪ РАСИНЪ. Зачѣмъ же это онъ пишетъ—эти трагедіи? Какъ ему не стыдно? Человѣкъ онъ кажется неглупый. Объ его воспитаніи, съ самаго юнаго возраста, заботился я, Жанъ Расинъ, парламентскій совѣтникъ...

ЛАНСЕЛО, (*читая.*) Болванъ!..

ЖАНЪ РАСИНЪ. Что? этотъ господинъ со мной разговариваетъ?

МАРГАРИТА. Нѣтъ! вы пожалуйста не обращайтесь на него вниманія. Это олинъ ученый изъ Поръ — Ройяля, бывшій наставникъ нашего Жана.

ЖАНЪ РАСИНЪ. А! какая странная манера у этихъ господъ ученыхъ, и зачѣмъ было моему племяннику перейти въ эту коллегію, гдѣ говорятъ—все эретики, да яansenисты!.. Учился

онъ и въ Бове и въ Гаркуртской коллегіи—кажется и довольно бы. Такъ вѣтъ—пошелъ третій разъ въ учење. А вѣль въ каждой школѣ учить — то начинаютъ съизнова. Такъ ты поуди, чего это ему стоило?..

лансело, *(читая.)* Эдакой неучъ!..

жанъ расинъ, *(оборачиваясь.)* Что прикажете?.. Этотъ господинъ вѣрно въ слухъ читаетъ то, что написано въ книгѣ?.. Что это? кажется я не ошибаюсь!.. Такъ точно!.. Минутъ десять тому назадъ онъ столкнулся со мною у воротъ этого дома, когда я спрашивалъ, гдѣ живетъ мой племянникъ и кажется нечаянно уронилъ его... *(подходя къ Ланселю.)* Милостивый государь!..

лансело, *(вскакивая и бросая книгу въ уголъ.)* Это ни начто не похоже!.. Какъ позволяютъ печатать подобныя вещи!.. Стыдъ и поношеніе Франціи!.. Еслибъ я былъ министромъ, я бы завтра же велѣлъ повѣсить этого бездѣльника Рапена!..

жанъ расинъ, *(отступая съ удивленіемъ.)* Вѣрно онъ сдѣлалъ какое нибудь важное преступленіе?

лансело. Важное преступленіе?.. Навьюсь, что важнѣе этого ничего быть не можетъ! Вотъ посмотрите сами *(бѣжитъ и поднимаетъ книгу).* Взгляните на эту страницу. Трагедія Гекуба. Третій актъ. Знаменитый разговоръ Полксени съ Улессомъ. Посмотрите, какъ это переведено:

Ужели хочешь ты, чтобъ въ жизни сей постылой  
Нечистый, подлый рабъ, мной овладѣвши силой,  
То ложе осквернилъ, гдѣ на груди моеи  
Былъ долженъ возлегать великій изъ царей!

Ну посмотрите, то ли это въ подлинникъ!..

жанъ расинъ. Позвольте, позвольте! милостивый государь! Что это вы мнѣ тутъ читаете?..

лансело. Трагедію Эврипида!.. Развѣ и вы тоже не знаете Эврипида.

жанъ расинъ. Я немью чести быть съ нимъ знакомымъ... Но это все равно! Дѣло не въ томъ. Вы эти стихи назвали кажется трагедію?

лансело. О! это одна изъ лучшихъ трагедій великаго Эврипида.

жанъ расинъ. Честь имю васъ поздравить. Такъ и мой Жанъ Расинъ пишетъ такія же трагедіи?

лансело. Да! его Андромаха написана въ чистомъ Эллинскомъ духъ. Я увѣренъ, что онъ сравнится со-временемъ съ своими великими образцами.

жанъ расинъ. Въ такомъ случаѣ — мнѣ больше ничего не остается, какъ взять мою шляпу и отправиться обратно въ мой родимый городъ!....

маргарита. Что это? что съ вами? Куда вы, дядюшка Жанъ?..

жанъ расинъ. Въ Ферте-Милонъ!... на мою родину, гдѣ я по-крайней-мѣрѣ не буду видѣть стыда моего племянника.

маргарита. Но помилуйте?.. Что могло васъ такъ огорчить?..

жанъ расинъ. Что меня огорчаетъ? Развѣ ты не слышала, Маргарита! Мой племянникъ пишетъ трагедіи! хороши эти трагедіи! да это просто, съ позволенія сказать, гадость, которую стыдно прочесть въ порядочномъ обществѣ, стыдно слушать благовоспитанному человеку. Что онъ такое читалъ тамъ: вечистый рабъ, овладѣвшій силой, возлжеть на грудь мою.—Фу, Господи! прости, что я на старости лѣтъ повторяю такія богопротивныя слова. И мой племянникъ пишетъ такія вещи!.... После этого вся фамилія Расиновъ должна съ негодованіемъ его отвергнуть. Съ незапамятныхъ временъ домъ нашъ отличался прекраснымъ образомъ мыслей и чистотой, безукоризненной жизнью—и теперь — послѣдняя отрасль наша кладетъ неизгладимое пятно на честное имя Расиновъ!... Что скажетъ въ гробъ бѣдный отецъ его, Жанъ Расинъ, бѣдный дядь его, Жанъ Расинъ, бѣдный прадѣдъ его, Жанъ Расинъ, бѣдный дядя его, Жанъ Расинъ, все поколѣніе Жанъ Расиновъ!..

маргарита. Успокойтесь! дядюшка Жанъ! успокойтесь! Въдъ не все же такія трагедіи, есть и лучше...

жанъ расинъ. Нѣтъ! онъ говоритъ, что это лучшая. Хороши же тѣ, которыя хуже!... Онъ говоритъ, что это еще не такъ переведено. Каково же должно быть въ подлинникъ? Я всегда говорилъ, что Парижъ погибшій городъ, что это вертепъ беззавѣстности. Онъ погубилъ моего племянника! онъ покрылъ стыдомъ имя Расина! (плачетъ).

маргарита. Дядюшка Жанъ! дядюшка Жанъ! — Полноте!... перестаньте!...

лансело. Этого человѣкъ долженъ быть, просто, помѣшанъ!..

жанъ расинъ. Если здѣсь есть помѣшанные, такъ это тѣ,

которые пишутъ такія трагедіи и восхищаются подобными мерзостями.

ЛАНСЕЛО. Мерзостями?... Трагедіи Эврипида мерзость?... Да знаете-ли вы, господа совѣтники, что я васъ всѣхъ вмѣстѣ съ вашимъ парламентомъ отдамъ за одинъ стихъ Эврипида.

ЖАНЪ РАСИНЪ. Маргарита! прощай! я немогу этого вынести!.. Оскорбить почтенное сословіе, къ которому я имѣю честь принадлежать, въ моемъ лицѣ обидѣть весь нашъ достопочтенный парламентъ!... Если-бы я только не боялся увидать мое званіе!... Прощай!... И скажи моему племяннику, чтобы онъ не считалъ меня своимъ дядей, покамышъ будетъ писать трагедіи!...

*(Бросается въ двери и въ нихъ сталкивается съ Расиномъ.)*

### ВЫХОДЪ III.

#### Расинъ.

РАСИНЪ *(обнимая Жана Расина)*. Дядюшка! милый дядюшка! Васъ ли я вижу.

ЖАНЪ РАСИНЪ, *(вырываясь изъ его объятий)*. Оставь меня!.... Недостойный писатель неблагопристойныхъ трагедій!... Съ этихъ поръ я тебя не дядя! я тебя незнаю! я никогда незналъ тебя!.... *(уходитъ)*.

РАСИНЪ. Что съ нимъ случилось? дядюшка! Онъ бѣжитъ какъ сумасшедшій, Маргарита, Лансело!... Объясните мнѣ, что это значить?

МАРГАРИТА. Вашъ дядюшка разсердился на васъ за то, что вы пишете трагедіи.

ЛАНСЕЛО. Твой дядюшка дуракъ. Онъ осмѣлился ругать Эврипида.

РАСИНЪ. Понимаю! Чудакъ Лансело вѣроятно перепугалъ моего дядю тиралами изъ греческихъ трагедій, а тотъ принялъ его за какого нибудь убійцу или заговорщика. Но я объясню ему....

МАРГАРИТА. Вы знаете, какъ упрямя дядюшка Жанъ. Я увѣрена, что онъ теперь собирается опять въ Ферте-Милонъ.

РАСИНЪ. Теперь уже ночь, сегодня гнѣвъ его пройдетъ, а завтра чѣмъ свѣтъ, его племянникъ явится къ нему съ повинной головою, за своего добраго Лансело. Теперь мнѣ вѣкогда объясняться — это займетъ слишкомъ много времени, а я жду къ себѣ черезъ часъ нѣсколько моихъ добрыхъ друзей, которые придутъ разделить скромный ужинъ съ авторомъ Анаромахи, заслужившей всеобщія похвалы отъ строгихъ знатоковъ искусства...

ЛАНСЕЛО. Стало быть твоя пьеса.....

РАСИНЪ. Имѣла огромный успѣхъ. Друзья мои хотѣли съ торжествомъ нести меня домой изъ театра. Я насилу упротилъ ихъ избавить меня отъ этого триумфа и просилъ по-просту распить со мною бутылку стараго вина за успѣхъ новаго поэта!...

ЛАНСЕЛО. Я былъ въ этомъ увѣренъ! Милый Жанъ мой! ты сравнишься со временемъ съ Эврипидомъ....

РАСИНЪ. Я попрошу тебя, милая Маргарита приготовить намъ что-нибудь къ ужину, да поскорѣе.

МАРГАРИТА. Сейчасъ! сейчасъ! Я распоряжусь какъ слѣдуетъ.... А все-таки зачѣмъ вы пишете эти трагедіи! (*уходитъ*).

ЛАНСЕЛО. Но и я уйду тоже, Жанъ!

РАСИНЪ. Какъ, развѣ ты не хочешь съ нами поужинать?...

ЛАНСЕЛО. Нѣтъ! у тебя будутъ эти актеры, писатели. Ты знаешь, что я съ ними никогда немогъ ужиться. Они станутъ смѣяться надъ греками, я буду горячиться, того гляди мы подеремся.... Что за удовольствіе. Я лучше пойду писать критику на этого Рапена... Ты знаешь?...

РАСИНЪ. Все знаю, мой добрый Лансело, — и потому нехочу тебя удерживать!...

ЛАНСЕЛО. Мы увидимся завтра! (*уходитъ безъ шляпы*).

РАСИНЪ (*одинъ, садится задумавшись къ столу*).

Ушли!... Теперь могу я отдохнуть,

На-единѣ съ самимъ собою — сбросить

Съ лица веселую притворства маску,

Которую такъ тяжело носить.

Они меня навѣрно не поймутъ!

Мнѣ странно, мнѣ смѣшно печальнымъ быть!

Чего недостает мнѣ? Весь театръ  
 Дрожалъ сегодня отъ рукоплесканій,  
 Восторга крики воздухъ потрясали,  
 Расина имя повторялъ весь городъ  
 И можетъ-ли онъ недовольнымъ быть?  
 Чего еще онъ требуетъ?... Глушцы!  
 Какъ будто ваши крики и восторги  
 За все вознаградить поэта могутъ?  
 Когда вы мысль не поняли его,  
 Рукоплеща однимъ словомъ, какъ дѣти!...  
 И гдѣ она, роскошное созданье,  
 Любимое дитя моей мечты,  
 Вдова героя Гектора?... Такой ли  
 Я создавалъ тебя въ воображеніи,  
 Печальная, но гордая Троянка,  
 Въ цѣпяхъ твоихъ царица — не раба!  
 Тебя на сцену вывелъ я, толпѣ  
 Я выставилъ тебя на посмѣянье....  
 Прости меня! — Довольно я наказанъ.  
 Не менѣ тебя страдаю я! *(задумывается.)*

#### ВЫХОДЪ IV.

МАРІЯ ШАНМЕЛЕ и ЛУИЗА ДЮПАРКЪ.

ШАНМЕЛЕ.

Задумался?... вотъ это очень мило  
 О чемъ тутъ думать, послѣ представленья,  
 Имѣвшего такой успѣхъ огромный?...

ДЮПАРКЪ.

О чемъ—незнаю, но о комъ—нетрудно,  
 Мнѣ кажется, нисколько догадаться....

ШАНМЕЛЕ.

Догадываться можно, только жаль,  
 Что убѣдиться до-сихъ-поръ нельзя. *(подходя къ Расинѣ.)*

Привѣтъ пѣвцу печальной Андромахи  
Великому поэту!

РАСИНЪ.

Ахъ, Марія!....

Мой Богъ! какъ неожиданно!.... Меня  
Вы удивили вашимъ посѣщенемъ, —  
Такъ рано я не ждалъ васъ.

ШАНМЕЛЕ.

Какъ учтиво!

Ужъ я не испугалась васъ?.. Прекрасно!  
Желая прежде всѣхъ отъ всей души  
Одной поздравить нашего поэта,  
Я поскорѣ сбросивъ свой костюмъ,  
Являюся къ нему — и онъ меня  
Встрѣчаетъ милой фразою: такъ рано?...  
Смотрите, послѣ право будетъ *поздно*, —  
Но въ этомъ будетъ не моя вина!...

РАСИНЪ.

Марія!... неужели васъ обидѣтъ  
Я могъ моими глупыми словами?...  
Вы знаете, языкъ учтивый свѣта  
Расину не былъ никогда знакомъ.  
Онъ не умѣетъ громкими словами  
Идей, какъ погремужкой, украшать  
И заострить кудрявымъ комплиментомъ  
Простой привѣтъ. Одинъ языкъ онъ знаетъ,  
Которымъ сердце говорить его...

ШАНМЕЛЕ.

Не думаю, чтобъ былъ онъ знатокомъ  
И въ этомъ языкѣ — по-крайней-мѣрѣ  
Въ другихъ его не понимаетъ онъ —  
Я это вижу ясно!...

РАСИНЪ.

О! Марія!...

ЛЮПАРКЪ.

Расинъ! покажите будете вы здѣсь  
Съ Маріей объясняться о какомъ-то  
Сердечномъ языкѣ, въ которомъ я  
Не понимаю ровно ни полъ-слова,  
Объ ужинѣ я нашемъ позабочусь  
И Маргаритѣ помогать пойду.  
Не правда-ли, за это на меня  
Вы оба не разсердитесь? —

ШАНМЕЛЕ (*врозь ей*).

Шалунья!

ЛЮПАРКЪ (*проходя, Расину, тихо*).

Смѣлѣй! неловкій Амадисъ! — Пора! —  
Вы видите — ждутъ вашего признанья! (*уходитъ. Расинъ въ  
замышательствѣ подходитъ къ столу и пере-  
бираетъ книги. Шанмеле у другаго просматри-  
ваетъ на него изъ-подъ руки. Долгов молчаніе.*)

ШАНМЕЛЕ.

Ну-съ, господинъ Расинъ, на чемъ же вы  
Остановились?... Не угоднень будетъ  
Вамъ продолжать?...

РАСИНЪ.

Я... я не помню право.

Мы говорили кажется объ этой....  
Объ Андромахѣ.

ШАНМЕЛЕ.

Нѣтъ! нисколько! Мы

О чувствахъ сердца что-то говорили  
Припомнимте!....

РАСИНЪ.

Быть можетъ!... Только право  
Я позабылъ... Къ тому-жъ такой предметъ!... (*молчаніе*).

ШАНМЕЛЕ.

Скажите, господинъ Расинъ, когда вы  
Писали Андромаху, у кого  
Вы заняли всѣ разговоры Пирра  
Съ Троянкою несчастною?....

РАСИНЪ.

Я занялъ?

Какая мысль? могу вамъ поручиться,  
Что самъ я создалъ сцены, разговоры,  
Виргилій мнѣ одну идею далъ.

ШАНМЕЛЕ.

Недумаю!... Въ словахъ царя Эпира  
Такая бездна чувства и огня.  
Любовь его къ прекрасной Андромахѣ,  
Такъ пламенна.... Чтобъ выразить ее  
Съ такимъ искусствомъ, надо самому  
Такъ чувствовать, любить, а вы... вы даже  
И говорить не можете о чувствахъ  
И о любви....

РАСИНЪ.

Марія! о повѣрьте!

Не многословна — истинная страсть!  
Она всегда грустна и молчалива,  
Она боится словомъ, взглядомъ, мыслью, —  
Ту оскорбить, которая одна —  
И умъ и сердце занимаетъ....

ШАНМЕЛЕ.

Право?

А это переводится словами:  
И я влюбленъ! Скажите, ради Бога,  
Какъ это вы рѣшились мнѣ признаться  
Въ такомъ ужасномъ, страшномъ преступленіи?

РАСИНЪ.

Я... вы ошиблись — я не говорилъ  
Ни слова!... Я нисколько не влюбленъ,  
А объяснялъ піесу, роль....

ШАНМЕЛЕ.

Прекрасно!

Опять назадъ! Помилуйте, Расинъ!  
Я развѣ духовникъ вашъ? Какъ не стыдно  
Меня бояться?... Вѣрно мнѣ придется  
Признаніе у васъ исторгнуть силой.  
Какъ человекъ, вы просто неприступны,  
Дай нападемъ на автора опять.  
Такъ монологи Пирра вы писали;  
Прекрасно; вѣрю! — стало-быть на мѣсто  
Героя вѣчно ставили себя,  
Его языкъ и чувства принимали,  
Одушевлялись страстію его.

РАСИНЪ.

Конечно!.. Но....

ШАНМЕЛЕ.

Себя воображая

На мѣстѣ Пирра,—вы кому тогда  
Роль Андромахи назначали?

РАСИНЪ.

Я

Не думалъ ни о комъ... повѣрьте! Это  
Фантазія!...

ШАНМЕЛЕ.

Послушайте, Расинъ!

Вѣдь, наконецъ, ужъ это просто—скучно!  
Вы робки и застѣнчивы, но есть же  
Всему предѣлъ. Вы влюблены:—объ этомъ  
Вся наша труппа знаетъ. Вашихъ чувствъ  
Т. VII. Отд. I.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.

Ленинград. ял Театральная

БИБЛИОТЕКА

имени А. В. ЛУНАЧАРСКАГО

ТЕАТРЪ ДРАМЫ

7018.

Скрывать вы не умѣете. Давно  
 Всѣ называютъ громко вашей страсти  
 Предметъ—и только я одна не знаю  
 Навѣрное объ этомъ. И за что же  
 Такая недоувѣрчивость ко мнѣ?  
 Въ толпѣ моихъ подругъ меня всегда  
 Вы отличали, вы съ такимъ участиемъ  
 Слѣдили за успѣхами моими,  
 Меня учили сами, назначали  
 Мнѣ роли ваши лучшія... Расинъ!  
 Не стыдно ли вамъ отъ меня скрываться,  
 Ужели вы не знаете, какъ къ вамъ  
 Привязана Марія?...

РАСИНЪ.

О! вы правы!  
 Я сумасшедшій, я дуракъ, Марія —  
 Я самъ себя невыразимо мучу,  
 Но чувство вы мое должны понять,  
 Я такъ люблю!—что если на признанье  
 Насмѣшкой, или презрѣниемъ мнѣ отвѣтить?..

ШАНМЕЛЕ.

Мой Богъ, вѣдь вѣрно вы не въ герцогиню  
 Влюбились,—но если только сердце  
 Есть и у герцогини подъ корсетомъ,  
 То на любовь великаго Расина  
 Она однимъ отвѣтить—сожалѣниемъ,  
 Что страсти пламенной не можетъ также  
 Взаимною любовью отвѣчать!

РАСИНЪ.

Марія, ангель! вашими словами  
 Вы жизнь мнѣ возвращаете!... Ужели  
 И я могу надѣяться!.. Марія!..  
 Вы!.. никого не любите?..

ШАНМЕЛЕ.

Вотъ этотъ  
 Вопросъ совсѣмъ не кетати, не у мѣста!  
 Какъ? вы хотите, чтобы я сказала,

Люблю ли я, когда еще ни слова  
Признанья не слыхала—отъ того,  
Кого люблю!..

РАСИПЪ.

Марія!.. Сжальтесь... сжальтесь!..  
Скажите мнѣ, вы любите-ль?..

ШАНМЕЛЕ.

Кого?

РАСИПЪ. *(бросаясь на колѣна).*

Того, кто здѣсь, у вашихъ ногъ, клянется  
Въ любви безумной, вѣчной, пылкой, страстной,  
Которую не выразить словами,  
Которую разсудкомъ не понять!

ШАНМЕЛЕ, *(подавая ему руку).*

Вотъ мой отвѣтъ!

РАСИПЪ, *(осыпая ее поцѣлуями).*

Я немогу повѣрить!

Я немогу придти въ себя! Марія!

О! если это сонъ! молю тебя,

Безумца не буди! Позволь ему

Хотя во снѣ быть счастливымъ. *(Въ дверяхъ показывается Жанъ-Расипъ. Онъ входитъ въ комнату, и видя, что Расипъ не замѣчалъ его, сжимаетъ руки Маріи, и смотритъ ей въ глаза,—надвигаетъ шляпу, плюетъ, и опять уходитъ).*

ШАНМЕЛЕ.

Мой другъ!

Зачѣмъ себя такъ долго мучилъ ты?...

Ужель ты не прочелъ въ моихъ глазахъ,

Что я тебя любила, что давно

Любовь твою открывала!

РАСИНЪ.

Я не смѣю

Надѣяться, признаніемъ боялся  
 Я оскорбить тебя.... и до-сихъ-поръ  
 Еще не вѣрю! Слишкомъ много счастья!  
 Боюсь, чтобъ за него мнѣ не послала  
 Судьба большого горя! Но за все  
 Любовь твоя вознаградитъ съ избыткомъ.  
 Я за нее одними лишь слезами  
 Могу теперь тебя благодарить.

ШАНМЕЛЕ.

Мой Жанъ! одно возвышенное сердце  
 Любить такъ можетъ!.. О! я постараюсь,  
 Чтобы за счастье моего Расина  
 Могло меня благодарить потомство,  
 Сказавъ: она любовью усладила  
 Его заботы...

РАСИНЪ.

И ея любовь

Его потомству сдѣлала извѣстнымъ.  
 Своимъ талантомъ ей обязанъ онъ!

## ВЫХОДЪ V.

МАРГАРИТА, ДЮПАРКЪ, ПОТОМЪ БУАЛО, ЖИЛЬ МЕ-  
 НАЖЪ, РЕНЬО ДЕ-СЕГРЕ, ЛАНСЕЛО, АКТЕРЫ И АК-  
 ТРИСЫ, СЛУГИ.

МАРГАРИТА. Ужинъ вашъ готовъ, благодаря стараньямъ ва-  
 шей доброй Луизы. На крыльцо входитъ господинъ Буало, еще  
 съ кѣмъ-то, не разглядѣла. Вы скажете мнѣ, когда подавать  
 на столъ.

РАСИНЪ. Благодарю, добрая Маргарита!.. Позволь мнѣ поцѣловать тебя за твои труды... Вамъ, милая Луиза, я могу только пожать хорошенькую ручку, за то отъ всего сердца.

ЛЮПАРКЪ. Покорно васъ благодарю и за это!

МАРГАРИТА. Да что съ вами случилось? что у васъ за радость?

РАСИНЪ. Ахъ, милая Маргарита! я такъ счастливъ, такъ счастливъ!.. (*увидя Буало и Менажа*). Другъ мой, Буало! добрый Менажъ! Позвольте обнять васъ!.. Порадуйтесь вмѣстѣ со мною!

БУАЛО. Да! я отъ души радъ услышу твоей Андромахи. Она открываетъ совершенно новый рядъ трагедій. Греческіе трагикъ....

РАСИНЪ. Помилуй, любезный другъ, я нисколько не думаю о моей Андромахѣ, я забылъ обо всѣхъ трагедіяхъ на свѣтъ.

МЕНАЖЪ. Это очень понятно! Нашъ великій писатель былъ здѣсь, какъ кажется, въ обществѣ живыхъ музъ, съ которыми немудрено позабыть о мертвыхъ!

БУАЛО. Ужъ не узналъ ли и ты Расинъ *искусство любить*?

РАСИНЪ. Ему научили меня твои стихи.

МЕНАЖЪ. Въ теоріи ты давно былъ силенъ въ немъ; твоя Андромаха на каждомъ словѣ дышетъ самой пылкой страстью.

БУАЛО. Да, но зато на практикѣ онъ, какъ я слышалъ, сроду не говорилъ ни одной женщинѣ—самого невиннаго комплимента.

ШАНМЕЛЕ. Ошибаетесь, господа. Буало, нашъ скромный поэтъ недавно сдѣлалъ мнѣ любовное объясненіе во всей формѣ и по всемъ правиламъ.

БУАЛО. Неужели?.. Поздравляю отъ всего сердца!

МЕНАЖЪ. И я также!.. Жалю только, что не засталъ этой сцены. Она вѣрно была очень интересна.

ЛАЕСЕЛО, (*входитъ скоро и идетъ прямо къ столу, ищетъ около него, подъ нимъ, между книгами, и, развернувъ одну изъ нихъ, начинаетъ читать ее, не обращая ни на кого вниманія*).

РЕВЬО ДЕ СЕГРЕ, (*входя*). А! меня предупредили—я надѣялся первымъ поздравить съ успѣхомъ моего милаго поэта, (*жметъ ему руки*).

МЕНАЖЪ. А пришелъ послѣднимъ. Тебѣ не въ первый разъ опаздывать.

РЕВЬО ДЕ СЕГРЕ. А Менажъ! вотъ ты, какъ кажется, никогда не опаздывашь посмѣяться надъ своимъ собратомъ и товарищемъ.

менажъ. Я тороплюсь только для того, чтобы онъ не предупредилъ меня.

расинъ, *(увидя входящихъ актеровъ и актрисъ)*. Вотъ и весь мой друзья собрались: Флоридоръ, Бошато, Валоръ! благодарю васъ, что вы не отказались разделить скромный ужинъ Расина, который сегодня вамъ обязанъ былъ своимъ успѣхомъ. Маргарита, вели подавать на столъ. Больше дожидаться нѣкого.

маргарита. Есть даже одинъ лишній гость, котораго вы не считали, господинъ Расинъ.

расинъ. Кто же это?..

маргарита. Да вотъ господинъ Лансело! Онъ опять зачѣмъ-то вернулся. Впрочемъ, вы его не обезпечите... Можете ужинать, не приглашая его, — онъ не замѣтитъ этого.

расинъ. Чудакъ! я не видалъ, какъ онъ вернулся, *(подходя къ нему)*. Лансело, почтенный мой наставникъ! Клодь Лансело!

лансело, *(разспянно)*. А? кто это? здравствуй, съ добрымъ утромъ!.. Мое почтеніе. — Недурно. Двѣ драхмы сикіонскіе башмаки это что-то дорого. *(Продолжаетъ читать)*.

буало. Будто ты не знаешь, что такимъ образомъ отъ него никогда не добьешься отвѣта. Вотъ самое лучшее средство, чтобы заставить его говорить!.. *(выхватываетъ у него книгу)*.

лансело, *(вскакивая)*. А! что? какъ?.. что это значить? кто взялъ книгу! подайте назадъ книгу!

буало. Нѣтъ! потрудись прежде сказать: для насъ, или для книги пришелъ ты сюда?

лансело. Я пришелъ?... ахъ, да, вообрази, какой странный случай, любезный Жанъ. Ты вѣдь знаешь, что я нисколько не разспянь.

расинъ. О! да! мы все въ этомъ уврены!

лансело. Ну да! а уйдя отъ тебя, я позабылъ взять съ собой шляпу и вспомнилъ объ ней у своего дома. Я, разумеется, тотчасъ же вернулся назадъ, чтобы взять ее, потому-что плѣшивой головѣ моей становилось довольно холодно.

расинъ. Но если ты былъ уже у своего дома, то не лучше ли было войдя въ него, послать за шляпой своего лакея.

лансело. И въ-самомъ-дѣлѣ! вообрази — я объ этомъ и не подумалъ. Ну да это и не удивительно — не все вдругъ придетъ въ голову. Вотъ я и вернулся къ тебѣ за шляпой.

буало. Да и съѣзъ за книгу.

ЛАНСЕЛО. Книгу? какую книгу! Ахъ да! Ну, да она мнѣ попалась подъ руку—книга очень любопытная. Я давно не читалъ ее. Разсужденіе Николая о греческомъ театрѣ. Дай мнѣ ее пожалуйста, Жанъ, прочесть?..

РАСИНЪ. Съ удовольствіемъ!... но теперь когда ужинъ на столѣ, ты ужъ не можешь отказаться раздѣлить его съ нами?

ЛАНСЕЛО. О! отчего же... съ охотою! Зачѣмъ же ты не сказалъ мнѣ ни слова, когда я уходилъ отсюда? я во всякомъ случаѣ поужинаю съ удовольствіемъ, потому—что непомню хорошенько: объдалъ ли я сегодня! *(всѣ садятся за столъ, который между тѣмъ слуги принесли на авансцену, Лансело роняетъ на-полъ салфетку и не замѣчая этого, завязываетъ себѣ скатерть въ верхнюю петлицу кафтана.)*

БУАЛО, *(наливая бокалы)*. Прежде всего друзья, выпьемте за здоровье нашего хозяина поэта, и пожелаемъ Франціи имѣть побольше такихъ писателей, какъ Жанъ Расинъ!

ЛАНСЕЛО. И Эврипидъ!

всѣ. Вивать, Жанъ Расинъ! *(пьютъ и чокаются)*.

РАСИНЪ, *(вставая)*. Друзья мои! Я пью за вѣчность нашей дружбы и за успѣхъ французской трагедіи.

БУАЛО. Зачѣмъ же одной трагедіи? — я слышалъ, что нашъ Софокль въ то же время хотѣлъ сдѣлаться и Аристофаномъ, что онъ написалъ какую-то комедію.

РАСИНЪ. Да! она давно уже была у меня написана, но я только недавно отдалъ ее совершенно. Идею я взялъ изъ Аристофановыхъ *Осв.*—Она называется *Челобитчики*.

БУАЛО. И до-сихъ-поръ ты не говорилъ мнѣ объ этомъ ни слова?

РАСИНЪ. Прости меня, любезный другъ, но прежде чѣмъ отдать ее на строгій судъ твой, я послалъ ее къ моему доброму покровителю, герцогу де Шеврезу. Ты вѣрно отъ него узналъ объ этомъ?

БУАЛО. Да! я сегодня былъ у герцога, и онъ очень хвалилъ твою комедію. Я просилъ у него позволенія взглянуть на рукопись, но онъ ужъ отдалъ ее прочесть одному,—какъ онъ самъ говорилъ, знаменитому челоуьку, на вкусъ котораго онъ совершенно полагается.

РЕНЬО де СЕГРЕ. Ужъ не Корнелю ли, который считаетъ комедіи униженіемъ искусства?

расинъ. Ужъ не Мольеру-ли?... Онъ и безъ того терпѣть меня не можетъ, а когда узнаетъ, что я пишу комедіи, — то захвораетъ съ досады.

менажъ. Мнѣ кажется, что размолвка твоя съ Мольеромъ была одною изъ главныхъ причинъ того, что ты вздумалъ написать комедію.

расинъ. Признаюсь вамъ, мнѣ очень хотѣлось доказать этому королевскому камердинеру, что не онъ одинъ можетъ писать комедіи — и что совсѣмъ нетрудно писать такія, какъ онъ.

шанмеле. Это не совсѣмъ хорошо съ вашей стороны, господинъ Расинъ.

расинъ. Что-же дѣлать, милая Марія. Я очень хорошо знаю, что это дурно, но не стыжусь признаться въ этомъ. Откровенность — первая моя добродѣтель — или, если угодно — первый порокъ мой!..

ренъ де сегре. И такъ за здоровье втораго Мольера, который вѣроятно будетъ выше перваго.

дюпаркъ. За счастье нашего добраго друга!

менажъ. За вѣчную славу перваго траги-комическаго писателя Франца.

лансело. И за Эврипида! — *(пьютъ)*.

шанмеле. Кстати знаменитый авторъ многихъ будущихъ трагедій. Мы сейчасъ испытаемъ, какъ далеко простирается ваша откровенность. Я и забыла спросить васъ, каково я сыграла Андромаху... Не запинаясь, не придумывайте фразъ — отвѣчайте ясно и просто.

расинъ. Милая Марія! вы были удивительны, очаровательны, какъ всегда, но...

шанмеле. Но?..

расинъ. Но вы были не Андромаха!..

шанмеле. Не Андромаха? Ктожъ я была по вашему мнѣнію?

расинъ. Вы были неподражаемой актрисою, отъ которой сходитъ съ ума весь Парижъ, вы были веземнымъ существомъ, посланнымъ въ этотъ міръ, чтобы утѣшить страждущихъ въ минуты несчастія, вы были роскошною, прелестною Марією Шанмеле, которая заставляетъ плакать и безумствовать бѣднаго Расина!..

шанмеле. Въ переводъ на обыкновенный языкъ эта пыш-

ная фраза значить... вы не поняли вашей роли и очень дурно ее сыграли.... Благодарю васъ за откровенность, господинъ Расинъ.

РАСИНЪ. Я зналъ, что вы обидитесь, Марія, но несмотря на это, я высказалъ вамъ свое мнѣніе. Не обвиняйте себя въ томъ, что роль эта вышла не такова, какою я хотѣлъ создать ее. Быть-можетъ я больше васъ виноватъ въ этомъ, потому-что не умѣлъ вполне выразить, объяснить публикѣ характеръ Андромахи, потому-что роль скорѣе была не такъ *создана*, чѣмъ не такъ *выполнена*.

ШАММЕЛЕ. Все это пустыя увертки. Главную мысль вашу вы сказали теперь такъ ясно, что я не нуждаюсь въ пояснительныхъ прибавленіяхъ.

БУАЛО. Ты очень строго судишь, Расинъ. Какъ поэтъ—ты можешь быть недоволенъ ею, но мы, какъ зрители—были въ восторгѣ отъ нее.

МЕНАЖЪ. Мнѣ очень понятно, почему влюбленный Расинъ не замѣтилъ въ васъ Андромахи—онъ видѣлъ одну только Марію Шаммеле.

ЛЮПАРКЪ. Которая въ слѣдующій же разъ постарается доказать Расину, что онъ ошибается! Не такъ-ли?

БУАЛО. И въ доказательство того, что не сердится на него, должна сейчасъ же поцѣловать это высокое чело, въ которомъ родятся такія прекрасныя мысли.

ВСЪ. Да! да! мы всѣ этого требуемъ!

БУАЛО. Вы видите, что это общее желаніе, которому вамъ нельзя противиться.

ШАММЕЛЕ, (*вставая, сухо.*) И которое я исподняю какъ актриса, въ знакъ моего уваженія къ г-ну Расину, какъ къ писателю. (*цѣлуетъ его въ лобъ, въ это время на порогъ показывается Жанъ Расинъ, дядя.*)

## ВЫХОДЪ VI.

Жанъ Расинъ.

ЖАНЪ РАСИНЪ. Опять! Фу ты Господи! Куда это я попалъ?... всѣ, (*вставая.*) Что это за человекъ? (*Лансело одинъ остается за столомъ, ничего не замѣчая и продолжая пѣть.*)

расинъ. Дядюшка! какъ я радъ, что вы рѣшились вернуться, и какъ кстаті!..

жанъ расинъ. Кстаті? Господи! И онъ не стыдится говорить это! Точно кстаті—потому, что я своими глазами увидѣлъ твою безпутную жизнь, твои ужасные поступки..

расинъ. Но позвольте!..

жанъ расинъ. Прочь отъ меня—недостойный племянникъ, позорящій чистое имя Расиновъ. Я не хотѣлъ вѣрить первому впечатлѣнію. «Стыдись старикъ—говорилъ я самому себѣ—можетъ-быть ты неправъ! ты долженъ по-крайней-мѣрѣ выслушать его оправданія.» И я вернулся сюда съ тѣмъ, чтобы при первомъ словѣ раскаянія, открыть тебѣ мои родственныя объятія — и чтоже увидѣлъ я? Слуги твои сказали мнѣ, что у тебя въ гостяхъ какая-то актриса — и это мнѣ уже было больно, очень больно, но что-же я долженъ былъ чувствовать, когда первымъ предметомъ, бросившимся мнѣ при входѣ въ глаза,—былъ мой племянникъ, стоявшій на коленяхъ передъ этой актрисой и цѣловавшій у нее ручки.

расинъ. Но дядюшка! повѣрьте!..

жанъ расинъ. Я ничего нехочу слышать—я все видѣлъ собственными своими глазами. Видѣлъ и теперь, когда въ третій разъ вернулся къ погубшему племяннику съ рѣшительнымъ намѣреніемъ: заставить его отказаться отъ театра и театральныя трагедій, или прекратить всѣ родственныя сношенія.—Вы опять цѣловались—безъ церемоніи, безъ зазрѣнія совѣсти! Передъ всеми этими почтенными господами, которые очень спокойно смотрѣли на эти непристойности. Господи! да туда ли зашелъ я?.. Вавилонъ! настоящій Вавилонъ! Не введи насъ во искушеніе!

расинъ. Я незнаю, что вы находите во всемъ этомъ дурнаго, почтенный дядюшка. Здѣсь собрались лучшіе друзья мои, артисты и писатели, которыми гордится Франція, порадоваться успѣху моей новой трагедіи, играной сегодня въ первый разъ.

жанъ расинъ. Все это вздоръ. Развѣ я не видѣлъ собственными своими глазами. И еще ты увѣряешь меня, что актеры—хорошій народъ. Ну что у нихъ за нравственность, что за благочестіе?.. Вижу, что они совсѣмъ втянули тебя въ ихъ богопротивное общество. Погубили они моего племянника, при жизни обрекли на муки вѣчныя *(плачетъ.)* Жанъ! покойный отецъ твой, умирая, просилъ меня не покидать тебя, смотрѣть за то-

бою—видишь ли какъ я добръ—я готовъ все простить, все забыть—я открываю тебѣ мои объятія. Уѣдемъ со мною въ нашъ Ферте Милонъ! Брось этотъ погибшій Парижъ, брось твои трагедіи—и служи вѣрой и правдой отечеству, въ нашемъ судѣ, ты приобретешь любовь соотечественниковъ и благословеніе потомства.

расинъ. Какъ дялюшка? вы хотите, чтобы я оставилъ это поприще, на которомъ первые мои опыты увѣнчались успѣхомъ. Вы требуете, чтобы я отказался отъ славы, отъ удивленія моихъ соотечественниковъ, отъ уваженія вельможъ и знатныхъ. Развѣ вы думаете, что писатель не можетъ приносить пользы своему отечеству? Я не выбиралъ этого званія. Тотъ, кто далъ птицѣ поднебесной ея чудныя трели, кто влилъ высокую гармонию въ журчанье ручья и трепеть листьевъ,—Тотъ вложилъ въ грудь мнѣ сладкое чувство поэзіи—и я, какъ невѣрный рабъ, не зарюю въ землю даннаго мнѣ Богомъ таланта.

жанъ расинъ. Другъ ты мой, Жанъ. Все это вѣдь больше ничего, какъ одни слова и слова. Я вѣрю, что у васъ дорожатъ поэтомъ, потому—что поэтъ вещь рѣдкая, гораздо рѣже попадается, чѣмъ дикая женщина изъ Америки, чѣмъ теленокъ о трехъ головахъ. Да польза—та какая отъ нихъ? Ну что бы изъ этого вышло, если бы на землѣ все люди сдѣлались поэтами, если бы закей мой, вмѣсто того, чтобы по-утру платье вычистить, началъ бы мнѣ читать стихи? Суета это, чистая суета! Повѣрь мнѣ! покаместъ ты молодъ, тебя другіе увѣряютъ—и самому тебѣ кажется, что ты удивительно какъ хорошо пишешь,—а право, это все пустяки. Вѣдь ужъ я тебя очень хорошо знаю. Съ малолѣтства изо-всѣхъ твоихъ братьевъ, ты былъ всѣхъ слабоумнѣе. Ты вѣришь тому, что тебя называютъ талантомъ, гениемъ—вздоръ! все вздоръ! ужъ это я знаю, что изъ тебя рѣшительно ничего не выдетъ. Тебѣ только и быть, развѣ, что судьбою. Многаго на это ненадобно. Послушайся меня, милый Жанъ—повѣдемъ отсюда. Здѣсь тебя совѣмъ собьютъ съ толку!

шанмеле. Это превосходно! Это неподражаемо! дялюшка вашъ такое любопытное лице, что я очень желала бы, чтобы его увидѣлъ Мольеръ. Онъ бы написалъ прекрасную комедію.

жанъ расинъ. Чему вы смѣетесь, сударыня? Какую тутъ вы нашли комедію? Если кто здѣсь играетъ комедію, такъ это тѣ, которые обманываютъ моего глупаго племянника, а я говорю,

желаю ему добра. Вы никогда меня не увърите, чтобы онъ написалъ хорошую трагедію. На поздравительное стихотвореніе еще его станеть — ихъ и его величество, нашъ великій король любить; — они по-крайней-мѣрѣ хоть тѣмъ полезны, что за нихъ даютъ подарки — а трагедіи?... знаю я, что это за непристойныя штуки. Недавно какой — то полоумный прочелъ мнѣ здѣсь же стихи изъ трагедіи Эврипиды, такъ это такая гадость...

Лансело, *(слушавшій все время спокойно, вскакиваетъ и стаскиваетъ со стола скатерть, привязанную у него въ петлицы. Все падаетъ на полъ.)* Гадость! опять! Эврипидъ, гадость! Нѣтъ это ужъ черезъ чуръ!.. Я не позволю вамъ бранить Эврипиды, слышите—ли, не позволю! Вы еще чортъ знаетъ, что за человекъ — а Эврипида знаетъ вся Греція отъ Пропонтиды до Фракіи *(гордо закидывая скатерть за-плечо)* и мы, Аѳиняне въ Пританей и Лицеяхъ, на площадяхъ и въ портикахъ осудимъ остракизмомъ того, кто осмѣлится осуждать Эврипиды.

*(Громкій хохотъ. Жанъ Расинъ затыкаетъ уши. Слуги убираютъ столъ.)*

Жанъ Расинъ. Господи! Господи! гдѣ я? Что это за—люди. Вынеси меня изъ этого дома! Это Содомъ и Гоморръ! столпотвореніе Вавилонское! Я отслужу благодарственный молебень за мое спасеніе, когда вырвусь изъ этого ада! —

Расинъ. Но дядюшка! Позвольте мнѣ объяснить вамъ!...

Жанъ Расинъ. Довольно! я слышалъ и видѣлъ довольно! — Слышалъ собственными своими глазами, видѣлъ собственными своими ушами!... Фу ты Господи! Голова поневоля идетъ кругомъ. Съ этимъ народомъ и самъ завираешься. Вонъ! вонъ изъ этого дома! —

Расинъ. И вы рѣшились разстаться со мною?....

Жанъ Расинъ. Навсегда! После всего, что я видѣлъ и слышалъ — мнѣ нѣтъ надежды вырвать тебя изъ этого оута, а я самъ на старости лѣтъ вѣрно не захочу въ немъ купаться. Я прерываю съ тобою все связи и сношенія. Отъ лица всей почтенной фамиліи Расиновъ отчуждаю тебя, изгоняю изъ среды ихъ. Съ этихъ поръ ты не Расинъ, не нашъ родственникъ. Я скажу возвратясь въ Ферте-Милонъ, что племянникъ нашъ умеръ, и что тотъ, кто въ Парижѣ носитъ наше имя, присвоилъ его себѣ самовольно. Въ этомъ свѣтъ мы больше съ тобой не увидимся! — *(уходитъ. Минута молчанія.)*

вудло. Въ этомъ чловѣкѣ, несмотря на его смѣшную сторону — есть много хорошаго.

дюпаркѣ. Я скорѣе нахожу, что можно было плакать, чѣмъ смѣяться, слушая его!

распнѣ. Судьба! судьба! Эго первый ударъ твой, что если...  
жанѣ распнѣ, (*появляясь опять въ дверяхъ*). Я вернулся! (*Распнѣ бросается къ нему, онъ отклоняетъ его рукою*) для того, чтобы сказать тебѣ, что если ты когда-нибудь одумаешься, бросишь и театр и трагедіи... (*Распнѣ въ свою очередь отступаетъ и качаетъ головою*). Понимаю!... Но если даже просто на тебя обручатся несчастія, если люди вмѣсто удивленія и похвалъ станутъ смѣяться надъ тобою, преслѣдовать тебя, если ты долженъ будешь бѣжать изъ этого Парижа — потому, что все можетъ случиться — если наконецъ у тебя не будетъ ни куска хлѣба, ни пристанища, куда бы ты могъ приклонить свою блдную голову — тогда не забудь, что въ твоемъ родномомъ городѣ есть чловѣкѣ, который всегда готовъ простить раскаявію, всегда готовъ открыть объятія свои для блднаго сына!

распнѣ. Дядюшка! добрый, благородный дядюшка! Если послѣ всего того, что вы сказали мнѣ, я отказываюсь сдѣлать за вами,—вы должны быть увѣрены, что не простой капризъ, не упрямство, не заблужденіе, заставляютъ меня дѣлать это — но твердое убѣжденіе, но призваніе свыше. Дордга, по которой пойду я — трудна и терниста. Она приведетъ меня можетъ-быть къ безднѣ печали и страданій — а я все-таки пойду по ней — и до конца жизни не оставлю пути, избраннаго мною. Я сдѣлалъ только одинъ шагъ на ней — и уже судьба послала мнѣ тяжкое испытаніе — разлуку съ вами. Впередѣ ожидаютъ меня еще большія бдствія. Благословите же меня — добрый дядюшка — съ твердостью и терпѣніемъ донести до могилы тяжелый крестъ мой.

жанѣ распнѣ. Нѣтъ, Жанѣ — я немогу сдѣлать этого. Ты избралъ, по мнѣ, дурную дорогу въ жизни — а на дурную гршно благословлять. Я могу только объять тебя и молить Бога, чтобы онъ скорѣе снялъ съ тебя ослѣвленіе. (*Распнѣ бросается къ нему въ объятія*.) Вижу, что ты не совсемъ погибъ, и что настанетъ время, когда домъ отеческій будетъ радоваться возвращенію блднаго сына! — а теперь если Богъ судилъ тебѣ пройти путемъ испытанія — да сбудетъ святая воля Его. Аминь!

(*Вырывается изъ его объятій и уходитъ. Всл тронуты.*)

БУАЛО. Добрый старикъ! Какъ онъ любитъ тебя, Расинъ! какая привязанность!

МЕНАЖЪ. И вмѣстѣ съ тѣмъ какое ослѣпленіе! Ненавидѣть трагедіи!

ЛАНСЕЛО. Бравить Эврипида!

РЕНЬО ДЕ СЕГРЕ. Не признавать таланта въ Расинъ!

РАСИНЪ. Кто знаетъ? Не правъ ли онъ?.. Не ошибаетесь ли вы, друзья мои, не ошибаюсь ли я самъ?

БУАЛО. Кто сомнѣвается въ самомъ себѣ, тотъ никогда не пойдетъ далѣе. Вѣрь собственному сердцу, Расинъ — и оно не обманетъ тебя.

РАСИНЪ. Да! я чувствую въ груди какой-то тайный голодъ, который говоритъ, что и во мнѣ есть искра этого божественнаго огня, который люди называютъ талантомъ. Я чувствую, что могу понимать, что могу создавать прекрасное. Не для того ли судьба разорвала связи моего родства съ міромъ, чтобы я привязался всею душою къ искусству. Люди, которыхъ уважаетъ Франція, назвали Расина своимъ братомъ, и Расинъ докажетъ свѣту, что они не ошиблись, возлагая на него такія блестящія надежды. Родные оставили меня въ самомъ началѣ моего поприща, любовь не многое обѣщаетъ бѣдному Расину — пусть же искусство за все вознаграждаетъ меня!...

БУАЛО. Да! и я предсказываю тебѣ громкую славу и блестящую будущность. Друзья! еще разъ нальемте бокалы!... За славу Расина! за здоровье *перваго* драматическаго писателя Франціи!

всѣ (*окружая Расина съ бокалами вина и пожимая ему руки.*) Да здравствуетъ Расинъ! нашъ *первый* драматическій писатель!

## ВЫХОДЪ VII.

КОРНЕЛЬ.

КОРНЕЛЬ (*на порогѣ*).

Остановитесь, молодые люди!

Позвольте же и мнѣ соединить

Мой хриплый голосъ съ криками восторга,  
 Позвольте вмѣстѣ съ вами прокричать  
 Глушцу съдому, старикку Корнелю:  
 Да здравствуетъ великій нашъ Расинъ!  
 Нашъ *первый* драматическій писатель! —

(*Всѣ молча и съ почитеніемъ отступаютъ, наклоняя головы*).

Чтожъ замолчали вы, зачѣмъ же мнѣ  
 Не вторите вы криками своими?...  
 Иль голосъ мой смутилъ васъ, удивилъ  
 Какъ гостя замогильнаго воззванье?  
 Не правда ли, вамъ странно видѣть здѣсь  
 Свидѣтеля временъ давно минувшихъ?  
 Вамъ странно видѣть стараго Корнеля  
 Межъ молодымъ и новымъ поколѣньемъ?  
 Межъ новыми *великими* людьми! —  
 Да! зажился старикъ! Давно пора  
 Ему очистить мѣсто для другихъ  
 Писателей, для геніевъ высокихъ,  
 Для *первыхъ* драматическихъ талантовъ...  
 Не правда ли — онъ какъ-то всѣхъ стѣсняетъ,  
 А безъ него просторно будетъ вамъ! —  
 Старикъ одинъ такъ много мѣста занялъ!...  
 На немъ могабъ съ успѣхомъ подвизаться  
 И дюжина писателей новѣйшихъ.  
 Онъ здѣсь, бродя какъ остовъ межъ живыми,  
 Далеко тѣнь отбрасывалъ на нихъ.  
 Пора и вамъ въ лучахъ погрѣться славы,  
 Которую онъ заслонялъ отъ васъ.

РАСИНЪ.

Ты къ намъ несправедливъ, Корнель, тебѣ  
 Завидовать и удивляться только  
 Мы можемъ, — но желать твоей кончины  
 Не станетъ тотъ, кто любитъ нашу славу,  
 Кто къ Франціи привязанъ. Предъ тобою  
 Готовы мы съ почитеніемъ склониться.  
 Всегда, вездѣ и всѣми будешь принятъ

Ты какъ отецъ трагедіи новѣйшей.  
 При имени твоёмъ всѣ встанутъ съ мѣста,  
 Протянутъ руку славному Корнелю,  
 И,—съ просьбою почтять ихъ скромный пиръ,—  
 Бокаль заправный поднесутъ поэту! (по знаку его Буало  
 подноситъ Корнелю бокаль съ виномъ).

КОРВЕЛЬ. (отклоняя его)

Я не затѣмъ пришелъ, чтобъ пировать,  
 Я не затѣмъ пришелъ, чтобъ упиваться.  
 Вся молодость Корнеля протекла  
 Въ трудъ, въ науки—не въ пирахъ веселыхъ.  
 Я непривыкъ къ роскошнымъ вашимъ яствамъ  
 И въ вашихъ винахъ я незнаю толку.  
 Въ твои года, Расинъ—Корнель сидѣлъ  
 За книгой—не за чашею вина.  
 Да, то былъ вѣкъ суровый,—трудный вѣкъ!....  
 Его потомки скоро позабыли,  
 Но ихъ самихъ за то скорѣй забудутъ!  
 Въ тогъ вѣкъ названье *перваго* поэта  
 Не такъ легко, повѣрь, приобреталось,  
 И проживъ я тяжелую годову,  
 Пока въ своемъ призваньи убѣдился.  
 Къ чему пустая скромность въ дверяхъ гроба? —  
 Я чувствую—я сдѣлалъ все, что могъ, —  
 И съ этой мыслью я умру спокойно!

РАСИНЪ.

Къ чему такія мысли! Много можешь  
 Еще ты сдѣлать, написать!...

КОРВЕЛЬ.

Расинъ!

Ты знаешь ли великое искусство,  
 Остановиться во-время, когда  
 Слабнютъ силы, память измѣняется,  
 Воображенье старое дряхлѣетъ? —  
 Нѣтъ! никогда своей прошедшей славы  
 Не захочу я пережить. Свой путь  
 Я долженъ былъ окончить, а другіе  
 И начинать его бы не должны.

БУАЛО.

Ты слишкомъ строгъ!

КОРНЕЛЬ.

Я только справедливъ!

Когда я началъ поприще свое  
 Во Франціи была толпа поэтовъ,  
 И небыло читателей. Надъ всеми  
 Былъ приговоръ одинъ. Что кардиналъ  
 Рѣшалъ,—то было неизмѣнно. Онъ  
 Въ войнѣ и въ мирѣ и въ литературѣ  
 Господствовалъ вездѣ.—Я написалъ  
 Имъ *Сиду*—Сидъ не понять былъ; ему  
 Трагедіи Ротру предпочитали.  
 Я написалъ *Гораціевъ*. Всѣ ждали,  
 Что скажетъ кардиналъ—но Ришелье  
 Молчалъ—и всѣ молчали. Не теряя  
 Ни твердости, ни убѣжденія, я  
 Имъ *Цинну* далъ—и Цинною остался  
 Доволенъ кардиналъ—и весь Парижъ  
 Смотрѣть его два мѣсяца сбѣгался.  
 Я побѣдилъ терпѣніемъ вражду,  
 Презрѣніемъ обезоружилъ зависть;  
 Я удивленіе публики насильно  
 Исторгъ,—и равнодушный къ похваламъ,  
 Какъ равнодушенъ былъ къ ея насмѣшкамъ,  
*Помпел* ей и *Поліевкта* далъ.  
 Парижъ въ моемъ призваньи убѣдился,  
 И лишь тогда меня онъ назвалъ *первымъ*  
 Трагическимъ писателемъ. Теперь  
 Другіе нравы—вѣкъ другой! Теперь  
 Едва явился молодой писатель,  
 Едва онъ три трагедіи поставилъ,  
 Три юношески—слабыя созданья, —  
 Объ немъ вездѣ гремитъ молва,—и слава  
 Ужъ лаврами чело его вѣнчаетъ!  
 Въ мой вѣкъ — дороже лавры были. Чѣмъ  
 Онъ заслужилъ и похвалы и славу?  
 Стыжусь сказать: кудрявыми стихами  
 На день высокій бракосочетанья

Великаго Монарха, гдѣ поля,  
И горы, и моря, и рѣки скачуть,  
Отъ радости горитъ свѣтлѣе солнце  
И небо улыбается землѣ.

## РАСИНЪ.

Корнель! Твои слова жестоки, горьки,  
Тяжелымъ камнемъ падаютъ на сердце.  
Ты правъ—ты правъ! я даръ свой унижалъ!  
Пренебрегалъ высокимъ назначеньемъ....  
Но неужели нѣтъ въ душѣ моей  
Поэзии священнаго огня?  
Ужели я обмануть самолюбьемъ!  
Ужели все, что до-сихъ-поръ считалъ,  
Я вдохновеньемъ, посланнымъ мнѣ свыше,  
Однимъ наборомъ словъ надутыхъ было,  
Пустымъ трудомъ пустаго реча?

## КОРНЕЛЬ.

Расинъ—повѣрь словамъ моимъ! тебѣ  
Я немогу завидовать. Свой вѣкъ  
Я пережилъ давно, и мнѣ довольно,  
Моей прошедшей славы! Черезъ меня  
Теперь тебѣ искусство говорить:  
Оставь театръ, разбей пустую лиру!  
Тебѣ не быть поэтомъ никогда!  
Съ тоской въ душѣ я видѣлъ Андромаху.  
Я небылъ ею тронутъ, восхищенъ;  
Я не нашелъ въ ней гордаго размаха  
Трагедіи Софокловскихъ временъ;  
Гдѣ этотъ стихъ могучій и суровый,  
Который могъ бы вдругъ толпу увлечь  
И слухъ плѣнить гармонією новой,  
Гремятъ, сверкать и поражать какъ мечъ!  
Такъ никогда не говорили Греки!  
Ихъ рѣчи были гордостью полны,  
А жалобы и слезъ горячихъ рѣки  
И въ приторной идилліи смѣшны.

Ты возбудилъ въ толпѣ лишь состраданье.  
Оно всѣмъ сродно. Можно сострадать  
И нищаго услышавши стenanье.  
Талантъ—не трогать долженъ—поражать!  
Не просить онъ вниманія у міра,  
Но какъ судья караетъ и казнить.  
Онъ не кадитъ народному кумиру,  
Его страстямъ и прихотямъ не льститъ;  
Передъ толпой и глупой и надменной,  
Чтобы ея улыбку получить,  
Не ставеть онъ, какъ скоморохъ презрѣнный,  
За золото кривляться и смѣшить.  
Нѣтъ! тотъ, кто разъ унизился до смѣха,  
И Момуса гремушку въ руку взялъ,  
Кто глупому народу на потѣху  
Пѣвцомъ его дурачествъ пошлыхъ сталъ,  
Кто сталъ смѣшить какъ рабъ толпу пустую,  
Когдабъ надъ ней могъ властвовать какъ богъ, —  
Кто написалъ комедію такую—*(вынимаетъ изъ-подъ плаща  
комедію Расина и бросаетъ ее на столъ)*  
Тотъ не поэтъ—а жалкій скоморохъ!

*(Гордо и медленно уходитъ. Вѣсть безмолвны. Занавѣсъ падаетъ).*

## КАРТИНА II

# ПЕРВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ БРИТАННИКА.

(1669.)

### ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ЛЮДОВИГЪ XIV-й.

РАСИНЪ, 30-ти лѣтъ.

ПРИНЦЪ КОНДЕ.

КОЛЬБЕРГЪ, первый министръ.

ГЕРЦОГЪ ДЕ ШЕВРЕЗЪ.

ГЕРЦОГЪ ДЕ ЛОЗЕНЪ.

ГРАФЪ ДЕ БРИССАКЪ.

ЛУВА.

БАРОНЪ ДЕ НАНЖИ, 30 л.

ВИКОНТЪ Д'АРКУРЪ.

МАРКИЗА ДЕ МОНТЕСПАНЪ.

ФРАНЦИСКА Д'ОБИНЬЕ, вдова Скарронъ.

МОЛЬЕРЪ.

БУЛО.

ШАНМЕЛЕ.

1.

2.

3.

} вельможи.

ДЕЗЕРЪ, придворный танцовальный учитель.

Придворные; свита короля.

## Я В Л Е Н І Е I.

*Галлерей въ Версали. На-право входъ въ театръ, въ глубинѣ на сцену.*

### ВЫХОДЪ I.

Графъ де Бриссакъ, Виконтъ д'Аркуръ. *(сходятъ со сцены)*

Бриссакъ. Рѣшительно нѣтъ никакой возможности!.. Жаръ просто невыносимъ, и еслибъ не присутствіе его величества!..

д'АРКУРЪ. Ты однакоже нашелъ средство ускользнуть!

БРИССАКЪ. Я сижу съ самаго края. Мерзавецъ Нанжи отвелъ мнѣ такое мѣсто, съ котораго видны только лѣвыя булки на парикъ его величества,—и потому онъ вѣрно не замѣтилъ моего ухода.

д'АРКУРЪ. А я считая себя обиженнымъ, послѣ того какъ Луваа дали орденъ Святаго Духа, позволяю себѣ нарушить правило этикета.—Какъ тебѣ нравится трагедія?

БРИССАКЪ. Помилуй, Виконтъ, можно ли объ этомъ спрашивать? развѣ ты не видишь, что его величество ни разу не хлопнулъ въ продолженіи трехъ дѣйствій.

д'АРКУРЪ. Это правда, но такъ какъ я считаю себя обиженнымъ, то могу имѣть другое мнѣніе. Понравилась ли пьеса эта въ Парижѣ?

БРИССАКЪ. Нѣтъ! третьяго дня на театрѣ въ Бургонской отелѣ насилу дослушали ее до конца. Незнаю, съ чего вздумалось Кольберту рекомендовать ее Королю, и его величество приказалъ сыграть ее во дворцѣ.

д'АРКУРЬ. Скажи пожалуйста! Какая нынче мода на этихъ со-  
чнителей. Король завтракаетъ съ Мольеромъ, даетъ пансіонъ  
Буало, смотритъ трагедіи Расина! И къ чему все это поведетъ?...

БРИССАКЪ. Къ тому, что эти господа уже и теперь высоко  
поднимаютъ носъ и воображаютъ, что они умнѣ насъ, потому,  
что умѣютъ писать стихи. (*шумъ за сценой*) Что это за шумъ?

д'АРКУРЬ. А! это вѣрно окончился третій актъ. Такъ и есть.  
Сюда идетъ Нанжи. Вѣрно король вышелъ изъ театра.

## ВЫХОДЪ II

Нанжи, потомъ Лозенъ.

БРИССАКЪ. Баронъ! что это значитъ! Развѣ его величество  
изволилъ оставить залу спектакля?

НАНЖИ. Да! онъ вышелъ во внутреннія покои поправить  
прическу.

д'АРКУРЬ. И поговорить съ Маркизой.

НАНЖИ. Можетъ быть.

БРИССАКЪ. Скажите, баронъ. Вѣдь кажется и третій актъ не  
заслужилъ одобренія его величества?

НАНЖИ. Нисколько. Его величество все время былъ очень  
серьезенъ. Въ продолженіи цѣлаго акта—онъ всего три раза об-  
ращался съ вопросомъ къ Маркизѣ и одинъ разъ къ его свѣт-  
лости, принцу Конде. Впрочемъ это и не удивительно. У его  
величества такой тонкій вкусъ. Знаете ли вы, господа, что за  
Британника, Расинъ вѣроятно будетъ посаженъ въ Бастилію.

БРИССАКЪ. Возможно ли? Что же онъ сдѣлалъ?

НАНЖИ. Какъ что сдѣлалъ? Развѣ вы не замѣтили, что пѣ-  
са эта написана по наущенію Кольберта, который велѣлъ пред-  
ставить себя въ видъ Бурра, спасающаго отъ пагубнаго вліянія  
Нарцисса-Лувуа—его величество.

БРИССАКЪ. Какъ неужели онъ осмѣлился подъ видомъ Не-  
рона...

НАНЖИ. Не совсѣмъ, но есть черты сходства. Напримѣръ, въ  
четвертомъ актѣ, говорятъ, будетъ сцена, въ которой Нарциссъ  
искуснымъ образомъ смется надъ страстью Нерона пѣть и

танцовать на театрѣ передъ публикою, которую принуждаетъ хлопать его же стража.

д'АРКУРЬ. И въ то время, когда король на прошлой недѣль пѣлъ въ оперѣ Люлли, а завтра танцуетъ въ балетѣ: *Floral*.

БРИССАКЪ. Какая дерзость!.. Представте—я это самъ замѣтилъ. И его величество послѣ того еще награждаетъ этихъ сочинителей.

д'АРКУРЬ. Но можетъ быть это одно предположеніе, случайность...

НАВИЖИ. Весь дворъ говоритъ объ этомъ.—Ждутъ, что сцена эта, послѣдняя въ четвертомъ актѣ,—возбудитъ сильный гнѣвъ короля, что представленія не окончатъ.

БРИССАКЪ. Мнѣ кажется его бы не слѣдовало и начинать.

д'АРКУРЬ. Я очень буду радъ, если достанется этому господину Расину.

БРИССАКЪ. Развѣ ты что-нибудь противъ него имѣешь?

д'АРКУРЬ. Я? противъ сочинителя? помилуй! Онъ мнѣ не нравится просто оттого, что нравится другимъ.

БРИССАКЪ. Сюда идетъ герцогъ де Лозенъ. Онъ, какъ кажется, кого-то ищетъ. Осмѣлюсь я узнать ваше мнѣніе о пьесѣ, герцогъ?

ЛОЗЕНЪ, (подходя). Помилуйте, баронъ. Какое мнѣ дѣло до пьесы. Я рѣшительно не слыхалъ изъ нее ни одного слова.

БРИССАКЪ. Не будетъ ли нескромностью съ моей стороны, если я спрошу, что же васъ занимало во время представленія?

ЛОЗЕНЪ. Да—это будетъ небольшою нескромностью,—на которую я могу отвѣчать вамъ—молчаніемъ.

д'АРКУРЬ, (тихо Бриссаку). Развѣ ты не знаешь безъ вопросовъ, что онъ волочится за Шанмеле.

БРИССАКЪ. Какъ ему не стыдно! Быть соперникомъ Расина!

ЛОЗЕНЪ, (смотря съ дверь на сцену). Наконецъ вотъ и она!.. Господа! могу ли я попросить васъ оказать мнѣ очень важную услугу.

д'АРКУРЬ. Мы готовы сдѣлать все, что вамъ угодно.

БРИССАКЪ. Располагайте нами, герцогъ.

ЛОЗЕНЪ. Если вы такъ добры, господа, то я попрошу васъ уйти отсюда.

БРИССАКЪ, (раскланиваясь). Понимаемъ, и съ удовольствіемъ исполняемъ вашу просьбу.

наши. Вы однако дурное мѣсто выбрали для объясненій, любезный герцогъ. Его величество возвратится въ залу театра — черезъ эту галерею.

лозень. О! я къ тому времени успѣю все кончить!  
наши. Желаю вамъ успѣха! (*уходитъ*).

### ВЫХОДЪ III.

ШАММЕЛЕ, (*выходитъ со сцены, въ костюмъ Юлии, того времени. Серебрянная парчевая юбка съ краенымъ, бархатнымъ корсажемъ, украшеннымъ разноцвѣтными лентами и кружевами. Королевская мантия фіолетоваго бархата съ горностаевой обшивкой. На головѣ высокой пудренный парикъ съ желтыми перьями. Перчатки и огромный вѣеръ.*

лозень, (*становясь на колѣни съ комической важностью*). Ваше высочество! Какъ долго вы заставляете ждать себя! Вы забываете, что точность есть учтивость королей.

шаммеле. Къ чему все эти знаки уваженія, герцогъ. Я играю не Агриппину.

лозень. Вы играете принцессу царской крови. Но если бы занимали роль простой пастушки, то и тогда я невольно склонился бы передъ вами колѣна?

шаммеле. Это не изъ новой ли пьелли Маламъ Дезульеръ?

лозень (*вставая, сухо*). Нѣтъ! это изъ новой трагедіи Расина.

шаммеле. Я непомню въ ней этого мѣста.

лозень. Вы забываете пьесу — не лучше ли бы вамъ было позабыть автора?

шаммеле. Это очень трудно. Онъ такъ часто о себѣ напоминаетъ!

лозень. Пышными стихами?

шаммеле. Нѣтъ! скучной прозой! Однакожь вы вѣрно не затѣмъ просили у меня свиданія, чтобы говорить со мной о Расинѣ.

лозень. Напротивъ — только за этимъ.

шаммеле. Въ такомъ случаѣ, вамъ бы гораздо лучше было обратиться къ Буало. Онъ почти навзусь знаетъ его трагедіи

и разсуждаетъ объ нихъ очень умно. Я не умью и не люблю спорить объ литературу.

ЛОЗЕНЬ. Какое мнѣ дѣло до литературы. Расинъ можетъ быть очень хорошій писатель—это мнѣ совершенно все равно. Пусть онъ пишетъ, что ему угодно. Я былъ бы счастливъ, если бы вамъ нравились только его трагедіи.

ШАММЕЛЕ. Только?

ЛОЗЕНЬ. Да! Марія! Признаюсь вамъ — одна мысль, что вы любите этого сухаго, холоднаго кропателя трагедій — приводитъ меня въ бѣшенство.

ШАММЕЛЕ. Скажите лучше, что самолюбіе ваше оскорблено тѣмъ, что Расинъ вашъ соперникъ.

ЛОЗЕНЬ. Вы должны еще болѣе оскорбляться тѣмъ, что соперница ваша—муза господина Расина. — Что я говорю — соперница! — Онъ любитъ ее гораздо болѣе чѣмъ васъ!

ШАММЕЛЕ. Вы думаете?

ЛОЗЕНЬ. Я въ этомъ увѣренъ. Развѣ можно, любя васъ, думать о чемъ нибудь другомъ, кромѣ вашей красоты. Развѣ можно, зная васъ, писать какіе нибудь другіе стихи,—кромѣ посланій, мадригаловъ, тріолетовъ и буриме — къ жестокой Маріи. Слава — не подруга любви. Она не могутъ жить въ одномъ сердцѣ. Расинъ любитъ васъ какъ актрису, которая заставляетъ выслушивать публику его скучные стихи, какъ женщину, красота которой очень много содѣйствуетъ успѣху его трагедій, тогда какъ я — я люблю васъ — единственно для васъ самихъ, нисколько не заботясь о томъ, что вы первая актриса, я думаю только объ васъ, живу только вами...

ШАММЕЛЕ. Да! и собираетесь выпросить у его высочества позволеніе на бракъ съ герцогинею Монпансье.

ЛОЗЕНЬ, *(въ смущеніи)*. Это неправда! это клевета! Кому вздумалось распространять такіе вздорные слухи?

ШАММЕЛЕ. Разумѣется, прежде всѣхъ — вамъ самимъ. И вы будете очень довольны, если слухъ этотъ дойдетъ до короля — какъ общее мнѣніе. Но вы однакоже подали мнѣ прекрасную мысль: испытать, до какой степени простирается любовь Расина, и не ошиблась ли я сама, думая, что онъ любитъ меня больше своей славы.

ЛОЗЕНЬ. Увѣрю васъ, что вы ошиблись.—Эти писатели—

народъ пресамолюбивый. Они больше всего любятъ свою славу, то есть другими словами : самихъ себя. Шанмеле. Я это — тотчасъ же узнаю. Расинъ вдетъ сюда. Удивительно, какъ онъ на такое долгое время упустилъ меня изъ виду. Смѣю ли я просить васъ, герцогъ, оставить насъ или прикажете мнѣ самой удалиться?

Лозенъ. Какъ можно! Я знаю долгъ учтивости, и оставляю васъ, надѣясь тронуть ваше сердце, когда оно излечится отъ своей романической привязанности къ полу-помѣшаннымъ людямъ, которыхъ у насъ называютъ писателями. (увидя входящаго Расина, почитительно кланяется Шанмеле и уходитъ въ противоположную сторону).

#### ВЫХОДЪ IV.

Шанмеле, Расинъ.

Расинъ. Лозенъ! Я былъ увѣренъ! (подходя къ Шанмеле) Вы, Марія, задумались о герцогѣ конечно?

ШАНМЕЛЕ.

Да! Признаюсь, герцогъ очень милъ,  
Любезенъ, ловокъ, веселъ и остеръ,  
Онъ чистый типъ французскаго дворянства.

РАСИНЪ.

Какъ хорошо его узнали вы!  
Вы впрочемъ перечли теперь олов  
Достоинства моральныя, въ немъ много  
Физическихъ....

ШАНМЕЛЕ.

Расинъ!

РАСИНЪ. —

Марія! Сжался!

Я обезумѣлъ, я сойду съ ума!  
 По жиламъ кровь кипитъ горячей лавой,  
 Ядъ ревности меня терзаетъ, мучитъ!  
 Еще минута — еслибъ этотъ герцогъ  
 Остался здѣсь, ябъ оскорбилъ его,  
 Нанесъ ему смертельную обиду....

ШАНМЕЛЕ.

Расинъ! Меня ты любивъ ли?

РАСИНЪ.

Марія!

Какой вопросъ?

ШАНМЕЛЕ.

Неправа-ль, ты ревнуешь,

Когда при появленіи на сцену  
 Марія Шанмеле, со всѣхъ сторонъ  
 Восторженные крики раздаются,  
 Когда толпа вельможъ и молодежи  
 Слѣдитъ за нею жалкими глазами,  
 И каждый шагъ и каждый вздохъ ея  
 Ненестовымъ рукоплесканьемъ встрѣчаютъ.

РАСИНЪ.

Да! точно! Ты отчасти поняла,  
 Что чувствовать я долженъ въ это время.  
 И если-бы тогда могъ кто-нибудь  
 Мнѣ въ сердце заглянуть, — онъ ужаснулся бь  
 При видѣ мукъ невыразимо-тяжкихъ,  
 Которыя терзаютъ грудь мою.  
 Я вижу въ каждомъ зрителѣ врага,  
 Соперника; холоднаго актера,  
 Которому твердишь ты о любви,

Я задушить готовъ; — твоя улыбка ;  
 Другому — въ холодъ, въ дрожь меня бросаетъ  
 Твой взглядъ меня приводитъ въ иступленье.  
 Мнѣ кажется ябъ даже счастливъ былъ,  
 Когда бы ты была дурной актрисой,  
 Когдабъ твое холодное лице  
 Огня души и чувствъ не выражало  
 И публика спокойная встрѣчала  
 Съ холоднымъ равнодушіемъ тебя.

ШАНМЕЛЕ.

Расинъ! я понимаю это чувство.  
 И чтобъ тебя отъ этихъ мукъ избавить  
 И доказать тебѣ мою любовь, —  
 Рѣшилась я театръ на-вѣкъ оставить  
 И жить лишь для одной твоей любви.

РАСИНЪ.

Марія! неужели ты отъ славы,  
 Восторговъ, удивленья, похвалы,  
 Такъ равнодушно можешь отказаться?  
 Но безъ тебя осиротѣетъ сцена,  
 И бѣдная трагедія умереть.

ШАНМЕЛЕ.

Такъ не ошиблась я? Такъ вы во мнѣ  
 Одну актрису любите.—Марія  
 Нужна вамъ для піесъ, для героннъ,  
 Для сценъ эффектныхъ, для того, чтобъ ваши  
 Трагедіи успѣшнѣй съ нею шли.

РАСИНЪ.

И ты могла подумать!.. Я жалю  
 Объ нашей сценѣ только.—За себя  
 Я радъ... я буду счастливъ. Я немогъ  
 Повѣрить, чтобы мнѣ такую жертву  
 Рѣшилась принести ты!

МАРІА.

ОТТОГО-ТО

ШАНМЕЛЕ.

И отъ тебя въ замѣнъ, мой милый другъ,  
Потребую и я такой же жертвы.  
Оставь театръ и не пиши трагедій!  
И я моею любовью постараюсь  
Вознаградить тебя за эту жертву.

РАСИНЪ.

Марія! какъ! и ты мнѣ предлагаешь  
Отъ будущности славной отказаться,  
Забить отъ Бога посланный мнѣ даръ,  
И разъ уже поднявшись надъ толпою,  
Сойти въ разрядъ людей обыкновенныхъ,  
Обрадовать враговъ?.... Когдабъ хотѣлъ я —  
То немогу располагать собою, —  
Я Франціи теперь принадлежу.

ШАНМЕЛЕ.

Расинъ! Расинъ! Меня пустыя фразы  
Не удивлять. Тебѣ я точно тоже  
Сказать могла бы. Наше положенье  
Почти равно.—Но только я теперь  
Могу тебя упреками осыпать.  
Два года роль невиннаго страдальца  
Игралъ ты, постоянно упрекая  
Меня въ кокетствѣ, вътренности, даже  
Въ измѣнѣ. Я молчала—я была  
Увѣрена въ любви твоей. И что же?  
Теперь, когда я жертвую тебѣ  
Тѣмъ, что всего для женщины дороже:  
Восторгомъ, обожавіемъ толпы,  
Любовью и Парижа и двора,  
Ты, пламенный и страстный мой поклонникъ,  
Ревнивый обожатель,—на любовь  
Маріи—славу промѣнять жалѣешь,  
Предпочитая ей свои стихи!....

РАСИНЪ.

Марія! ты ко мнѣ несправедлива!  
 Ты будешь презирать меня сама,  
 Когда я откажусь, какъ малолушный,  
 Отъ назначенья моего, отъ дара,  
 И не свершивъ того, къ чему я призванъ,  
 Какъ жалкій трусъ, покину поле битвы  
 И стану жизнь въ бездѣйствіи влечить,  
 Не принеся моею отчизнѣ пользы.

ШАММЕЛЕ.

Вы дурно женщинъ знаете! Къ чему  
 Намъ ваша слава, подвиги.—Мы васъ,  
 Лишь васъ однихъ здѣсь любимъ. Въ нашемъ сердцѣ  
 Одно лишь чувство:—вся другія страсти  
 Ему покорны. Въ вашемъ мѣсто есть  
 Всегда другимъ привязанностямъ. Слава,  
 Отечество васъ могутъ занимать.  
 Вамъ непонять, какъ любящее сердце  
 Къ отечеству и къ славу васъ ревнуетъ.  
 Повѣрь, чѣмъ вы несчастный, чѣмъ бѣднѣе  
 И почестями и любовью міра,  
 Тѣмъ въ насъ любовь сильнѣй. Когда гордятся  
 Любовникомъ своимъ—его не любятъ.  
 Ты это понимаешь ли? Тобой  
 Я не гордилась никогда,—за то  
 Тебя любила. И теперь ты долженъ  
 Межъ нами выбрать: слава—или любовь?  
 Марія—или театр?—Я жду отвѣта!

РАСИНЪ.

Когда меня мой старый, добрый дядя  
 Въ родимый городъ звалъ, я на искусство  
 Родство и дружбу промѣнялъ.

ШАММЕЛЕ.

Теперь  
 Ты жертвуешь ему любовью?... Такъ ли

Я поняла? Молчишь ты! О Расинъ!  
Ты Римлянинъ, ты истинный герой!  
Тебѣ потомство будетъ удивляться,  
Но женщины тебя не полюбятъ!  
Прощай!

РАСИНЪ.

Марія! Боже! неужели  
Меня ты покидаешь?

ШАНМЕЛЕ.

Нѣтъ! нисколько!...

Со мной въ разлукѣ ты меня забудешь,  
Вообразишь, что умерла Марія,  
Утѣшишься в славу, и другою  
Любовью—все быть можетъ. Потому—то  
Тебя я неоставлю.—Я хочу,  
Чтобъ видѣлъ ты—какъ отъ меня съ ума  
Весь городъ сходить,—какъ одной улыбкой  
Я буду жизнь и счастье дарить.  
Я превзойду себя—съ досады буду  
Я первою трагической актрисой,—  
И это будетъ мечь моя, Расинъ,  
За то, что ты мою отвергнулъ жертву.

РАСИНЪ.

Марія!

ШАНМЕЛЕ.

Да! Въ роляхъ царицъ, любовницъ—  
Я буду удивительна,—чтобъ ты  
Раскаялся, чтобъ плача и страдал,  
Ты мучился, слѣдя за каждымъ словомъ,  
За каждымъ вздохомъ, потому что эти  
Слова и вздохи—будутъ не къ тебѣ,  
Къ другому обращаться, и другому  
Восторги обещать и счастье рай, —  
И это будетъ мечь моя, Расинъ!

Марія!

РАСИНЪ.

ШАМЕЛЕ.

Да! я слылаю, что ты  
Самъ проклянешь и славу и искусство,  
Что самъ свою ты лиру разобьешь!...  
Забудешь все, измученный и блѣдный,  
Съ мольбою припадешь къ моимъ ногамъ,  
Но я тебя съ насмѣшкою отвергну, —  
И это будетъ мечь моя, Расинъ! (*уходитъ*).

РАСИНЪ.

Ушла! Мой Богъ! Спаси меня! Я знаю,  
Она отмститъ мнѣ будетъ въ страхъ. Дай  
Мнѣ крѣпость духа. Мужество вдохни  
Въ грудь бѣлаго Расина. Эту страсть  
Я погасить искусствомъ постараюсь!  
Поэзіей я побѣжду любовь,  
И слава мнѣ замѣнитъ все на свѣтъ.

## ВЫХОДЪ V.

Буало, потомъ Дезеръ.

БУАЛО. Расинъ! я вездѣ ищу тебя. Знаешь ли ты, какой слухъ распространяють враги твои. Говорятъ, что ты подъ видомъ Нерона вывелъ на сцену—Людовика XIV-го.

РАСИНЪ, (*пораженный*). Боже! развѣ мало одного несчастія. За что-же ты посылаешь мнѣ другое? Но что подало поводъ къ такой низкой клеветѣ.

БУАЛО. Нѣсколько стиховъ, которые говоритъ Нарцисъ въ концѣ четвертаго акта. Я хотѣлъ предупредить тебя, чтобы ты ихъ выкинулъ.

РАСИНЪ. Въ самомъ дѣлѣ! пойдемъ!.. Нѣтъ! Если я ихъ выкину, это послужитъ новымъ доказательствомъ моимъ врагамъ. Оставимъ все такъ какъ есть, и положимся на просвѣщенный умъ и благородное сердце Людовика. Пойдемъ.

ЛЕЗЕРЪ, *(бросаясь со всѣхъ ногъ на Расина.)* Наконецъ я нашелъ васъ, господинъ Расинъ! великій господинъ Расинъ! Вы должны выслушать меня! должны спасти меня отъ отчаянiя.

РАСИНЪ. Что вамъ угодно, милостивый государь, я не имѣю чести знать васъ!..

ЛЕЗЕРЪ. О! такой великiй писатель конечно можетъ не обращать вниманiя на своихъ собратовъ по искусству, которые впрочемъ ничуть не ниже его.

РАСИНЪ. Вы мой собратъ, вы также писатель?

ЛЕЗЕРЪ. Да — съ! я такой — же артистъ какъ и вы, хоть и не пишу трагедiй. Я танцевальный учитель — понимаете ли вы это, господинъ драматическiй писатель. — Я придворный — танцевальный учитель!

РАСИНЪ. Но какое мнѣ до этого дѣло?

ЛЕЗЕРЪ. Какое вамъ дѣло! Вы убиваете мое искусство, вы лишаете меня хлѣба, который я добываю въ потъ лица, нежалыя трудовъ и ногъ, и вы спрашиваете — какое мнѣ дѣло?

РАСИНЪ. Буало! пойдемъ отсюда! Мы только тратимъ время съ этимъ сьумасшедшимъ.

ЛЕЗЕРЪ. Сьумасшедшимъ! О Терпсихора! и ты допускаешь, чтобы такъ оскорбляли твоего жреца!.. Одну минуту! Умоляю васъ! Я забываю мою гордость, мое превосходство передъ вами и прошу васъ только обо одномъ. Говорятъ, что вы въ какой-то трагедiи вашей, которую играютъ сегодня, осуждаете страсть великаго Людовика къ танцамъ, смѣетесь надъ этимъ высокимъ искусствомъ, и потому я долгомъ считаю сначала просить васъ, чтобы вы уничтожили это мѣсто, обидное для меня и моего званiя, предоставляя себѣ раздѣляться съ вами другимъ образомъ, если вы не исполните моей просьбы.

РАСИНЪ. Это уже слишкомъ!.. Я покажу тебѣ, негодяй!..

БУАЛО. Расинъ! Какъ тебѣ нестыдно сердиться?.. Это вѣрно плоская выдумка какого нибудь досужаго придворнаго. Такъ и есть: посмотри, вотъ ихъ цѣлая толпа смѣется издали надъ твоимъ гнѣвомъ.

## ВЫХОДЪ VI.

БРИССАКЪ, Д'АРКУРЪ, МОЛЬЕРЪ, ТОЛПА ВЕЛЬМОЖЪ, ПОТОМЪ НАНЖИ, ЛЮДОВИКЪ XIV, МОНТЕСПАНЬ, КОНДЕ, КОЛЬБЕРТЪ, ЛУВУА, Д'ОВЕНЬЕ, СВИТА, ПРИДВОРНЫЯ ДАМЫ, ПАЖИ.

БРИССАКЪ, *(хохоча.)* Мольера, сюда! скорѣе Мольера! пусть онъ спишетъ намъ цѣликомъ эту сцену въ какуюнибудь комедію.

Д'АРКУРЪ. Представитъ намъ дуэль Мельпомены и Терпсихоры.

МОЛЬЕРЪ, *(выходя изъ толпы.)* Извините господа. Тутъ надо будетъ выводить на сцену животныхъ, а я на это не мастеръ. Мой собратъ, господинъ Расинъ, который съ такимъ успѣхомъ помѣстилъ щенковъ въ дѣйствующія лица своей комедіи — самъ лучше можетъ обработать этотъ сюжетъ.

БРИССАКЪ. Да! правда! вѣдь онъ тоже и комическій писатель.

Д'АРКУРЪ. Геній во всѣхъ родахъ!

1-й придворный. Скажите! господинъ Расинъ, что вашъ Британикъ — продолженіе Челобитчнковъ?

2-й придворный. Не вывели вы и въ немъ на сцену какихънибудь звѣрьковъ?

3-й придворный. Вы однако воруете у самого себя. Вашъ Перонъ точь-въ-точь Данленъ и говоритъ такимъ же языкомъ.

РАСИНЪ. Великій Корнель! ты правъ! Только одинъ скомоорохъ могъ написать такую комедію!

БРИССАКЪ. Вы что — то шепчете про себя? Не монологъ ли изъ новой трагедіи. Будьте сострадательны, господинъ Расинъ! мы едва живы отъ Андромахи.

Д'АРКУРЪ. Мы, того и гляди, умремъ къ концу Британика отъ зевоты.

1-й придворный. Чѣмъ мы виноваты передъ вами, что вы всякій годъ наказываете насъ убійственными трагедіями?

2-й придворный. За что вы хотите уморить насъ въ цвѣтъ лѣтъ?

3-й придворный. Знаете-ли вы, что это переходитъ границы терпѣнія. Знаете-ли вы, что...

РАСИНЪ. Я знаю только то господа, что изъ-всѣхъ самыхъ

глупыхъ животныхъ, въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ никого глупѣе придворныхъ дураковъ!

всѣ. Что такое? Что это значить? Онъ оскорбляетъ насъ!..  
нанжи, *(вбѣлая.)* Господа! господа! куда плетъ его величество!.. *(Всѣ тотчасъ оправляются, стараются принять пріятную фізіономію и становятся по сторонамъ.)*

расинъ, *(хватая Буало за руку.)* Другъ мой! Я бѣгу! Я не могу, не долженъ видѣть короля, покаместъ не рѣшится участь моей трагедіи. *(уходитъ. Людовикъ входитъ, ведя Маркизу Монтеспанъ, сзади его принцъ Конде съ Франциской д'Обинье, за ними Кольбертъ, Шеврезъ, Лувау, Лозенъ и дворъ.)*

людовикъ *(обращаясь къ д'Обинье.)*

Такъ завтра мы надѣемся увидѣть

Искусство ваше въ танцахъ?

д'Обинье.

Государь;

Но, ради Бога, только лишь не съ вами?

Людовикъ.

Чтожь, развѣ я такой дурной танцоръ?

д'Обинье.

Ужасный! стоить поглядѣть на васъ, —  
Сейчасъ собьешся съ такту, въ изумленнн  
Невольнo останоишься!..

МОНТЕСПАНЪ, *(съ досадою.)*

Давно ли

Робка такъ стала госпожа Скарронъ?

Не на своей ли свадьбѣ танцевала

Она такой гавотъ, который всѣхъ

Привелъ въ восторгъ.

д'Обинье.

Маркиза такъ добра!

Все помнитъ! Насъ училъ одинъ и тотъ же

Учитель танцованья — Итальянецъ

Караччи. — Онъ о красотѣ Маркизы  
Всегда съ такимъ восторгомъ отзывался...

МОНТЕСПАНЪ.

Но, госпожа Скарронъ!..

людовикъ, (перебивая ее.)

А, Буало!

Я радъ васъ видѣть!.. Скоро ли вы насъ  
Какой нибудь поэмой подарите?

БУАЛО.

Поэма плодъ тяжелый, государь!  
И медленно растетъ и тихо зрѣетъ.

людовикъ.

А вы, Мольеръ, что новаго у васъ?  
Не пишитель комедіи?

МОЛЬЕРЪ.

Нѣтъ, ваше  
Величество! Теперь я вижу въ модѣ  
Трагедіи, такъ съ Таліей моею  
Убрался я подальше въ уголокъ!

людовикъ.

Зачѣмъ же? У меня пристрастія нѣтъ  
Къ трагедіямъ. Люблю я посмѣяться,  
Люблю я танцы, пѣніе... Недавно  
Я *Амандиса* пѣлъ, какъ говорятъ,  
Недурно. Завтра я играю въ новомъ  
Балетъ — *Апполона*—и танцую  
Па новое, прекрасное. Его  
Дезеръ составилъ!

ДЕЗЕРЪ, (*пробираясь къ Людовику и раскланиваясь*).  
Государь! я счастливъ!....

БУЛО.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ на-пути побѣдъ великихъ  
Вы по слѣдамъ идете Александра,  
Я думать смѣлъ, что славы полководца  
Довольно вамъ, и что танцора слава  
Для полноты ея вамъ не нужна.

ЛЮДОВИКЪ.

Но развѣ вашъ великій Александръ  
Не танцевалъ?

БУЛО.

Нѣтъ! и ему случилось!  
Исторія преданье сохранила:  
Онъ танцевалъ въ тотъ день, какъ сжегъ Персеполь.

ЛЮДОВИКЪ, (*отворачиваясь*)

Чтожъ мы остановились, господа!  
Насъ ждетъ четвертый актъ. Пойдемте въ залу!  
(*Всѣ низко кланяются и уходятъ за королеми*).

## Я В Л Е Н І Е П.

Въ глубинѣ сцены театръ. Передъ нимъ небольшой оркестръ. Въ первомъ ряду на высокихъ креслахъ Людовикъ, подлѣ него Маркиза Монтеспанъ, съ правой стороны принцъ Конде, позади Франциска д'Обише и Луиза. По обѣимъ сторонамъ вельможи и придворныя дамы въ богатыхъ платьяхъ. Занавѣсъ поднятъ. На сценѣ, по обѣимъ сторонамъ кулисъ, на скамейкахъ сидитъ рядъ молодыхъ вельможъ. Между ними Лозенъ, Шеврезъ, Бриссакъ, д'Аркуръ.

## Б Р И Т А Н Н И К Ъ :

### ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА ВЪ «БРИТАННИКЪ».

- Неронъ. — Флоридоръ.  
Бурръ. — Бошато.  
Нарциссъ. — Вальморъ.  
Юнія. — Шанмеле.

## Д Ъ Й С Т В І Е І V .

### Я В Л Е Н І Е І І I .

**НЕРОНЪ И БУРРЪ**, (въ костюмахъ того времени. Неронъ въ зеленомъ атласномъ камзолѣ съ бѣлыми атласными буфами на рукавахъ; на-грудн картонныя латы съ изображеніемъ солнца. Нижнее платье широкое, розоваго цвѣта съ бахромой, на плечахъ красная парчевая мантия со шлейфомъ. Желтые полусапожки, обшитыя кружевами. На рукахъ манжеты. Рукоятка меча убрана огромнымъ багномъ. На головѣ черный парикъ съ длинными буслями. На парикѣ два вѣйка: розовый и лавровый; одинъ на правой, другой на левой сторонѣ, въ рукѣ скипетръ. Бурръ одѣтъ подобнымъ же образомъ, нѣсколько бѣднѣе.

**БУРРЪ.**

Какъ радуешь меня такое примиренье!  
Я словъ неахожу—я плачу въ восхищеньи!  
О государь, тебѣ я часто говорилъ:  
Британикъ истинно всегда тебя любилъ.

**НЕРОНЪ.**

Бурръ! ненависть его миритъ меня съ тобою.  
И онъ ласкается надеждою пустою!

Хоть обнялъ я врага, но это для того,  
Чтобы въ объятіяхъ мнѣ задушить его!

БУРРЪ,

Какъ, государь?

НЕРОНЪ,

И часъ Британника кончины,  
Избавитъ навсегда меня отъ Агриппины.  
Пока Британникъ живъ—я неживу вполне.  
Здѣсь всѣ объ немъ твердятъ; онъ ненавистенъ мнѣ,  
Всѣ доброту его, величье прославляютъ!...  
Быть можетъ тронъ ему и царство предлагаютъ.

БУРРЪ,

Такъ смертію ему грозитъ рука твоя?

НЕРОНЪ,

Сегодня же усну опять спокойно я!

БУРРЪ,

Но что же къ этому поступку побуждаетъ?

НЕРОНЪ,

Онъ счастью моему, спокойствію мѣшаетъ.

БУРРЪ,

Нѣтъ! нѣтъ! не вѣрю я, чтобы въ груди твоей  
Мысль эта родилась. Неронъ! ты не злодѣй.

НЕРОНЪ.

Бурры!

БУРРЪ.

Нѣтъ! Неронъ свершить не можетъ преступленя!  
Онъ гнѣвомъ увлеченъ, въ минутномъ заблуждени;  
Нѣтъ, кровь невинную не можетъ онъ пролить!...  
Ужель наскучило ему любимымъ быть?

НЕРОНЪ.

Какъ! вѣчно скованный моею прошедшей славой,  
Не смѣю я теперь предаться мести правой;  
Не долженъ, немогу теперь пролить ихъ кровь,  
Чтобы народную не потерять любовь!  
Иль только миловать имѣю я свободу?  
Ужель я царь на то—чтобъ угождать народу?

БУРРЪ.

Но, государь, тебѣ довольно мысли той,  
Что блага общаго лишь ты одинъ виной.  
Ты царь, ты властелинъ, ты все здѣсь дѣлать можешь,  
И если семя зла ты въ сердце уничтожишь,  
То отъ добра къ добру пойдешь путемъ прямымъ;  
Но если ты льстецу повѣришь, то за нимъ  
Отъ преступленія летая къ преступленю,  
Возбудишь въ людяхъ ты и страхъ и омерзенье.  
Британика друзья возстанутъ на тебя,  
Ты встребишь ихъ; воювь, тиранства нелюбя,  
Враги поднимутся; ты местию мечь разбудишь,  
Страша другихъ, ты самъ всего страшиться будешь:  
Днемъ тренетать за жизнь, глазъ ночью не смыкать  
И въ каждомъ подданномъ—врага подозрѣвать.  
Ужель ты позабылъ дни молодости ясной!  
Когда, всѣхъ радуя душой своей прекрасной,  
Ты могъ сказать: теперь повсюду мой народъ,  
Боготворя меня, лишь счастья слезы лить,  
И у боговъ съ мольбой всѣхъ благъ Нерону просить,  
И жалобъ на меня безсмертнымъ не приносить!  
О! какъ о вѣкъ томъ мнѣ сладко вспоминать!  
Ты кровь преступника страшился проливать,

И смертный приговоръ назначивши злодюю,  
 Ты говорилъ тогда: зачѣмъ писать умью!  
 Теперь увижу я, какъ кровь Неронъ прольетъ!..  
 Нѣтъ! нѣтъ! до этого старикъ не доживетъ.  
 (бросается на колѣна).

О! Государь! вѣя безстрашною стопою  
 Къ пороку, Бурра ты убей своей рукою,  
 Чтобъ не увидѣлъ онъ позора твоего!....  
 Но, боги, неужель я тронуть могъ его!  
 Да! онъ въ смущеніи... онъ мысли злой стыдится!...  
 Мой царь, мой сынъ спасенъ!—къ добру онъ обратится!  
 Разрушенъ злобный ковъ злодѣевъ и льстецовъ.  
 Неронъ! съ Британникомъ увидишься ты вновь.

НЕРОНЪ.

Что предлагаешь ты?

БУРРЪ.

О! онъ тебя такъ любить,  
 Онъ добръ. Невиннаго Неронъ мой не погубить.  
 Согласенъ ты—и я бѣгу ему сказать,  
 Что хочетъ царь къ груди Британника прижать!

НЕРОНЪ.

Ты въ комнатахъ моихъ съ нимъ будешь дожидаться.

#### Я В Л Е Н І Е І V.

НЕРОНЪ. НАРЦИССЪ.

НАРЦИССЪ.

Теперь, о государь, не будешь ты бояться!  
 Изъ ядовитыхъ травъ при мнѣ Локуста сокъ  
 Смертельный выжала, и ядъ тотъ такъ жестокъ,

Что рабъ, которому она для испытанья  
Отраву подала, безъ боли и терзанья,  
Какъ молніей сраженъ, къ ногамъ моимъ упалъ.

НЕРОНЪ.

Благодарю! теперь мнѣ ядъ не нуженъ сталъ.

НАРЦИССЪ.

Что слышу?.. государь! ужель?.. сказать боюсь!..  
Прощаешь ты?

НЕРОНЪ.

Нѣтъ! я съ Британникомъ мирюся!

НАРЦИССЪ.

Ты властелинъ. Прости злодѣя твоего!  
Но если онъ узнавъ, что ты хотѣлъ его  
Отравой опопть,—самъ сдѣлать тожъ рѣшится  
Съ тѣмъ, кто теперь его, какъ кажется, бонится.

НЕРОНЪ.

Онъ добръ—онъ искренно всегда меня любилъ.

НАРЦИССЪ.

И Ювію ему ты также уступилъ?

НЕРОНЪ.

Довольно! словъ твоихъ я слушать не намѣренъ.

НАРЦИССЪ.

Я повинуюся! я въ этомъ былъ увѣренъ!..  
И Агриппинъ вновь покоренъ сталъ Неронъ.  
Она хвалилася!...

НЕРОНЪ.

Хвалилась?... чѣмъ?

НАРЦИССЪ,

Что онъ,

Увила гнѣвный взоръ, ея услыша слово,  
Забудеть гнѣвъ и мечь—ребенкомъ станетъ снова.  
Что можетъ вмигъ она Нерона укротить,  
И онъ же будетъ самъ прощенья просить.

НЕРОНЪ.

Но обвинять меня всѣ въ страсти къ кровопійству,  
Всѣ мечь мою причтутъ тогда къ отцеубійству...  
Нарциссъ! скажи скорѣй, что долженъ дѣлать я?...  
Повѣрь, что злобою кипитъ душа моя.

НАРЦИССЪ.

И Римлянами ты любимымъ быть желаешь!  
Ужель, о государь, ты ихъ еще не знаешь?  
И мнѣню толпы безумной и пустой  
Ты слѣдуешь съ твоей великою душой.  
Надъ слабостью твоей они-жъ начнутъ смѣяться,  
Они вообразятъ, что можно ихъ бояться.  
Нѣтъ! цѣни Римъ привыкъ съ младенчества носить  
И обожать того, кто могъ ихъ наложить.  
Ихъ лесть безстыдная—тирановъ утомила;  
Ихъ рабство долгое высокихъ чувствъ лишило....  
Казни своей рукой, лей кровь,—когда ты царь,  
Повѣрь, за все тебя воздвигнется алтарь!  
Въ погибшихъ же найдутъ всѣ ролы преступленья,  
Предавши память ихъ стыду и поношенью.

НЕРОНЪ,

Нарциссъ! я немогу, я Бурру слово далъ!  
Иль хочешь, чтобъ меня онъ снова обвинялъ?

НАРЦИССЪ.

Но Бурръ, о государь, имѣетъ замысль низкій,  
И какъ наставникъ твой, какъ другъ, къ престолу близкій,  
Онъ хочетъ вменемъ твоимъ повелѣвать,  
Налъ Римомъ властвовать, народомъ управлять.  
Вотъ что въ народѣ онъ теперь распространяетъ,  
Чему все вѣрятъ здѣсь, что всякій повторяетъ;  
Вотъ ихъ слова. «Неронъ на царство не рожденъ  
И безъ совѣтниковъ не можетъ править онъ.  
Въ пустыхъ забавахъ онъ свое блаженство ставитъ;  
Поетъ прекрасно онъ, конемъ онъ ловко правитъ,  
На сцену—взорными талантами гордясь,  
Выходить часто онъ народу на-показъ,  
И стража—тѣхъ, кого монархъ не восхищаетъ,  
Ему рукоплескать насильно заставляетъ.»  
О государь! пора заставить ихъ молчать!...

НЕРОНЪ.

Пойдемъ! подумаемъ, что должно намъ начать!

(Занавѣсъ опускается. Еще при концѣ словъ Нарцисса между зрителями обнаруживается волненіе. Все смотрятъ на Людовика, который скрывая неудовольствіе, отворачивается отъ сцены и при послѣднихъ словахъ Нарцисса встаетъ съ креселъ. Въ то же время все поднимаются съ негодованіемъ. Послѣднихъ словъ Нерона нельзя разслушать. Занавѣсъ опускается при громкомъ шумѣ.)

ЛЮБУА.

Какая дерзость!

Людовикъ идетъ къ выходу въ сильной досадѣ. Никто изъ придворныхъ не смѣетъ за нимъ слѣдовать. Въ шепчутся между собою. Конде останавливаетъ короля у самой двери.

КОНДЕ.

Государь! два слова!

ЛЮДОВИКЪ.

Что вамъ угодно, ваша святлость. Я  
Теперь въ дурномъ расположеніи духа  
И потому...

КОНДЕ.

И потому-то, Ваше  
Величество—осмѣлился я васъ  
Остановить. Вы чѣмъ-то недовольны,  
На васъ устремлены глаза придворныхъ;  
Всѣ ваше нерасположеніе могутъ  
Піесъ приписать—и бѣдный авторъ  
Подумать можетъ, что своей піесой  
На васъ навелъ досаду.

ЛЮДОВИКЪ (*смотря на него пристально*).

Ваша Святлость,  
Вамъ нравится піеса?

КОНДЕ.

Чрезвычайно!

ЛЮДОВИКЪ.

И вы... вы не нашли въ ней ничего  
Дурнаго.... неприличнаго?...

КОНДЕ.

Нимаго!

Лице Нерона видѣть непріятно —  
 Конечно, но поэтъ съ такимъ искусствомъ  
 Развитіе наклонностей порочныхъ  
 Умѣлъ представить, — что ему невольно  
 Должны мы удивляться. Недовольнымъ  
 Тотъ можетъ быть, кто, какъ Неронъ, въ себя  
 Зародыши его пороковъ видитъ.

ЛЮДОВИКЪ.

Вы правы, принцъ!... Мы автору должны  
 Быть благодарны за его піесу,  
 Она дастъ намъ косвенный урокъ, *(увидя подходящаго Лувуа.)*  
 Не слишкомъ довряться тѣмъ, кто льститъ намъ,  
 Не такъ ли, Лувуа?

ЛУВУА.

Вамъ, Государь,

Боятся лести нечего. И какъ бы  
 Она невѣроятна ни была,  
 Все вашихъ дѣлъ не выразитъ вполнѣ.

ЛЮДОВИКЪ.

Опять! Кольбертъ! Миѣ кажется Распну  
 Вы были покровителемъ всегда,  
 Благодарю васъ! Имя Мецената  
 Ничуть не ниже Августа!

КОЛЬБЕРТЪ.

Нѣтъ Ваше

Величество — безъ Августа навѣрно  
 И Мецената небыло бы.

ЛЮДОВИКЪ.

Мы

Хотѣлибъ видѣть автора піесы!

КОЛЬБЕРТЬ.

Его миѣ герцогъ де Шеврезъ недавно  
Представилъ, онъ пріятель старій съ нимъ.  
Позвольте же ему снести Расину  
Вѣсть радостную.

ЛЮДОВИКЪ.

Герцогъ де Шеврезъ!  
Прошу васъ, на себя примите трудъ  
Миѣ автора трагедіи представить  
Теперь-же!

ГЕРЦОГЪ ДЕ ШЕВРЕЗЪ.

Государь!... Какъ вамъ угодно!  
Но онъ не приготовленъ!... Онъ не ждетъ  
Такой высокой чести.

ЛЮДОВИКЪ.

Ничего!

Мы подождемъ его. Талантъ — какъ царь,  
Имѣетъ право ждать себя заставить.

*(Шеврезъ уходитъ съ низкими поклонами. Людо-  
викъ на львой сторонѣ разговариваетъ съ гер-  
цогиней Монтеспанъ. Нѣсколько подале: Лувуа и  
д'Обишь. На правой группа придворныхъ.)*

БРИССАКЪ.

Ты слышалъ!

д'АРКУРЪ.

Слышалъ.

БРИССАКЪ.

За Расиномъ онъ  
Сейчасъ послалъ!

1-й ВЕЛЬМОЖА.

Да! это любопытно!

2-й вельможа.

Что скажетъ онъ ему?

3-й вельможа.

Мнѣ жаль Расина!

БРИССАГЪ.

Замѣтили-ль, какъ онъ все время былъ  
Серьезенъ, недоволенъ?

Д'АРКУРЪ.

Съ кресель всталъ,  
Не подождавъ конца.

1-й вельможа.

Его навѣрно  
Въ Бастилію упрячуть.

2-й вельможа.

Непремѣнно!

БРИССАГЪ.

Мнѣ кажется, что было-бъ очень кстати  
Намъ изъяснить теперь же королю  
Негодование наше на поступокъ  
Неслыханный и дерзкій.

Д'АРКУРЪ.

Но однако  
Рѣшиться подойти къ нему!... И это  
Ужъ будетъ нарушеньемъ этикета.

БРИССАГЪ.

Тутъ можно этикетъ забыть. Въ насъ голосъ  
Чувствъ искреннихъ всего сильнѣе. Я  
Берусь его излить предъ королевемъ *(подходитъ къ нему съ тѣ-  
скими поклонами. Людовикъ его незамѣчаетъ.)*

1-й ВЕЛЬМОЖА (тихо 2-му).

Бриссакъ вездѣ успѣеть и найдется.

2-й ВЕЛЬМОЖА.

Пролазь!

1-й ВЕЛЬМОЖА.

Бездѣльникъ! (окружаютъ короля; въ это время герцогъ Шеврезъ съ другой стороны подводитъ къ нему Расина, за которыми идутъ Буало и Мольеръ.)

## ВЫХОДЪ VIII.

РАСИНЪ, БУАЛО, МОЛЬЕРЪ.

МОНТЕСПАНЪ (Людовику).

Государь! давно ужъ  
Графъ де Бриссакъ вамъ кланяется низко,  
Угодно ли вамъ будетъ обернуться?

ЛЮДОВИКЪ.

Что вамъ угодно?

БРИССАКЪ.

Государь! Мы всѣ  
Отъ глубины души, отъ полноты  
Любовью къ вамъ исполненныхъ сердець,  
Поражены, огорчены, убиты  
И просимъ, негодуя, наказать  
Примѣрно дерзость автора, который... (взглядывая на Людовика,  
останавливается.)

ЛЮДОВИКЪ (грозно).

Ну чтожъ вы стали, господинъ ораторъ?  
Извольте продолжать! который...

БРИССАКЪ.

То есть  
Который смѣлъ.... осмѣлился.... рѣшился!

ЛЮДОВИКЪ.

Но что же, наконецъ? —

БРИССАКЪ.

Представить намъ  
Возлюбленнаго нашего монарха,  
Который... кто... тѣмъ больше.. потому *(совершенно теряется)*.

ЛЮДОВИКЪ.

Графъ де Бриссакъ!... довольно! берегитесь,  
Чтобъ я вполнѣ не понялъ васъ!... Какъ смѣли  
Имѣть вы столько дерзости, чтобъ сходство  
Въ моихъ поступкахъ находить — и съ кѣмъ же?...  
Какъ думать вы могли, чтобъ кто нибудь  
Осмѣлился Людовика представить  
Другимъ, аллегорическимъ лицомъ!...  
Графъ де Бриссакъ! подобныя идеи  
Большимъ лишь могутъ въ голову придти.  
Отправтесь въ ваши Мюрскія помѣстья!  
Я васъ для поправленія здоровья  
Сегодня же уволю отъ двора.

КОНДЕ.

О! Государь, вы истинно велики!

людовикъ *(ему тихо)*.

Принцъ, мы другъ друга поняли! неправда!

ШЕВРЕЗЪ.

Я ваше повелѣнiе исполнилъ:  
И авторъ ждетъ, предъ вами, приговора  
Своей піесѣ.

ЛЮДОВИКЪ.

Господинъ Расинъ!

Я очень радъ васъ видѣть, и хотѣлъ

Вамъ лично благодарность принести  
 За то, что вы доставили намъ столько  
 Мнѣнъ пріятныхъ — вашею піесой.

РАСИНЪ.

О! Государь! Я словъ ненахожу  
 Вамъ выразить, что чувствую теперь.  
 Я жизнь готовъ отдать, чтобы доставить  
 Минуту удовольствія — герою,  
 Великому Людовику. Ко мнѣ  
 Вы слишкомъ снисходительны!....

ЛЮДОВИКЪ.

Нисколько!

Мы только справедливы. Вотъ, Маркиза,  
 И госпожа Скарронъ — не разъ при сценахъ  
 Британника и Юніи — тихонько,  
 Скрывая слезы, плакали... Ахъ кстати —  
 Скажите намъ — исторіи въ піесѣ  
 Вы съ точностью ли слѣдовали. Точноль  
 Неронъ любилъ и пѣть и танцовать  
 На сценѣ?

РАСИНЪ.

Государь! Тацитъ, Светоній

Его гораздо худшимъ представляютъ  
 И я еще смягчилъ его характеръ.  
 А то, что онъ любилъ передъ народомъ  
 Играть на лирѣ, пѣть и танцовать  
 Историки всѣ гласно подтверждаютъ.  
 Но Римъ ему охотно бы простилъ  
 Всѣ слабости, когда-бъ ихъ искупалъ онъ  
 Дѣлами королевскими...

ЛЮДОВИКЪ.

Позвольте

Замѣтить вамъ: Неронъ былъ не король,  
 А императоръ! что не все равно....

КОНДЕ.

Но главное—онъ былъ не человекъ!..  
А тигръ!..

ЛЮДОВИКЪ.

Прошу васъ, господинъ Расинъ!

Давайте намъ подобныя пьесы  
Какъ можно чаще. Я васъ приглашаю  
Нашъ дворъ порою также посещать.  
Быть можетъ въ немъ найдете лица вы  
Для вашихъ драмъ. Теперь я попрошу  
Последній актъ начать. Я съ нетерпѣьемъ  
Узнать хочу, чѣмъ кончится пьеса.

*(Всѣ расходятся по мѣстамъ).*

Я моему двору васъ не представилъ  
И безъ того вы знать его должны.  
Здѣсь только есть всего одна особа,  
Которую вы можете не знать.  
Ее сегодня мнѣ мой Лувуа  
Представилъ самъ—вдова Скарронъ!

РАСИНЪ.

Ее

При жизни мужа часто видѣлъ я.

ЛЮДОВИКЪ.

Скажите откровенно мнѣ — какого  
Вы мнѣнія о ней?

РАСИНЪ.

Она всегда

Умомъ и острою отличалась  
Но...

ЛЮДОВИКЪ.

Но?..

РАСИНЪ.

Женой она могла быть только  
Такого шута, какъ Скарронъ. *(Людвикъ съ досадою отъ  
него отворачивается, д'Обинье, услышавшая  
эти слова, хочетъ подойти къ нему, Лу-  
вуа ее удерживаетъ).*

людовикъ, *(сухо)*.

Вы слишкомъ

Несправедливы въ ней! *(дѣлаетъ ему рукою знакъ прощанія, Расинъ въ недоумѣннй отходитъ съ низкимъ поклономъ)*.

БАРОНЪ ДЕ НАНЖИ, *(подходя съ поклонами въ то время, когда всѣ стоятъ у своихъ мѣстъ)*.

Позвольте, ваше

Величество узнать: угодно-ль будетъ  
Вамъ завтра репетировать балетъ,  
Въ которомъ удостоили вы взять  
Роль Апполона, или угодно будетъ  
Вамъ танцовать одно лишь ваше па?

людовикъ.

Любезный оберъ-церемоніймейстеръ!

Прошу васъ, роль мою отдать другому.

Впредь танцовать не буду я, ни завтра

И никогда. Прошу замѣтить это, —

И съ этихъ поръ—всѣхъ сценъ и представленій

Простымъ лишь будетъ зрителемъ Людовикъ!

*(Садится на свое мѣсто, давая знакъ, чтобы всѣ спли.)*

Франциска д'Обинье, проходя мимо Расина, говоритъ  
ему тихо:

Повѣрьте мнѣ, писатель знаменитый!

Что женщина, которая могла

Такого только шута, какъ Скарронъ,

Женою быть — врагомъ непримиримымъ,

Великаго Расина можетъ быть!....

*Гордо проходитъ. Расинъ остается въ недоумѣннй.*

*Занавѣсъ театра поднимается. Начинается пятый  
актъ Британники. На сценѣ Юлія и Британникъ).*

*(Занавѣсъ опускается.)*

**КАРТИНА ТРЕТЬЯ.**

**ПЕРВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ БЕРЕНИГИ**

(1670.)

**ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.**

Людвигъ XIV.

Генриетта Англійская, герцогиня Орлеанская.

Расинъ, 31 года.

Принцъ Конде.

Маркизь Лувуа, министръ.

Жанъ Бенинь Боссюетъ, великій раздаватель милостины  
и архіепископъ Парижа.

Герцогъ де Лозенъ.

Корнель, 63 лѣтъ.

Марія Шанмеле, 19-ти лѣтъ.

Баронъ де Нанжи.

Виконтъ д'Аркуръ.

Маркиза Ментенонъ.

Герцогъ де Шеврезъ.

Мальчикъ.

Придворные, Пажи.

(Версальскій садъ. Посрединъ фонтанъ Ниобеи. Вдали блестятъ огни иллюминацій, На-льво дерновая скамейка въ густой зелени. Полная луна отражается въ фонтанъ).

## ВЫХОДЪ I.

ГЕРЦОГЪ ДЕ ШЕВРЕЗЪ, БАРОНЪ ДЕ ПАНЖИ,  
Д'АРКУРЪ.

Д'АРКУРЪ. Какой удивительный вечеръ! И какъ жаль, что мы должны будемъ провести его въ душной залѣ, при блескѣ лампъ и кенкетовъ, задыхаясь отъ тѣсоты и жару.

ГЕРЦОГЪ ДЕ ШЕВРЕЗЪ. Неужели удовольствіе слушать новую пьесу Расина для васъ не можетъ замѣнить прогулки по-саду?

Д'АРКУРЪ. Я не говорю этого, но согласитесь, что надобно имѣть много рѣшимости, чтобы въ такое время запереться въ четырехъ стѣнахъ и четыре часа слушать, что будутъ рассказывать господа актеры.

ШЕВРЕЗЪ. Какъ видно, Виконтъ, что вы не поэтъ!

Д'АРКУРЪ. Нисколько, герцогъ, я придворный!

ШЕВРЕЗЪ. Въ полномъ смыслѣ этого слова! (къ Панжи). Скажите, баронъ, какой сюжетъ новой трагедіи Расина?

ПАНЖИ. Навѣрно незнаю, герцогъ, это какая-то римская принцесса, которая по какимъ-то домашнимъ обстоятельствамъ не можетъ выдти замужъ за императора Тита. Говорятъ, что сюжетъ этотъ данъ Расину герцогинею Орлеанскою.

ШЕВРЕЗЪ. Это очень любопытно. Знаетъ ли только объ этомъ его величество?

НАНЖИ. Ни слова. Сегодняшній спектакль будетъ ему во всѣхъ отношеніяхъ сюрпризомъ. Расинъ даже никому не читалъ своей пьесы.

д'АРКУРЬ. Не предувѣдомить ли его величество?

ШЕВРЕЗЪ. Советую вамъ съѣзжать это, любезный д'Аркуръ, если вы хотите раздѣлить уединеніе бѣднаго Бриссака, который умираетъ теперь со скуки въ своихъ помѣстьяхъ.

д'АРКУРЬ. Но если это опять какая-нибудь аллегорія?

ШЕВРЕЗЪ. Во всякомъ случаѣ она не можетъ быть непріятна королю, потому-что изобрѣтена Орлеанскою герцогинею. Де Нанжи, вы по должности своей чаще видите короля. Скажите: правда ли, что онъ день и ночь бредитъ прекрасною Генриеттою?

д'АРКУРЬ. И что мужу ея, въ числѣ прочихъ блистательныхъ наградаъ, послано милостивое позволеніе еще года на два остаться при арміи?

НАНЖИ. Господа! вы очень неосторожно выражаетесь. Развѣ вы не знаете, что настоящій придворный долженъ видѣть, слышать и знать только то, что ему позволено.

ШЕВРЕЗЪ. Но развѣ въ этомъ есть что нибудь дурное?

д'АРКУРЬ. Къ тому же мы здѣсь въ своемъ кругу. Постороннему человеку напримѣръ не нужно знать, что въ это же самое время маркиза Ментенонъ, надзирательница за дѣтьми его величества, купила себѣ огромное помѣстье...

НАВУСИ. Вы меня извините, если я васъ оставлю. Въ моемъ званіи мнѣ неприлично слышать подобные разговоры. Вы, Виконтъ—до-сихъ-поръ считаете себя обиженнымъ, вы—герцогъ, слишкомъ разсыяны—а дорожу моимъ мѣстомъ и благосклонностью его величества! (*уходитъ*)

д'АРКУРЬ. Онъ перепугался не на шутку. Надобно его успокоить. Я иду за нимъ!

ШЕВРЕЗЪ. А я отправлюсь въ театръ. Сейчасъ начинаютъ.

д'АРКУРЬ. Вашъ слуга! (*раскланиваются и уходятъ.*)

## ВЫХОДЪ II

ГЕНРИЕТТА, въ черной полумаскѣ выходитъ съ правой стороны. За нею Людовикъ,

ЛЮДОВИКЪ.

О, герцогиня! вы меня бѣжите?...  
 Что значитъ страхъ вашъ? — Сбросьте эту маску,  
 Къ чему скрывать прекрасныя черты?  
 Я васъ узналъ сейчасъ же!

ГЕНРИЕТТА.

Государь!

Прошу васъ!.. умоляю! — вы ошиблись!..  
 Я... я не та, кого искали вы! —

ЛЮДОВИКЪ.

Я не искалъ васъ—это правда! Вы  
 Въ моихъ садахъ неожиданно мнѣ явились,  
 Мелькнувши свѣтлой тѣнью близъ меня.  
 Я сердцемъ угадалъ васъ—я за вами,  
 Забывши все на свѣтъ—побѣжалъ.  
 Но вы, храня упорное молчанье,  
 Хотѣли скрыться отъ меня. Теперь же,  
 Когда я чудный голосъ васъ услышалъ,  
 Вы все еще хотите обмануть  
 Людовика...

ГЕНРИЕТТА.

О Боже! неужели  
 Я отъ него не скроюсь никуда!

ЛЮДОВИКЪ.

Да! никуда! Вы будете вездѣ  
 Въ моихъ владѣняхъ. Скройте изъ Европы,  
 Бѣгите вы въ другія части свѣта, —  
 И я мои владѣнія раздвину

До граней міра, чтобы васъ изъ нихъ  
Не выпустить...

ГЕНРИЕТТА.

Но я тогда найду  
Дорогу въ небо, чтобы отъ васъ спастись!

ЛЮДОВИКЪ.

О Генриетта, вы меня бонтесы!  
Я ненавиственъ вамъ...

ГЕНРИЕТТА.

Мой Богъ! Мой Богъ!  
За чѣмъ я такъ несчастна?

ЛЮДОВИКЪ.

Генриетта!

Одно лишь слово—и найдемъ мы небо  
Здѣсь на землѣ.. Я знаю! чувствъ своихъ  
Скрывать ты немогла и неумѣла! —  
Я знаю все!.. Ты слышишь—взглядъ одинъ!...  
И я пойму! Прочь эту маску!

ГЕНРИЕТТА.

Боже!

Спаси меня! Дай силы мнѣ!.. Людовикъ!..

ЛЮДОВИКЪ.

О, Генриетта! это имя! да!  
Передъ тобою не король теперь!  
Забудь мой санъ, забудь, что мы съ тобою  
Разлучены завистливой судьбою....  
Все, все забудь и помни только то,  
Что безъ ума тебя Людовикъ любитъ,  
Что любишь ты сама его...

ГЕНРИЕТТА.

О Боже!

Я немогу, я недолжна, несмью!  
 Любовь моя была бы преступленьемъ,  
 Грѣхомъ тяжелымъ.

ЛЮДОВИКЪ.

Грѣхъ падеть на тѣхъ ,

Которые принудили тебя  
 Отдать другому руку, а любовь  
 Смываетъ всѣ проступки. Для любви  
 Намъ создать Богъ! — забудь въ моихъ объятыхъ  
 Людей, природу—цѣлый міръ. Смотри,  
 Передъ тобой Людовикъ на коленяхъ,  
 Тебя онъ умоляетъ о любви.  
 Въ безумной этой страсти я забылъ  
 О благѣ государства, о народѣ,  
 Который мнѣ врученъ самимъ Творцемъ.  
 Дай счастье Людовику!... Съ нимъ вместе  
 Вся Франція тебя благословитъ.  
 Молю! одно лишь слово!.. Генриетта!  
 Меня ты любишь?....

ГЕНРИЕТТА.

Помоги, Творецъ!

Еще минуту — я сама погибну,  
 И увлеку его съ собой въ погибель!  
 Людовикъ! Госудрь!.. я умоляю!  
 Вы ждали долго!... часъ! о только часъ —  
 И я вамъ дамъ рѣшительный отвѣтъ.  
 Теперь васъ ждутъ въ театрѣ. По окончаньи  
 Пьесы, здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ  
 Я жду васъ!..

ЛЮДОВИКЪ.

Генриетта! Я готовъ

Исполнить вашу волю.

ГЕНРИЕТТА.

А теперь

Прошу васъ вновь; оставьте Генриетту,  
Собрать ея растерянные силы  
И помолиться Богу!

ЛЮДОВИКЪ.

Я иду

Но черезъ часъ...

ГЕНРИЕТТА, (*усполюющимъ голосомъ.*)

Какъ кончится пьеса!

ЛЮДОВИКЪ.

Какъ кончится пьеса! (*уходитъ*)ГЕНРИЕТТА, (*бросаясь на колѣна.*)

О Творецъ!

Благодарю! Ты въ этотъ страшный часъ

Отъ преступленья спасъ меня!.. Людовикъ!

Когдабъ ты зналъ, какъ въ этомъ бѣдномъ сердцѣ

Сильна любовь къ тебѣ, когдабъ ты зналъ,

Что стоило ее мнѣ побѣдить!...

Но гдѣ же онъ — спаситель мой? Что если

Урокъ нашъ неудастся? Нѣтъ, Людовикъ

И добръ, и благороденъ, онъ пойметъ!...

## ВЫХОДЪ III.

РАСИНЪ, ЛУВУА.

ГЕНРИЕТТА.

Расинъ! о! наконецъ я вижу васъ!

Скажите, что пьеса?

РАСИНЪ.

Началасы!

Васъ всюду ищутъ.

ГЕНРИЕТТА.

Но, Расинъ, скажите,

Увѣрены ли вы въ успѣхъ, въ томъ,  
 Что вашу мысль и цѣль пойметъ Людовикъ?  
*(Луиза входитъ осторожно, осматривается, и видя,  
 что его не замѣчаютъ, скрывается за кустами)*

РАСИНЪ.

Я немогу ручаться, герцогиня!  
 Я сдѣлалъ все, что вы мнѣ приказали.  
 Въ трагедіи развилъ я сколько могъ  
 Прекрасныя, возвышенныя мысли,  
 Которыя вы сами мнѣ ввусили.  
 И чувство долга, чувство благородства  
 Поставилъ выше истинной любви:  
 И если Титъ великъ душой и сердцемъ —  
 Навѣки онъ покинетъ Беренику.

ГЕНРИЕТТА.

Расинъ! я вѣрю! вы его спасете  
 Со мною вмѣстѣ! вы спасете насъ  
 Отъ страшнаго, тяжелаго грѣха,  
 Отъ поздняго раскаянья!—Расинъ,  
 Вотъ истинная цѣль, вотъ назначенье  
 Поэзіи! Призванье ваше въ міръ  
 Завидно и высоко!

РАСИНЪ.

Герцогиня!

Вы пожалуйста лучше о Расинѣ.  
 Завидовать грѣшно ему!

ГЕНРИЕТТА.

Вы также

Несчастны!... Но Творецъ за подвигъ вашъ  
Пошлетъ вамъ утѣшеніе!

РАСИНЪ.

Герцогиня!

Я въ жизни утѣшенія не жду.  
Такъ пусть хоть *тамъ*, найду себѣ отраду!

ГЕНРИЕТТА.

Я знаю все—вы также влюблены;  
Но безнадежно, въ хитрую кокетку,  
Которая не стоитъ васъ. Я знаю,  
И что любовь свою забыть хотите  
Вы въ вымыслахъ поэзіи прекрасной.  
Вотъ почему всегда стихи Расина  
Высоки, сильны, какъ любовь его,  
Вотъ почему для выраженія страсти  
Глубокой и возвышенной—Расина  
Я изъ-всѣхъ поэтовъ избрала.

РАСИНЪ.

Сперва избравши стараго Корнеля!

ГЕНРИЕТТА.

Расинъ, я васъ тогда еще не знала,  
И, вѣря прошлой славѣ, поручила  
Корнелю Беренику написать.  
Но гордый умъ, въ страдавіяхъ окрѣпшій,  
Не понялъ чувства тонкаго любви,  
И стихъ его суровый и холодный  
Могъ поразить, а не растрогать сердце.  
И къ вамъ я обратилась тогда....  
Вы поняли меня! Моимъ мечтамъ  
Вы дали жизнь, и смутныя идеи  
Роскошными стихами облекли....  
Вы руку дали мнѣ на трудный подвигъ.

Вамъ буду я обязана спасеньемъ;  
 Людовикъ—чистымъ именемъ въ страницахъ  
 Исторіи, литература—новымъ  
 Произведеньемъ, истинно-прекраснымъ,  
 А Франція—спокойствіемъ и счастьемъ.  
 Расинъ! Расинъ! о вашей Береникѣ—  
 Повѣрьте мнѣ, потомство не забудетъ,  
 И долго, долго будетъ міръ смотреть  
 Піесу съ благородной, чистой цѣлью!  
 Васъ все оцѣнять. Дайте вашу руку!  
 Вы благородный, добрый человекъ, *(Расинъ падаетъ  
 на колѣни и цѣлуетъ ея руку)*  
 И если бѣдной жертвы грѣшной страсти  
 Дойдетъ на небо теплая молитва, —  
 Расинъ вновь будетъ счастливъ. *(Кладетъ ему руку на голо-  
 ву, потомъ медленно уходитъ. Расинъ  
 остается на колѣнахъ)*

РАСИНЪ

Въ небесахъ!

Не на землѣ. Правѣ была Марія...  
 И мечь ея убьетъ меня. Давно,  
 Ужъ больше года, ревность и печаль  
 Меня терзаетъ; больше года мучить  
 Меня Марія. До-сихъ-поръ я вижу  
 Одно ея кокетство—что-же будетъ,  
 Когда ея измѣну я увижу?..  
 Не дай Господь увидѣть мнѣ ее! *(уходитъ медленными  
 шагами)*

ЛУВУА *(выходя изъ-за кустовъ)*

Ушелъ! Наслу! Я—должно признаться —  
 Прекраснымъ занимаюсь ремесломъ:  
 Изъ-за кустовъ подслушиваю бредни  
 Помъшанной и глупаго поэта,  
 Я—короля любимецъ и министръ!  
 Но что же дѣлать—гордой Ментенонъ  
 Немножко подслужаться не мѣшаетъ....

Кто знаетъ, до чего она достигнетъ,  
 Какъ далеко поидетъ! Къ тому же дѣло  
 Довольно щекотливое; другому  
 Опасно было поручить его.  
 Вотъ в она!.. (расклаиваясь) маркиза!

#### ВЫХОДЪ IV.

МАРКИЗА МЕНТЕНОНЪ, ЛУВА.

МЕНТЕНОНЪ.

Чтожъ, Нанжи,

Скажите, что открыли вы?

ЛУВА.

Пустое!...

Вамъ ложно донесли; — о герцогиня  
 Не думаетъ нисколько сумасшедшей.  
 Она бредитъ все кокеткой Шанмеле,  
 А герцогиня плачетъ тихомолкомъ,  
 Вздыхая о Людовикѣ.

МЕНТЕНОНЪ.

За чьимъ же

Они здѣсь ночью видѣлись, въ саду,  
 О чемъ ихъ разговоръ былъ?

ЛУВА.

О піесѣ,

Объ этой Береникѣ. Вотъ что правда—  
 Она написала по просьбѣ герцогини  
 Трагедію, съ намеками на слабость  
 Велкаго Людовика. Они  
 Увѣрены, что просмотря піесу,  
 Т. VII. Отд. I.

Растанется онъ тотчасъ съ герцогиней,  
 Какъ Титъ разстался съ этой Береникой,  
 И больше ничего.

МЕНТЕНОНЪ.

Когда бы это

Расинъ придумалъ съ моего совета  
 И испросилъ согласіе мое,  
 Я можетъ быть моглабъ ему простить  
 Тѣ дерзкія слова... Теперь хотя  
 Онъ поступаетъ очень хорошо  
 Для нравственности чистой, для спасенія  
 Души; но—постарайтесь Лувуа,  
 Чтобы его піеса не имѣла  
 Успѣха на Парижской сценѣ

ЛУВУА.

Это

Не такъ легко, Маркиза.

МЕНТЕНОНЪ.

Еслибъ было

Легко—тогдабъ я васъ и не просила.  
 Но точноль вы увѣрены однако,  
 Что ни слѣда интриги нль любви  
 Нѣтъ между ними?

ЛУВУА.

Въ этомъ точно также

Увѣренъ я, какъ въ томъ, что только съ жизнью  
 Къ вамъ прекратится преданность моя.

МЕНТЕНОНЪ.

Теперь—Маркизъ пойдете въ залу. Тамъ  
 Отсутствіе мое могли замѣтить.  
 Все это—разумѣется должно  
 Остаться между нами.

ЛУВУА, (подавая ей руку.)

О! Марквиза!  
 Я былъ бы счастливъ, еслибъ между нами  
 Другія тайны были, по-важнѣе.

МЕНТЕНОНЪ.

Молчите!.... (уходятъ)

ВЫХОДЪ V.

РАСИНЪ ПОТОМЪ ЛОЗЕНЪ И ШАНМЕЛЕ,

РАСИНЪ.

Нѣтъ! я не ошибся! Боже!

Она! и съ нимъ!.. Я ихъ неожиданно встрѣтилъ,  
 Они и незамѣтили меня....  
 Идутъ сюда... Я ихъ предупредилъ....  
 Здѣсь въ зелени кустовъ скамейка есть,  
 Здѣсь я могу все слышать, все! мой Богъ!  
 Унижусь въ первый разъ; за ними стану  
 Подслушивать, посматривать.... Быть можетъ  
 Открою все—быть можетъ вмѣсто страсти  
 Презрѣнье поселится въ этомъ сердцѣ...  
 Они! дай силъ мнѣ все снести, Творецъ!... (прлетается.)

ЛОЗЕНЪ (ведя Шанмеле).

Скажите мнѣ, жестокая Марія,  
 Когда конецъ страдаіямъ моимъ?

ШАНМЕЛЕ.

Скажите мнѣ, блистательный мой герцогъ,  
 Когда конецъ преслѣдованьямъ вашимъ?

ЛОЗЕНЬ.

До самой смерти я не перестану  
Васъ обожать.

ШАВМЕЛЕ.

Тогда мнѣ остается  
Судьбу молить, чтобы отъ васъ меня  
Освободила....

ЛОЗЕНЬ.

Смертью?

ШАВМЕЛЕ.

Для чего?

Судьба всевластна — у нея другія  
Въ запасъ средства есть — вотъ, напримѣръ,  
Женитьба — таже смерть — когда хотите ;  
Но только смерть моральная, съ которой  
Поэзии и нѣжностямъ — конецъ.

ЛОЗЕНЬ.

Помилуйте, я васъ не понимаю!  
Я целый годъ, почти что каждый день,  
Вамъ предлагаю страстную любовь,  
И все мое имѣніе въ придачу  
За нѣжную взаимность

ШАВМЕЛЕ.

Что мнѣ въ нихъ?

Въ любви у васъ — пустыя увѣренья,  
Въ имѣніи — одни долги!

ЛОЗЕНЬ.

Клянусь вамъ,  
Что страсть моя, что искреннее чувство...  
Здѣсь въ зелени кустовъ скамейка есть!  
Намъ будетъ говорить удобнѣй сидя.

ШАНМЕЛЕ.

Благодарю васъ! Я и такъ сидѣла  
Почти два акта, слушая піесу.

ЛОЗЕНЬ.

Ахъ! кстати, отчего вы не хотѣли  
Взять Береники роль?

ШАНМЕЛЕ.

Расинъ нашелъ,  
Что я для роли нѣжной героини  
Не создана, — вотъ почему сегодня  
Въ кругу моихъ подругъ была простою.  
Я зрительницей скучной.

ЛОЗЕНЬ.

Развѣ вамъ  
Не нравится піеса?

ШАНМЕЛЕ.

Нѣтъ! — Расину  
Смѣшно въ сентиментальности пускаться,  
И я зъвала, сидя межъ кулисъ,  
Отъ жалобъ монотонной Береники;  
Вы предложили мнѣ въ саду пройтися,  
И я вполнѣ надѣясь, что меня  
Развеселите вы — вдругъ обманулась  
Жестоко: — вотъ ужъ съ полчаса, какъ вы  
Идиллію читаете мнѣ тоже,  
Еще скучнѣе.

ЛОЗЕНЬ.

Да! такъ возвратимся  
Къ тому, что говорилъ я, — Вы меня  
Рѣшительно не любите?

ШАНМЕЛЕ.

Я вамъ,  
 Мнѣ кажется, разъ десять говорила,  
 Что я... (увидя Расина) (Расинъ!) Люблю васъ всей душой!

РАСИНЪ.

О Боже!

ЛОЗЕНЪ.

Что я слышу! Неужели?  
 Возможно ли? И это все не шутка.

ШАНМЕЛЕ.

Но можно ли шутить любовью, герцогъ!  
 Ужели вы въ словахъ моихъ, въ поступкахъ,  
 Не угадали той глубокой страсти,  
 Которой я всегда горѣла къ вамъ.

ЛОЗЕНЪ.

Конечно!... Признаюсь!.. Я не думалъ!  
 (Мнѣ кажется, что это не шутка.....  
 Она дрожить, растрогана, въ волненьи.)

ШАНМЕЛЕ.

(Онъ вѣрить радъ! Къ тому же, это можетъ  
 Порядочно Расина побѣсить.)

ЛОЗЕНЪ.

Вы замолчали?

ШАНМЕЛЕ.

Что мнѣ вамъ сказать?  
 Хотя я должна была скрывать отъ васъ  
 Мою любовь, — но видя какъ глубоко,  
 Какъ пламенно вы любите меня,  
 Съ терпѣниемъ снося мое кокетство,

Которымъ я испытывала васъ, —  
Я, наконецъ рѣшилася признаньемъ  
Вознаградить за всѣ страданья васъ.

ЛОЗЕНЪ.

Такъ это все лишь испытаньемъ было?  
А я васъ въ легкомысліи, въ кокетствѣ  
И въ вѣтренности часто упрекалъ....  
Простите ли меня?

ШАНМЕЛЕ.

Я все прощаю!  
Мы счастливы теперь! чегожъ намъ больше?

ЛОЗЕНЪ.

О! не совсѣмъ! скажите мнѣ, когда же  
Вы предложенье примете мое.

ШАНМЕЛЕ.

Сегодня вамъ рѣшительный отвѣтъ  
Я дамъ — теперь отправитесь смотреть,  
Какъ плачетъ Береника. Здѣсь другимъ  
Мы можемъ плакать помѣшать! Пойдемте! *(уходятъ.)*

РАСИВЪ.

Всему конецъ! Мой Богъ! о какъ жестоко  
Наказанъ я! зачѣмъ же не-далъ Ты  
Мнѣ — твердости, чтобъ могъ я за пзмѣну  
Презрѣніемъ холоднымъ заплатить?...  
Но нѣтъ — чѣмъ я несчастнѣй, тѣмъ сильнѣе  
Любовь терзаетъ сердце — о скорый!  
Туда! — тамъ похвалы, рукоплесканья,  
Заставятъ позабыть мои страданья!

## ВЫХОДЪ VI.

КОРНЕЛЬ И МАЛЬЧИКЪ, (выходятъ на встрѣчу Расину.)

КОРНЕЛЬ.

Мой другъ! дай свѣжимъ возлухомъ садовъ  
 Минуту подышать мнѣ — и потомъ  
 Сведи меня опять на мой чердакъ,  
 Который ябъ не долженъ оставлять.

РАСИНЪ. (Отступая)

Корнель!

КОРНЕЛЬ.

Кто здѣсь? вы знаете меня!

И потому простите мнѣ, что я  
 Безъ приглашенья, незванный — явился  
 Въ театръ Версальскій. Видѣть я хотѣлъ  
 Трагедію, которую пиесъ  
 Корнеля предпочли единогласно.  
 Суфлеръ — мой старій другъ — онъ мѣсто далъ  
 Въ своей конуркѣ старому Корнелю,  
 И сына далъ, чтобъ проводить меня  
 На мой чердакъ!....

РАСИНЪ.

Но неужли пиеса  
 Окончилась?

КОРНЕЛЬ.

Три акта видѣлъ я,  
 И этого съ меня довольно было;  
 Я долѣ немогъ перенести  
 Такого униженія искусства!....

РАСИНЪ.

Я этого не ждалъ. Такъ Береника...

КОРНЕЛЬ.

И вздорная и слабая пьеса!

МАЛЬЧИКЪ.

Эй! дѣдушка! ты не брани пьесы,  
Вѣдь это сочинитель самъ.

КОРНЕЛЬ.

Расинъ!

Мои слова ты слышалъ. Я отъ нихъ  
Не откажусь!

РАСИНЪ.

Корнель! ужель съ тѣхъ поръ,  
Какъ въ первый разъ мы видѣлись съ тобою,  
Ты объ моихъ пьесахъ, обо мнѣ,  
Такогожъ точно мнѣнія?

КОРНЕЛЬ.

Старикъ

Корнель не ошибался никогда!  
Что сдѣлалъ ты съ-тѣхъ-поръ? Въ угоду знатнымъ  
И Королю въ Британникѣ твоемъ,  
Ты искажилъ характеры Нерона  
И Агриппины — Римляне твои,  
Французскіе придворные — и нынче  
Какъ съ каждою трагедіей, Расинъ,  
Ты падаешь все ниже! Я не вѣрилъ  
Своимъ ушамъ! — и это Титъ, и это  
Народъ могучій съ волею желѣзной,  
И это царь вселенной — гордый Римъ! —  
Три акта слезъ и жалобъ и стenanій;  
Ни дѣйствія, ни сильныхъ положеній,  
Ни интереса, ни эффектныхъ сценъ! —  
И дворъ въ восторгѣ хлопаетъ и плачетъ!...  
Расинъ — тебѣ совѣтовалъ я прежде  
Оставить сцену, неписать трагедіи.  
Я былъ неправъ — теперь я вижу ясно,  
Что для подобной публики какъ эта —  
Писателя ненадобно другаго,

Довольно и Расина ей. Она  
 Тебя прославить гениемъ великимъ!  
 Вполнѣ постигъ ты вѣкъ нашъ. Для него,  
 Ты созданъ. Не понять ему Корнеля,  
 Такъ для него пиши Расинъ! — *(мальчику)*. Мой другъ!  
 Пойдемъ! сведи меня на мой чердакъ  
 Надъ Римскою исторіей поплакать! *(уходитъ)*.

## РАСИНЪ.

Любовь и слава! — Бѣднаго Расина  
 Все покидаетъ! всѣмъ обмануть я,  
 Во всемъ разочаровываться долженъ.  
 Мой Богъ! въ тебѣ одномъ теперь мое  
 Прибѣжище и сила. Только въра  
 Расина отъ отчаянья спасеть.  
 Кого я вижу?.. онъ! да это онъ!  
 Сама судьба его мнѣ посылаетъ,  
 Великаго, святаго человѣка,  
 Извѣстнаго высокими дѣлами  
 И жизнью примѣрно христіанской,  
 Заступника всѣхъ грѣшниковъ несчастныхъ —  
 Къ нему! къ нему! Расина онъ спасеть.

## ВЫХОДЪ VII.

БОССЮЭТЬ, *(идетъ медленно черезъ сцену)*.

РАСИНЪ *(бросаясь къ нему)*.

Отецъ мой, передъ вами слабый грѣшникъ!

Терзаемый отчаяньемъ ужаснымъ.  
 Отъ вашихъ наставленій, словъ спасенья, —  
 Онъ ищетъ облегченія. Отецъ!  
 Бесѣдой вашей мудрой успокойте  
 Взволнованную душу, укажите  
 На жизненной дорогѣ лучшей путь  
 Къ спокойствію и счастью.

ВОССЮЮТЬ.

Мой сынъ!

На жизненномъ пути тропинокъ много,  
Хоть всѣ ведутъ къ одной и той же цѣли.  
Когда ты самъ избралъ тернистый путь,  
То не ропщи — и крестъ носи съ терпѣньемъ.

РАСИНЪ.

Я не ропщу! — моей дорогой трудной,  
Къ могилѣ я дойду, хоть на колѣняхъ,  
Но неужли измученный, усталый,  
Я немогу намигъ остановиться  
И попросить, чтобъ подкрѣпили сердце  
Словами міра, вѣры и молитвы  
Служители Творца и алтаря?...

ВОССЮЮТЬ.

Есть люди — и за нихъ молитва Богу —  
Тяжелый грѣхъ. Пути есть въ этой жизни,  
Къ которымъ тотъ, кто Бога чтитъ душой,  
Не долженъ приближаться. Кто ты, сынъ мой?

РАСИНЪ.

Я думалъ, чѣмъ на свѣтѣ слабѣй грѣшникъ  
Несчастнѣй, тѣмъ ходатайство объ немъ  
Теплѣе быть должно передъ Всевышнимъ!...

ВОССЮЮТЬ.

Не вамъ, сынамъ грѣха и суеты,  
Судить о томъ, какъ долженъ поступать  
Служитель чистой истины? Кто ты?

РАСИНЪ.

Расинъ!

ВОССЮЮТЬ, (отступая).

Расинъ!

Писатель тѣхъ трагедій,  
Которыя сбѣгается смотрѣть  
И дворъ и весь Парижъ!

РАСИНЪ.

Онъ самъ!

ВОССЮЮТЬ.

Несчастнѣй!

Прочь отъ меня!

РАСПНѢ.

Мой Богъ! что сдѣлалъ я?...

Въ чемъ я виновенъ?

ВОССЮЗЪ.

Въ чемъ виновенъ ты?

А ты забылъ слова писанья : горе  
 Тому, черезъ кого приходитъ въ міръ  
 Соблазнъ! Не ты-ль піесами своими  
 Соблазнъ въ семействахъ мирныхъ поселяешь,  
 Опасныя въ нихъ страсти распалаяшь  
 Позорными картинами связей  
 Постыдныхъ и преступныхъ. Горе! горе!  
 Ты сдѣлался льстецомъ людскихъ страстей,  
 Ты служишь гнуснымъ идоламъ—и смѣешь  
 Просить меня о мірѣ и спасеніи!...  
 Самъ Богъ тебя казнить за преступленье!  
 И въ ослѣпленіи жалкомъ, ты не видишь  
 Его, руки, карающей тебя.  
 Прочь отъ меня! — У трона Бога славы  
 Нѣтъ мѣста для писателей трагедій,  
 Нѣтъ на землѣ молитвы за него, *(уходитъ)*

РАСИНЪ.

И онь!.. и цѣлый міръ и даже небо —  
 Все на Расина! Боже! положи  
 Конецъ моимъ страданьямъ. Этихъ мукъ  
 Я вынести не въ силахъ. — Идутъ!... Прочь!...  
 Я немогу присутствія людей  
 Сносить, въ моемъ ужасномъ положеніи!  
 Туда! въ аллеи темныя! тамъ буду  
 Молиться я, и плакать на просторѣ,  
 При людяхъ грусть сильнѣй, ужаснѣй горе! *(убѣгаетъ.)*

## ВЫХОДЪ VIII.

ГЕНРИЕТТА, ПОТОМЪ ЛЮДОВИКЪ.

ГЕНРИЕТТА (*вбѣгаетъ, и видя, что она одна, бросается на колѣни*).

Нѣтъ никого!... Наединѣ съ Творцомъ  
Могу я слезы радости пролить,  
А люди бы не поняли меня!  
Благодарю, мой Богъ! благодарю!...  
Ты спасъ меня, ты спасъ его!... Людовикъ  
Былъ тронутъ, былъ взволнованъ... О! теперь  
Могу смотрѣть я на него спокойно!...  
Порывы чувства улеглись въ груди,  
Одной тоскою бьется это сердце,  
Огонь страстей въ глазахъ слезами залить.  
Благодарю, мой Богъ, благодарю!

ЛЮДОВИКЪ (*входитъ растроганный и задумчивый. Увидя ее на колѣняхъ, онъ останавливается.*)

Вы молитесь?... молитесь герцогиня!  
И не забудьте помянуть въ молитвѣ  
О грѣшникѣ Людовикѣ, который  
Не смѣетъ взоръ на небо возвести.

ГЕНРИЕТТА.

О государь! одинъ порокъ къ землѣ  
Чело и очи темныя склоняетъ.  
Раскаяніе истинное — смѣло  
Глядитъ на небо, ждя его прощенья.

ЛЮДОВИКЪ.

Я вдвое васъ виновнѣй, Генриетта!

ГЕНРИЕТТА.

Нѣтъ! оба мы равно виновны были.  
И оба вмѣстѣ будемъ прощены!

Я васъ любила!... Для чего скрыватьсь,  
 Я до-сихъ-поръ люблю тебя, Людовикъ,  
 И небоюсь признаться въ этомъ. Видишь,  
 Какъ я въ тебѣ увѣрена!... Чѣмъ жертва,  
 И тяжелѣй и больше — тѣмъ награда  
 Намъ большая на небѣ ожидаетъ.

ЛЮДОВИКЪ.

И мы должны растаться?

ГЕНРИЕТТА.

Навсегда!

Такъ долгъ велить, такъ честь велить, Людовикъ!  
 Въ послѣдній разъ мы видимся съ тобой.  
 Прости на вѣкъ.

ЛЮДОВИКЪ.

На вѣкъ!... О! Генриетта,

ГЕНРИЕТТА.

Что вижу? слезы!.. Неужели я  
 Должна сказать тебѣ, какъ Береника:  
 «Какъ, императоръ ты — и плачешь!»

ЛЮДОВИКЪ.

Да, я плачу

И не стыжуся слезъ своихъ! Ужели  
 Меня ты оставляешь?...

ГЕНРИЕТТА.

Бѣдный другъ!

Ты слышалъ, что въ послѣднемъ монологѣ,  
 Рыдая, Береника говорила:  
 Къ чему мнѣ повторять ее слова?  
 Ты вспомни — на тебя обращены  
 Теперь глаза народа и потомства.  
 Исторія, готовая внести  
 Поступокъ славный на свои страницы,  
 И видя нерѣшительность твою,

Качаетъ недовольно головою.  
 Ты мужъ, отецъ! — и я супруга также,  
 Супруга брата твоего — Людовикъ,  
 Что я еще должна тебѣ сказать?

ЛЮДОВИКЪ.

Да, ты права! и мы должны разстаться!  
 Бѣги! бѣги!

ГЕНРИЕТТА.

Будь мужемъ! государь!  
 Припомни монологъ послѣдній Береники:

«Прости! безумною любовію горя,  
 Ты знаешь, я въ тебѣ любила не царя,  
 Не славу цесаря, не царскую порфиру!  
 И сердце отдала я не владыкѣ міру;  
 Теперь съ тобой на вѣкъ растаться я должна.  
 Далеко отъ тебя страдать осуждена,  
 Съ терпѣньемъ буду я тоску сносить до гроба!...  
 Прощай мой государь! и пусть мы будемъ оба  
 Примѣромъ пламеннымъ, возвышеннымъ сердцамъ,  
 Въ святой покорности и долгу и богамъ!»

ЛЮДОВИКЪ.

Прости!... Въ послѣдній разъ, о, Генриетта!  
 Позволь поцѣловать чело святое  
 Послѣднимъ, чистымъ, братскимъ поцѣлуемъ!

ГЕНРИЕТТА.

Людовикъ! я сама тебѣ готова  
 Дать первый поцѣлуй — который будетъ  
 Послѣднимъ въ нашей жизни (*Людовикъ становится на колѣни. Она цѣлуетъ его.*)

ЛЮДОВИКЪ.

Генриетта!

Твой поцѣлуй далъ вновь мнѣ жизнь и силу!...  
 Залогъ святаго примиренья съ небомъ,  
 Тебя я забуду никогда!

Ты съ сердца снялъ грѣха тяжелый камень!  
 О, Генриетта, ты какъ чистый ангель,  
 Всегда жить будешь въ этомъ бѣдномъ сердцѣ,  
 Храня его отъ злыхъ и грѣшныхъ чувствъ.

### ВЫХОДЪ IX.

ДЕ НАНЖИ, ПОТОМЪ КОНДЕ, РАСИНЪ И ВЕСЬ ДВОРЬ.

ЛЮДОВИКЪ, (*увидя Нанжи, который уже давно издали  
 раскланивался, не смѣя подойти.*)

Баронъ, что вамъ угодно?

НАНЖИ.

Государь!

По приказанью вашему, Расина  
 Вездѣ искалъ я, — но нигдѣ не могъ  
 Найти, къ несчастью!

ЛЮДОВИКЪ.

О! его я долженъ,

Хочу увидѣть непременно. Я  
 Ему обязанъ очень многимъ.

ПРИНЦЪ КОНДЕ, (*ведя за руку Расина*).

Вотъ онъ!

Вотъ авторъ Береники.

ГЕНРИЕТТА, (*подходя къ Расину, тихо ему*):

И спаситель

Людовика и Генриетты!...

РАСИНЪ.

Боже!

Дай силы мнѣ!....

ЛЮДОВИКЪ.

Расинъ! благодарю васъ  
 За вашъ прекрасный трудъ, но вдвое больше,  
 За цѣль его прекрасную. Ее  
 Достигли вы вполнѣ! Незнаю, чѣмъ  
 Вознаградить васъ. При моемъ дворѣ  
 Придворнаго поэта мѣста нѣтъ;  
 Но всякій день желая видѣть васъ,  
 Я дѣлаю своимъ историографомъ.  
 И это только слабая награда  
 За благородный трудъ, за вашъ талантъ.  
 Поэтъ великій — вашу руку! — *(Расинъ, молча, падаетъ  
 на колѣни, Людовикъ поднимаетъ его.)*

Нѣтъ!

Не на колѣвахъ долженъ принимать  
 Талантъ — земныхъ монарховъ благодарность. *(Отступая,  
 и снимая шляпу).*

Почтите въ немъ избравника Творца!  
 Привѣтъ тебѣ, великій нашъ Расинъ —  
 Нашъ первый драматическій писатель!

всѣ.

Привѣтъ тебѣ, великій нашъ Расинъ!  
 Нашъ первый драматическій писатель! —

РАСИНЪ, *(ослабѣвал).*

Благодарю мой Богъ! минута эта  
 Меня за все, за все вознаградила.  
 Вотъ истинная жизнь цѣль, и цѣль  
 Поэзіи: — спасти отъ заблужденій!  
 Я вѣрю, Богъ за то проститъ Расина,  
 Поэтъ на свѣтѣ не безъ пользы жилъ. *(Падаетъ безъ чувствъ)*

ЛЮДОВИКЪ.

Мой Богъ, что съ нами!... *(Всѣ окружаютъ его).*  
 Т. VII. Отд. I.

ПРИНЦЪ КОНДЕ.

Избытокъ чувствъ, волненье!...

Не беспокойтесь, радость неопасна!

МОНТЕСПАНЬ, *(тихо Лувуа)*.

Но за минуту радости заплатитъ

Годами мукъ и горести Расинъ.

*(Лувуа почтительно кланяется. Всп хлопочутъ около Расина.)*

*(Занавѣсъ падаетъ).*

## КАРТИНА IV.

### ПЕРВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ФЕДРЫ.

(1677.)

#### ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Расинъ, 38-ми лѣтъ.

Луиза Дюпаркъ, 25-ти.

Клодь Лансело, 60-ти.

Жиль Менажъ, 36-ти.

Буало, 41-го.

Жанъ Расинъ, Парламентскій Совѣтникъ, 60-ти лѣтъ.

Марта Дюбелле, его родственница, 22-хъ лѣтъ.

Придворный камердинеръ.

*Небольшая комнатка въ домъ Расина. На право столъ, заваленный книгами; за нимъ сидитъ Лансело, безъ парика, въ одномъ камзолъ, и пишетъ. На лѣво софа, на ней Луиза Дюпаркъ. Передъ софою маленькій столикъ со свѣчами и женскимъ рукодѣльемъ.*

## ВЫХОДЪ I.

ЛУИЗА, ЛАНСЕЛО.

ЛУИЗА. Девять часовъ — а Расина все еще не видать. Зачѣмъ не позволилъ онъ мнѣ посмотреть Федру! Что если предсказанія его сбылись, что если пиеса его упала?

ЛАНСЕЛО. Вы кажется говорите про Федру, думаете что она упала. Развѣ Федра можетъ упасть, развѣ вы не знаете, кто написалъ Федру?

ЛУИЗА. Кто? разумеется Расинъ!

ЛАНСЕЛО. Какой Расинъ — совсѣмъ не Расинъ! Написалъ ее великій, бессмертный Эврипидъ, а Расинъ перенесъ только на нашу почву роскошные цвѣты Эллинской поэзіи. Но онъ не вполне постигъ всѣ красоты божественнаго Эврипида. Нѣтъ! нѣтъ! ему еще многого недостаетъ. Еслибъ онъ могъ понимать его, какъ я понимаю; еслибъ онъ звалъ, что духъ Эврипида переселился въ меня, что Эврипидъ здѣсь — въ этой комнатѣ, сидитъ подлѣ него, объдаетъ вмѣстѣ съ нимъ — онъ бы сошелъ съ ума отъ восторга, или нѣтъ — онъ бы началъ мучить меня, терзать меня, выпытывать у меня секретъ, какимъ образомъ пишу я мои бессмертныя трагедіи. Нѣтъ! я не открою его, я не отдамъ людямъ тайны, которую вручилъ мнѣ сынъ Латоны!

при моемъ роженіи. Я умру съ этой тайной. Плачь Греція! плачь образованный міръ. Мамзель Луиза! не открывайте людямъ, что я Эврипидъ. Люди злы, люди жестоки; они убьютъ меня, какъ убили Орфея, какъ убили Алкея и Стезихора.

ЛУИЗА. Хорошо! хорошо! Я не скажу никому! только сдѣлайте одолженіе, успокойтесь! сядьте на свое мѣсто! а не то я отниму у васъ все книги — и не дамъ вамъ бумаги и перьевъ.

ЛАНСЕЛО. Нѣтъ! нѣтъ! я буду молчать! я буду сидѣть смѣрно. Дайте сюда моего Эврипида — я еще не выучилъ наизустьятаго дѣйствія Гераклидовъ, я сейчасъ кончу — я буду послушенъ, не скажу ни слова. Черезъ полчаса вы можете спросить у меня урокъ, я буду знать его прекрасно, лучше всей школы. Буду лучшимъ ученикомъ. *(Садится и пишетъ).*

ЛУИЗА. Бѣдняжка! и зачѣмъ я заговорила про трагедіи. Онъ очень здраво разсуждаетъ объ другихъ предметахъ; но только зайдетъ рѣчь объ театрѣ, а особливо объ Эврипидѣ, — онъ опять начинаетъ заговариваться. — Кто-то идетъ! О! это вѣрно Расинъ.

*(бросается къ дверямъ.)*

## ВЫХОДЪ II.

Жиль Менажъ, *(въ дорожномъ платьѣ.)*

ЖИЛЬ МЕНАЖЪ. Извините меня, сударыня — я не нашелъ никого въ передней, и потому вхожу безъ доклада. Мнѣ сказали, что здѣсь живетъ знаменитый Расинъ.

ЛУИЗА. Онъ теперь въ театрѣ — и если вамъ будетъ угодно подождать съ четверть часа...

МЕНАЖЪ. Если вы мнѣ позволите. Я почти десять лѣтъ не былъ въ Парижѣ, и кромѣ друга моего — Расина, никого здѣсь не знаю... Извините нескромный вопросъ — но мнѣ кажется, что я имѣю удовольствіе говорить съ госпожею Дюпаркъ, актрисою Бурбонскаго театра.

ЛУИЗА. Съ бывшею — господиномъ Жиль Менажъ, если не ошибаюсь.

МЕНАЖЪ. Какъ я радъ, что вы не забыли меня. Лѣтъ десять тому назадъ, мы часто встрѣчались съ вами у нашего Расина; помните ли вы это время?

ЛУИЗА. Оно было счастливѣйшимъ въ моей жизни!

МЕНАЖЪ. Развѣ вы теперь несчастливы?—вы оставили театръ, но судя потому, что я нахожу васъ въ домѣ Расина, совершенной хозяйкою...

ЛУИЗА. Послѣ смерти доброй няни его, Маргариты, я перешла къ Расину, чтобы смотрѣть за его домомъ. Театръ мѣшалъ мнѣ заниматься хозяйствомъ — и я оставила сцену. У Расина вѣтъ здѣсь ни родныхъ, ни близкихъ знакомыхъ, а самъ онъ не въ состоявіи ни о чемъ думать, кромѣ своихъ пьесъ и той, которая съдѣлала ему много зла въ жизни.

МЕНАЖЪ. Вы говорите объ этой Шанмеле. Неужели онъ до сихъ—поръ любитъ ее?

ЛУИЗА. До—сихъ—поръ, Менажъ. Если бы не воспоминаніе объ этой женщинѣ, то Расинъ могъ бы быть менѣе несчастливъ.

МЕНАЖЪ. Она не въ Парижъ?

ЛУИЗА. Нѣтъ! Слава Богу, что онъ хоть не видитъ ее. Съ тѣхъ—поръ, какъ ее бросилъ герцогъ де—Лозенъ, она скрылась — неизвестно куда.

МЕНАЖЪ. Но вы, вы Луиза.....

ЛУИЗА. Я — домоправительница, ключница, экономка въ домѣ Расина; все, что вы хотите. Я завѣдую хозяйствомъ, не допуская его самого заниматься — вещами скучными, мелочными, хотя и необходимыми, которыя могли бы отвлекать его отъ другихъ важнѣйшихъ занятій.

МЕНАЖЪ. И вы рѣшились пренебречь предрасудками общества, злыми толками и клеветою свѣта?...

ЛУИЗА. Я всею обязана Расину. Изъ бѣдной, необразованной сироты, онъ сдѣлалъ, въ свое время, порядочную актрису. Онъ далъ мнѣ больше — чѣмъ жизнь, Менажъ, онъ далъ мнѣ воспитаніе. Но и безъ этого, я бы пренебрегла всеми сплетнями и предрасудками, чтобы быть полезною Расину. Люди и безъ того къ имени актрисы, прибавляютъ всегда другой позорный эпитетъ. Богъ съ ними! Пусть они клеветуютъ на меня, сколько имъ угодно — я бѣдная женщина, лишняя въ свѣтъ, не нужная для общества; — если клевета ихъ и убьетъ меня, этого никто незамѣтитъ. Но за что они отравляютъ свою злобою чистую и

прекрасную жизнь Расина? Что сдѣлалъ имъ этотъ добрый, благородный человекъ, этотъ мученикъ высокихъ чувствъ своихъ и жестокаго страданія?

МЕНАЖЪ. Какъ! неужели свѣтъ преслѣдуетъ Расина?

ЛУИЗА. Безжалостно и безчеловѣчно. Клевета гонитъ его съ ожесточеніемъ. Продажная критика унижаетъ безъ пощады его лучшія произведенія. Во время представленія пьесъ его, подкупные свистки заглушаютъ рукоплесканія безпристрастныхъ зрителей. Лучшія пьесы его: *Балзетъ*, *Митридатъ*, *Ифигенія*, почти не имѣли успѣха. Общество Маркизы Рамбулье не признаетъ въ немъ ни искры таланта, предпочитая ему Пралона; самъ король съ нѣкоторыхъ поръ пересталъ оказывать ему благоволеніе, вѣроятно, въ слѣдствіе происковъ враговъ бѣднаго Расина. Какой-то неизвѣстный непріятель, но имѣющій большую власть при дворѣ, преслѣдуетъ его неутомимо. Вся жизнь Расина — цѣпь неудовольствій, огорченій и борьбы съ его гонителями.

МЕНАЖЪ. Дорогою же цѣною купилъ свою славу, бѣдный Расинъ. Скажите, это гоненіе не имѣло вліянія на его характеръ?

ЛУИЗА. Большое, Менажъ, не только на характеръ, но и на здоровье, но и на талантъ его.

МЕНАЖЪ. На талантъ?

ЛУИЗА. Да! онъ сдѣлался молчаливъ, задумчивъ, суевѣренъ; онъ страдаетъ часто болью въ груди. Видя, что почти все бранятъ его пьесы — онъ начинаетъ сомнѣваться въ своемъ талантѣ, въ своемъ призваніи. — О! онъ очень несчастливъ, Менажъ!

МЕНАЖЪ. Извините меня, если я прерву васъ, милая Луиза, я сейчасъ только замѣтилъ этого господина.... Мнѣ кажется, что это Клодъ Лансело, бывшій учитель греческаго языка въ Поръ-Ройяль?

ЛУИЗА. Не обращайтесь на него вниманія! Онъ не видитъ и не слышитъ насъ. Онъ помѣшанъ.

МЕНАЖЪ. Помѣшанъ?

ЛУИЗА. Да, но сумасшествіе его тихо и необасно. Думая всегда объ одномъ и томъ же, занимаясь одними греческими трагедіями, — онъ дошелъ наконецъ до того, что считаетъ себя Эврипидомъ, его любимымъ авторомъ. Впрочемъ, онъ очень счастливъ, слушается всѣхъ какъ ребенокъ, и цѣлый день сидитъ за книгой, читая или переводя своихъ классиковъ. Расинъ

взялъ къ себѣ старика, потому-что дальние родственники воспользовавшись его сумасшествіемъ, присвоили себѣ его небольшое имущество и обращались съ нимъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. У насъ его никто не трогаетъ, и онъ очень этимъ доволенъ.

МЕНАЖЪ. И вы, въ полномъ цвѣтѣ жизни и молодости, проводите жизнь вашу между несчастными: поэтомъ и помѣшавшимся ученымъ... Луиза! — Простите мнѣ еще вопросъ: Расинъ любитъ васъ?..

ЛУИЗА, *(спокойно.)* Нѣтъ, Менажъ, Расинъ не любитъ меня!

МЕНАЖЪ. Но вы... вы любите Расина?

ЛУИЗА, *(со вздохомъ.)* Нѣтъ! я — не люблю его!

МЕНАЖЪ. Дайте мнѣ руку вашу, честная, милая дѣвушка. Богъ вознаградитъ васъ за это! Помогать несчастнымъ съ такимъ самоотверженіемъ...

ЛУИЗА. Ахъ Менажъ! Если-бы на свѣтѣ не было несчастныхъ; то къ чему бы Богу и создавать женщину?

### ВЫХОДЪ III.

ЖАНЪ РАСИНЪ, *(дядя)* и МАРТА ДЮБЕЛЛЕ.

ЖАНЪ РАСИНЪ, *(ведя за руку Марту.)* Bravo!.. вивать! Победа наша! вивать!

ЛУИЗА. Боже мой! дядюшка Жанъ! вы прямо изъ театра! Ну что Расинъ, что его пьеса? — Впрочемъ, ненадобно и спрашивать. По вашему лицу видно ясно, что Федра имѣла огромный успѣхъ?

ЖАНЪ РАСИНЪ. Федра? Упала! Торжественно упала! Освистана на славу. Да здравствуетъ парижская публика! Умна она, разбойница. Спасибо ей за это! — вивать!

ЛУИЗА. Упала? Боже мой! О! это убьетъ Расина!

МЕНАЖЪ. Упала? пьеса Расина? Точно ли вы въ этомъ увѣрены, милостивый государь!

ЖАНЪ РАСИНЪ. Увѣренъ ли я? Еще бы! Я сударь не разъ бывалъ въ театрѣ, въ нашемъ Ферте-Милонъ, когда туда

пріѣзжали странствующіе комедіанты, и знаю какъ падаютъ пьесы. Здѣсь я для большей вѣрности нарочно освѣдомился, какъ узнать — хороша-ли пьеса, или дурна — и мнѣ очень ясно сказали, что если хороша, такъ хлопаютъ, а дурна — такъ свищутъ. Ну, а въ продолженіе всей Федры, когда только кто-нибудь начиналъ хлопать, то остальная публика покрывала это тотчасъ же свистками, а когда занавѣсь опустилась совсѣмъ послѣ пятого представленія, то засвистали такъ неистово, что племянница моя взвизнула отъ страха, а я зажалъ уши и въ радости побѣжалъ поскорѣе сюда — готовить все къ нашему отъѣзду.

МАРТА. Да! поведемте отсюда поскорѣе, дялюшка. Здѣсь такая скука, такая скука! особливо въ этомъ театрѣ! ужасъ!

ЛУИЗА. О! это невозможно! Это былъ заговоръ противъ моего Расина. Федра! одна изъ лучшихъ трагедій его!

ЖАНЪ РАСИНЪ. Изъ лучшихъ? Нѣтъ ужъ позвольте сказать вамъ, мамзель Луиза, что эта трагедія — просто ни на что не похожа. Я не могу сердиться теперь на моего племянника, потому что у меня есть съ нимъ кой-какое условіе; но еслибъ я зналъ, что за исторія будетъ рассказываться въ этой Федрѣ, то никакъ бы не взялъ въ театръ свою племянницу. Ну хорошо вѣдь, что она ничего рѣшительно не поняла, въ чемъ тамъ было дѣло, а вѣдь я все понялъ — совершенно все. *(понижая голосъ.)* Ну, скажите! прилично ли это? Мать влюбилась въ своего сына и проситъ, чтобы онъ на ней женился, при жизни его отца, и когда у него есть своя собственная жена! Вѣдь это рѣшительно, съ позволенія сказать — непростительная неблагопристойность. Эта Федра — что-ли, съ позволенія сказать, просто...

ЛАНСЕЛО, *(вскакивая.)* Невъжи! Спиреи! варвары! Осуждать Федру, оуждать лучшую мою трагедію, которую Расинъ съ такимъ искусствомъ перевелъ на вашъ бѣдный и невзвучный языкъ. Жалкіе Беотійцы! Они видятъ въ ней одну чувственную, матеріальную сторону и не понимаютъ высокой, психической идеи, которой она проникнута, согрѣта, оживлена. Знаете ли вы, что когда давали моего *Ипполита*, въ Афинахъ во время Мегалезійскихъ игръ, то весь городъ ворвался на сцену, и поднимъ меня на свои могучія плечи, принесть въ мой скромный домикъ, близъ Пританеума.

ЖАНЪ РАСИНЪ. Мамзель Луиза! Мамзель Луиза! Васъ слу-

шается этотъ сумасшедшій! Сдѣлайте одолженіе, уймите его! А то онъ право укуситъ меня! Увѣрю васъ, что укуситъ!..

ЛУИЗА. Зачѣмъ же вы сами говорите при немъ о трагедіяхъ. Я вѣдь прелупреждала васъ. Лансело — вамъ пора спать. Ложитесь пожалуйста! Завтра можете встать пораньше и кончить вашу пьесу!

ЛАНСЕЛО. Извольте — съ, если вамъ угодно. Мнѣ бы хотѣлось только одно... Позвольте мнѣ пожалуйста лечь съ моею книгою. Во-снѣ я часто съ нею разговариваю. Позвольте, сдѣлайте одолженіе — я буду хорошо вести себя, буду прилежно учиться.

ЛУИЗА. Ну такъ и быть — только ступайте скорѣе спать. Одинадцатый часъ!

ЛАНСЕЛО. Покорно васъ благодарю! Желаю вамъ покойной ночи. (*уходитъ.*)

ЖАНЪ РАСИНЪ, (*смѣясь.*) Хи! хи! хи! вотъ сумасшедшій-то — разговариваетъ по-ночамъ съ книгою. Придутъ же въ голову такія глупости. Однако и я съ племянницей пойду приготовляться къ отправленію въ Ферте-Милонъ.

МАРГА. Дядюшка! а дядюшка! Что же вы обѣщались мнѣ сыскать въ Парижъ мужа, а?

ЖАНЪ РАСИНЪ. Тсъ... душа моя! Эдакія вещи вслухъ не говорятся. Ужъ будь увѣрена, что дядя Жанъ придумаетъ все къ лучшему. (*уходятъ.*)

МЕНАЖЪ. Странный человекъ! мнѣ кажется, что я гдѣ-то встречалъ его.

ЛУИЗА. Можетъ быть! Онъ былъ въ Парижъ лѣтъ 10 тому назадъ, побранился съ своимъ племянникомъ и только нынче рѣшился опять сюда пріѣхать, потому-что и до его города дошла молва о славѣ и талантѣ Расина. Непонимаю однако, что значить его восторгъ, когда онъ увидѣлъ паденіе Федры... Онъ говорилъ о какомъ-то условіи.

МЕНАЖЪ. А эта молодая дѣвушка — его племянница?

ЛУИЗА. Нѣтъ! онъ только такъ называетъ ее. Она ему очень дальняя родственница, сирота, и съ малолѣтства живетъ въ его домѣ. Добрая, но не очень образованная дѣвушка. Дядюшка Расинъ, какъ вы сами слышали, привезъ ее сюда искать ей мужа. Всего три дня, какъ они въ Парижъ, но и дядя и племянницъ, кажется такъ и хочется въ свою родиную провинцію,

МЕНАЖЪ. Они правы, потому-что тамъ они будутъ совершенно на своемъ мѣстѣ, тогда какъ здѣсь...

ЛУИЗА. Вотъ и Расинъ! о! я все узнаю!

#### ВЫХОДЪ IV.

Расинъ (*блдный, разстроенный*) и Буало.

РАСИНЪ. Благодарю тебя, добрый другъ мой! ты одинъ остался поддержать бѣднаго автора, когда всѣ оставили его!

БУАЛО. Я точно также поддерживалъ и пьесу, но партія Прадона была слишкомъ сильна. Утѣшься! — истинный талантъ рано или поздно, но восторжествуетъ.

РАСИНЪ. Истинный! (*садится на софу.*)

МЕНАЖЪ. Добрый другъ мой, узнаешь ли ты меня?

РАСИНЪ. Менажъ! Жиль Менажъ! О! какъ я радъ, что увидѣлся съ тобой — но въ какое время?

МЕНАЖЪ. Въ самое лучшее, Расинъ! Талантъ на веру славы и почестей, заставляетъ насъ удивляться ему. Талантъ въ гонѣннн и несчастнн — заставляетъ насъ почитать его.

БУАЛО. Ты правъ, Менажъ — завистники только возвышаютъ генія: — я увѣренъ, что въ потомствѣ имя Прадона, станетъ на ряду съ именемъ Зоиля.

РАСИНЪ. Вы хотите всеми средствами утѣшить меня, друзья мои, увѣрить, что пьеса моя хороша — но дружба легко ослѣпляется, а публика временъ Людовика XIV-го, известна своимъ тонкимъ, эстетическимъ вкусомъ. Да, милая Луиза — ты давно смотришь мнѣ въ глаза, не вѣря извѣстнн, вѣроятно уже долетѣвшему до тебя. Отчего же тебѣ не вѣрить, когда повѣрили другн, что Расинъ плохой поэтъ, что Расинъ безталаннный писатель.

ЛУИЗА. Что мнѣ люди, Расинъ, что мнѣ ихъ сужденн и приговоры! Развѣ у меня нѣтъ своего сердца?

РАСИНЪ. Сердце — плохой судья. Оно не можетъ понимать, — оно только чувствуетъ.

БУАЛО, (*тихо Менажу.*) Расинъ теперь въ дурномъ расположеннн, Менажъ; онъ сильно пораженъ несправедливостн людей и

мы очень хорошо сълаемъ, если оставимъ его одного. Ничего не можетъ быть смѣшнѣе и неумѣстнѣе утѣшеній, когда объ нихъ не просятъ.

МЕНАЖЪ. Ты правъ!... Расинъ! Мы не хотимъ теперь спорить съ тобою и доказывать превосходство твоей пьесы. Завтра ты гораздо лучше поймешь и выслушаешь насъ. Прощай!

*(Расинъ молча подаетъ имъ руку и опять задумывается.)*

БУАЛО, *(въ дверяхъ.)* Прощайте, мамзель Луиза. Смотрите хорошенько за нашимъ чудакомъ и не давайте ему слишкомъ отчаяваться. *(уходитъ.)*

ЛУИЗА. Расинъ! Не хочешь ли ты поужинать?.. Не слышитъ! Господи! Господи! Если онъ виновенъ передъ тобою — накажи лучше ту, которая давно умѣетъ страдать и терпѣть. *(садится къ другому столу за работу, взглядывая по временамъ на Расина.)*

РАСИНЪ.

Освистанъ! опозоренъ и осмѣянъ!

И по дьяломъ. Къ чему писалъ безумецъ?

Чего ты ждалъ? Не лучше ль поэты,

Писатели, прославленные міромъ.

Великіе и строгіе умы —

Признали вмѣстѣ весь, единодушно:

Въ Расинѣ нѣтъ таланта! Самъ Корнель

Мнѣ два раза совѣтовалъ оставить

И сцену и поэзію, — а я

Не вѣрилъ никому, но ослѣпленный

Ребяческимъ и жалкимъ самолюбьемъ

И похвалами громкими друзей,

Вообразилъ, что призванъ я Творцомъ

На славный путь, на поприще поэта!

Но неужель я ошибался? Боже!

Ты посылалъ мнѣ много испытаній,

Я долженъ выбирать былъ между дружбой,

Между связями крѣпкими родства

Святаго и поэзіей — я выбралъ

Поэзію. — Любовь мнѣ предлагала

Все то, что только можетъ человѣку

Въ минуты счастья, грезиться въ раю:

Миръ радостей и небо наслажденій, —

И я любовь отвергнуль и избралъ  
 Поэзію. Я плакаль и страдалъ —  
 И былъ поэтомъ. Тяжкія гоненья  
 Я перенесъ — и былъ поэтомъ! Боже!  
 И это все ужаснымъ было сномъ,  
 Мечтами самолюбія пустаго!....

Нѣтъ! люди правы! нѣтъ! я не поэтъ!  
 И никогда имъ не былъ!... Двадцать лѣтъ  
 Я заблуждался. Цѣлыхъ двадцать лѣтъ!...  
 Но Богъ продлитъ мнѣ жизнь, и я успѣю  
 Потерянное время возвратить.  
 Я съдѣлаюсь полезнымъ человекомъ,  
 Отцемъ семейства, добрымъ гражданиномъ,  
 И службою отечеству — любовью  
 И дружбу всѣхъ благоразумныхъ  
 Людей приобрѣту! — Всему конецъ!  
 Конецъ высокимъ думамъ и мечтамъ,  
 Фантазіи неуловимымъ снамъ  
 И призракамъ неясныхъ сновидѣній!  
 Прости моя поэзія! Простите  
 Вы, древности великіе герои!  
 Другой поэтъ прославитъ васъ, и тѣни  
 Безсмертныя изъ праха воззоветь,  
 И звучныя въ уста ихъ вложитъ рѣчи!  
 Глаъ дядя Жанъ! я твой, моя отчизна!...  
 Возьмите вашу жертву! Нѣтъ поэта!  
 Овъ самъ себя убилъ! — теперь предъ вами  
 Одинъ на все готовый — человекъ!

*(Вскакиваетъ съ дивана, но ноги его дрожатъ,  
 колына шутся, онъ опять опускается въ без-  
 силіи.)*

*луиза, (подбѣгая къ нему).*

Мой Богъ! что съ нимъ! Расинъ! мой милый Жанъ!  
 Утѣшься!... успокойся!... Полно плакать!

Нестоятъ люди этихъ чистыхъ слезъ ,  
За злобу ихъ плати улыбкой гордой.

РАСИНЪ.

Луиза! я ребенокъ! я смѣшонъ!  
Не правда ли! Но, видишь, эти слезы —  
Прощаніе съ надеждами былыми,  
Съ моей прошедшей, молодою жизнью,  
Со всѣмъ, что я любилъ, во что я вѣрилъ,  
И что навѣки покидаю я!

ЛУИЗА.

Что это значитъ! Неужели ты  
Лишь отъ одной и первой неудачи,  
Могъ духъ и бодрость потерять?

РАСИНЪ.

Луиза!

Ужъ я давно обманывалъ себя,  
И этотъ день меня заставилъ только  
Рѣшительно намѣреніе привять,  
Давно уже облуманное мною.  
Луиза — съ этихъ поръ — я для театра,  
Для публики и для литературы  
Писать перестаю — и навсегда!

ЛУИЗА.

Мой Богъ! но отчего же?

РАСИНЪ.

Отчего?... (услыша, что дверь отворяется)

Кто тамъ?

## ВЫХОДЪ V.

ПРЕДВОРНЫЙ КАМЕРДИНЕРЪ (съ письмомъ).

ПРЕДВОРНЫЙ КАМЕРДИНЕРЪ.

Къ вамъ, отъ Маркизы Ментеновъ,

Письмо.

РАСИНЪ.

Ко мнѣ? но я ее незнаю,

Съ ней въ десять лѣтъ я не сказалъ ни слова.

ПРЕДВОРНЫЙ КАМЕРДИНЕРЪ.

Незнаю; но приказано отлатъ

По адресу — извольте посмотреть (отдаетъ письмо и уходитъ.)

РАСИНЪ.

Что это значитъ?... Милая Луиза!

Прочти письмо, прошу тебя.

ЛУИЗА (читая.)

О Боже!

Какая низость!

РАСИНЪ.

Что тамъ? вѣрно новый

Ударъ судьбы, враговъ моихъ насмѣшка,

Съ ихъ площадной, маркизской остротой!

Читай! читай! безъ пропусковъ, съ улыбкой —

Меня давно ничто не удивляетъ.

ЛУИЗА.

О! я прочту, чтобы ты могъ сумѣть,

Какъ велика и низость ихъ и злоба, (читаетъ.)

—

«Жану Расину, ошikanному автору безтолковой Федры!...  
Люди, уважающіе талантъ знаменитаго писателя, освѣдомляются

о его здоровьи послѣ сегодняшняго единодушнаго пріема публики, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ честь увѣдомить, что всякое новое его произведеніе будетъ встрѣчаться и провожаться точно такимъ же образомъ. Въ этомъ ручается ему въ особенности та особа, которая могла быть женою только такого шута, какъ Скаронъ.»

Безъ подписи!

РАСИНЪ.

Придворный камердинеръ

Сказалъ, что отъ Маркизы Ментенонъ;

Но я и безъ того узналъ бы это!

О люди! какъ и жалки и ничтожны

Причины вашей злобы и любви.

И могъ ли думать я, чтобы слова,

Безъ всякой цѣли сказанныя мною,

Тому назалъ лѣтъ десять — быть могли

Причиной всѣхъ страданій и несчастій,

Злой клеветы, гоненій непрерывныхъ.....

Какъ вы смѣшны мнѣ, гордая Маркиза!

ЛУИЗА.

Тутъ есть еще бумага.

РАСИНЪ.

Върно тоже

Сатира или пасквиль?

ЛУИЗА.

Нѣтъ! приказъ

Отъ церемоніймейстера двора,

Чтобы Расинъ являлся ко двору,

По приглашенью только, не иначе.

РАСИНЪ.

А это значить — никогда! Людовикъ

И ты!... Въ послѣдній разъ его я встрѣтилъ

Въ Версальской галлерей. Королю

Я ввзко поклонился, но меня  
 Не замѣчая, не хотя замѣтить,  
 Ни словомъ, ни поклономъ, ни движеньемъ,  
 Не отвѣчая, — мимо онъ прошелъ.  
 Онъ правъ, къ чему теперь ему Расинъ?  
 Въ могилъ ранней ангелъ — Генриетта,  
 А вѣрно изъ другихъ придворныхъ дамъ  
 Никто просить не станетъ, чтобъ я спасъ  
 Ихъ отъ любви Людовика!

ЛУИЗА.

Расинъ!

Мнѣ кажется теперь ты съ бѣльшей силой  
 Противъ враговъ вооружиться долженъ,  
 И доказать, что твой талантъ прекрасный  
 Въ гоненьяхъ и борьбѣ не ослабѣлъ.

РАСИНЪ.

Нѣтъ! нѣтъ, Луиза — и борьбой напрасной  
 Последнiя я силы истощу.

Похожъ ли я на прежняго Расина?

Ни прежнихъ чувствъ, ни прежнихъ мыслей нѣтъ.

Я измѣнился тѣломъ и душою,

И поздно я глаза открылъ. Луиза!

Къ чему писать! та публика, которой

Повелѣваетъ гордая Маркиза!

И не пойметъ меня и не оценитъ.

Она не знаетъ, что въ пиесъ каждой

Частичка есть души моей и жизни,

Что самъ Расинъ съ героями пиесы

Терзается и плачетъ и страдаетъ,

Что переливъ въ нихъ жаръ своей души,

Онъ съ каждымъ днемъ слабѣетъ, умираетъ.

За что же жизнь я людямъ подарю?....

Когда мой дядя изъ Ферте-Милона,

Забывши и свой гнѣвъ и обещанье,

Не видѣться со мной, сюда прїѣхалъ, —

Ты, знаешь ли какъ встрѣтилъ онъ Расина? —

Словами: другъ мой, Жанъ — ты не поэтъ!

Т. VII. Отд. I.

Тебя одни друзья твои лишь хвалятъ.  
 Ни дворъ, ни городъ — скучныя пѣсы  
 Смотрѣть не любятъ. Я, въ борьбѣ съ врагами  
 Давно уставъ и ослабѣвъ, ему  
 Далъ слово: если Федра не уластся, —  
 Ни строчки для театра не писать  
 И навсегда поэзію оставить.

ЛУИЗА.

Вотъ почему такъ радъ былъ дядя твой  
 Паденью Федры. Въ этомъ-то и было  
 Условье ваше?

РАСИНЪ.

Не совсѣмъ еще.

Любя его всѣмъ сердцемъ — я ему  
 Далъ также обѣщаніе: вполне  
 Хорошимъ гражданиномъ быть — и даже  
 Жениться!

ЛУИЗА.

Какъ! жениться? Ты.... Расинъ!

Ты женишься?

РАСИНЪ.

Объ этомъ я съ тобою  
 Поговорить хотѣлъ, моя Луиза,  
 И попросить совѣта твоего.  
 Безъ твоего согласья не рѣшуся  
 Жениться я!

ЛУИЗА.

Мой Богъ, что это значитъ!...  
 О говори! Расинъ мой, объясни!...

РАСИНЪ.

Сядь здѣсь, Луиза! выслушай меня,  
 И дай совѣтъ мнѣ, Я привыкъ съ тобою

И мыслями и чувствами дѣлиться.  
Тебѣ я всѣмъ обязанъ!

ЛУИЗА, (садясь.)

(О, мой Богъ!

Дай силы мнѣ!)

РАСИВЪ.

Мой дядя не безъ цѣли  
Сюда пріѣхалъ съ родственницей дальней,  
Съ хорошенькою Мартой Дюбелле.  
Онъ къ ней привязанъ, ей хотѣлъ мой дядя  
Огромное наследство завѣщать,  
Но и меня его лишитъ нехочетъ;  
Оно ко мнѣ по праву переходитъ  
И потому—то мнѣ онъ предлагаетъ  
На ней жениться. (Луиза вскрикиваетъ и закрываетъ ли-  
це руками. Расивъ не замѣчаетъ этого)

Бракомъ этимъ я

Сиротки былой будущность упрочу,  
И благодарность дядѣ докажу.  
Я думалъ долго: — я одинъ на свѣтъ,  
Когданибудь ты также выдешь замужъ.  
Никто меня нелюбятъ здѣсь. (Луиза рыдаетъ) Оставя  
Театръ — я долженъ буду чѣмънибудь  
Другимъ заняться, а тоска и скука —  
Убьютъ меня; тогда какъ къ жизни могутъ  
Обязанности новыя отца  
Семейства привязать меня! Скажи же,  
Что долженъ дѣлать я?

ЛУИЗА, (отирая слезы, спокойно)

Женись, Расивъ!

Твой дядя правъ — одна женитьба можетъ  
Тебя развлечь отъ скуки и тоски,  
И возвратитъ тебѣ покой и счастье.  
Я одного боюсь: что если Марта  
Твоей души высвѣдой не пойметъ,

И чувствъ твоихъ прекрасныхъ не оценитъ,  
 Что если съ ней несчастливъ будешь ты?

РАСИНЪ.

Она добра, она Расина любитъ;  
 Ей дядя въ нашемъ бѣдномъ городкѣ  
 Блестящаго образованья недалъ;  
 Но съ ней я самъ займуся, образу  
 Ея и умъ и сердце, и она  
 И дочерью мнѣ будетъ и женою.

ЛУИЗА.

Расинъ! дай Богъ, чтобъ нешибся ты!  
 И если бѣдной грѣшницы молитвы  
 Дойдутъ до неба — вѣрь! ты будешь счастливъ!  
 Я объ одномъ прошу тебя, молю: —  
 Позволь съ тобой остаться мнѣ — и быть  
 По прежнему — хоть ключницей твоею!...

РАСИНЪ.

Луиза — я не смѣлъ тебя просить!...  
 О! будь сестрою нашею — тебя  
 Всегда любилъ я какъ сестру!...

ЛУИЗА, (рыдая.)

Мой братъ!

Благодарю тебя! благодарю!  
 Теперь! позволь уйти мнѣ.... Я — ты видишь  
 Разстроена, больна!... Будь только счастливъ  
 И я найду въ себѣ довольно силъ  
 Перенести страданіе.... Расинъ!...  
 Пусть Богъ тебя проститъ, какъ я прощаю! (убѣгаетъ).

РАСИНЪ.

Мнѣ кажется, рѣшеніемъ моимъ  
 Она не такъ довольна! Быть не можетъ!

Она ко мнѣ привязана — и счастью

Расина также рада быть должна.

—

## ВЫХОДЪ VI.

Жанъ Расинъ, Марта, потомъ Луиза.

жанъ расинъ. Ну что! любезный Жанъ. Обдумалъ ли ты хорошенько мои предложенія? Увѣренъ ли ты въ справедливости словъ моихъ?

расинъ. Да! дядюшка! Вы были правы. Я ошибался въ моемъ призваніи. Я не былъ рожденъ поэтомъ.

жанъ расинъ. Вотъ то-же! Повѣрилъ бы ты сначала старику, который звалъ тебя съ самаго дѣтства, такъ не имѣлъ бы удовольствія слышать, какъ тебя осмиваютъ на парижскихъ театрахъ. Я тебѣ тысячу разъ твердилъ, что изъ тебя рѣшительно ничего не выдетъ — и видишь — совершенно правъ. Охъ вы, молодые люди! Еслибы вы слушались насъ стариковъ, да не считали себя умнѣе насъ — такъ дѣла-то бы всѣ шли гораздо лучше. — Ну, такъ ты перестанешь писать стихи?

расинъ. Да!

жанъ расинъ. И рѣшаешься сдѣлаться наконецъ порядочнымъ человекомъ?

расинъ. Да.

жанъ расинъ. И соглашаешься жениться на моей милой племянницѣ?

расинъ. Отъ всего сердца, если она только не откажетъ мнѣ въ рукъ своей.

марта. Какъ, дядюшка? такъ это вы моего брата прочили мнѣ въ мужа?

жанъ расинъ. Ну да, дурочка, развѣ онъ тебѣ не правится?

расинъ. Милая Марта! — Откровенность первое условіе, чтобы быть счастливыми. Скажите мнѣ просто, хотители вы быть моею женою?

МАРТА, *(присѣдая)*. Какъ булегъ угодно дядюшкѣ!  
 ЖАНЪ РАСИНЪ. Ты знаешь, плутовка, что ему это давно было угодно. Полно краснѣть, и дай свою хорошенькую ручку моему милому Жану! *(Марта нехотя подаетъ руку Жану, онъ цалуеетъ ее. Она присѣдаетъ)*.

МАРТА, *(тихо дядь)*. Дядюшка! а вѣдь-я-было думала, что на мнѣ женился совсѣмъ не братецъ Жанъ.

ЖАНЪ РАСИНЪ, *(ей тихо)*. Тсъ, дура, *(громко)*. Дѣти мои!... я плачу отъ радости! Примите благословеніе вашего втораго отца. Жанъ, благодарю тебя! ты исполнилъ желаніе всей моей жизни! — Въ тебѣ течетъ истинная, благородная кровь Расиновъ! Вы будете счастливы, дѣти мои. *(Кладетъ имъ руки на голову. Въ это время Луиза выходитъ изъ своей комнаты въ дорожномъ платьѣ, съ узелкомъ въ рукахъ. Увидя эту группу, она останавливается въ дверяхъ, дрожа и блѣднѣя)*.

РАСИНЪ. Дядюшка! я вамъ буду обязанъ истиннымъ счастьемъ!

ЛУИЗА, *(въ дверяхъ)*. Нѣтъ! я не въ силахъ буду видѣть — этого счастья! Расинъ!... Расинъ!... Дай Богъ, чтобъ я не нужна была тебѣ въ этой жизни! *(Убѣгаетъ. Дядя Жанъ поднимаетъ руки къ небу, Расинъ растроганъ, Марта спокойно смотритъ ему въ глаза)*.

*(Занавѣсъ падаетъ)*.

**КАРТИНА V.**

**ПЕРВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ГОСОЛН.**

1699.

**ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.**

Расинъ, 60-ти лѣтъ.

Марта, жена его, 44-хъ лѣтъ.

Луиза Дюпаркъ, 47-ми лѣтъ.

Клодъ Лансело, 82-хъ лѣтъ.

Маркиза Ментенонъ.

Баронъ де Нанжи, 60 лѣтъ.

Марія Шанмеле, 48 лѣтъ.

Жанъ Бенинь Боссюэтъ. } безъ рѣчей.

Валло, первый докторъ }

Комната Расина, четвертой картины, но мебель гораздо бѣднѣе. За столомъ по прежнему сидитъ Лансело, безъ парика и кафтана. На диванѣ сидитъ Расинъ. Онъ очень слабъ и блѣденъ. У дивана Луиза читаетъ исторію Генриетты Англійской.

## ВЫХОДЪ I.

Расинъ, Луиза, Лансело.

Луиза! (читая). Это были послѣднія слова ея. Чистая душа Генриетты Англійской покинула свою земную оболочку и вознеслась къ престолу Вседержителя. — (Закрываетъ книгу).

РАСИНЪ.

Конецъ! благодарю тебя, Луиза!  
Исторія написана недурно,  
Хотя мѣстами слабо и неполно.  
Мы за нее должны благодарить  
Графиню Лафайеттъ — всежь это лучше.  
Принцессы Клевской и Заиды. Впрочемъ,  
Жизнь ангела, принцессы — Генриетты  
И невозможно дурно написать.  
Предметъ великій — требуетъ неволью  
Высокихъ чувствъ и звучныхъ выраженій,  
Самъ для себя онъ краски полагать.

ЛУИЗА.

Расинъ! Скажи мнѣ, ты любилъ принцессу?

РАСИНЪ.

Нѣтъ, я молился только ей, Луиза.  
 Мнѣ кажется, что въ цѣлой жизни можно  
 Одну любить, а въ это время, я  
 Любилъ одну Марію, какъ всегда.

ЛУИЗА.

Скажи! ее ты любишь и теперь?

РАСИНЪ.

И да, и нѣтъ! Ты видишь ли, Луиза:  
 Въ душѣ моей хранится чистый образъ  
 Маріи непорочной и прекрасной,  
 И до-сихъ-поръ люблю я этотъ образъ;  
 Но женщину, которую зовутъ  
 Маріей Шаммеле — безъ содроганья —  
 Не могъ бы я увидѣть.

ЛУИЗА.

Ты объ ней

Не получалъ извѣстия?

РАСИНЪ.

Никакого!

Никто не знаетъ, гдѣ она. Быть можетъ  
 И умерла. Пусть Богъ ее проститъ  
 За зло, Расину сдѣланное, Боже!  
 За что ты мнѣ послалъ такую участь?  
 За чѣмъ никто Расина не любилъ  
 Въ теченіи его печальной жизни?....  
 Въ груди его тайлся чудный кладъ  
 Высокихъ чувствъ, любви и пылкой страсти,  
 Онъ могъ бы сдѣлать счастливымъ — создание,  
 Которое съ доврчивой улыбкой  
 Призналось бы ему въ своей любви.  
 И раздѣляя съ нимъ все бремя жизни,

Смѣясь надъ безсильной злобой міра,  
 Онъ горе и несчастье перенесъ бы,  
 Не ослабѣвъ ни тѣломъ ни душой!  
 Такого счастья поларить Расину  
 Не захотѣлъ Творецъ! Да будетъ воля  
 Твоя святая. Я роптать не смѣю!

ЛУИЗА.

Расинъ! не обвиняй Творца напрасно!  
 Быть можетъ самъ ты въ этомъ виноватъ!  
 Когдабъ ты захотѣлъ....

РАСИНЪ.

Но я Творца  
 Не обвиняю, добраа Луиза!  
 И такъ Онъ много сдѣлалъ для меня!  
 Я счастья не звалъ любви взаимной,  
 За то онъ далъ узнать мнѣ сладость дружбы,  
 Ужъ сколько лѣтъ со мной моя Луиза  
 Не растается. Только разъ....

ЛУИЗА,

Расинъ!

Къ чему о томъ, что было — вспоминать?  
 Когда женился ты — тебѣ была  
 Я не нужна: ты счастливъ былъ; когда же  
 Ты послѣ смерти дяди возвратился  
 Опять въ Парижъ съ женою — я сама  
 Явилася къ Расину — и просила  
 Съ нимъ горе раздѣлять, за тѣмъ, что онъ  
 Несчастливъ былъ.

РАСИНЪ.

Луиза!

ЛУИЗА.

Да, Расинъ.

Ты былъ несчастливъ — это я узнала

При первомъ взглядѣ на тебя, — я это  
 Прелчувствовала. Марта не могла  
 Тебя понять. Она въ тебѣ лишь мужа,  
 А не Расина видѣла... Съ тѣхъ поръ,  
 Когда по просьбѣ гордой Меатенонъ,  
 Двѣнадцать лѣтъ ни строчки не писавши,  
 Ты для ея воспитавницъ Сень-Сирскихъ  
 Эсэиръ поставилъ на театрѣ, она,  
 Жена твоя, еще капризвѣй стала,  
 И больше мучить бѣднаго Расина.

РАСИНЪ.

Луиза! ты права! когдабъ не ты,  
 Расинъ не перенесъ бы этой жизни.  
 Меня немножко также ободрилъ  
 Успѣхъ моей Эсэири — и теперь,  
 Когда я отдалъ имъ — мое дитя  
 Любимое, — Гоеолю мою,  
 Которой я горжуся, — если будетъ  
 Она имѣть успѣхъ, когда поймутъ  
 Ее Парижъ и дворъ — Расинъ опять  
 Забудетъ всѣ несчастья, огорченья,  
 И вновь поэтъ воскреснетъ прежній въ немъ.

ЛАСЕЛО (за столомъ).

Дитя! дитя! Поэтовъ нѣтъ давно!  
 Поэты всѣ погибли, не воскреснуть!  
 Съ Элладою поэзія исчезла!  
 Лишь Эллина науку знали — съ міромъ  
 Бесѣдовать на языкѣ боговъ;  
 Имъ былъ открытъ божественный тайникъ  
 Поэзія высокой и глубокой!....  
 Вы только повторяете за ними,  
 Давно ужъ ими сказанныя мысли,  
 Не понимая часто ихъ значенья.  
 Поэты ваши славны, знамениты —  
 Пока живутъ. — А я, взгляни! давно!  
 Истлѣлъ мой трущъ въ гробницѣ безвѣстной,

Въ холодной Македоніи, а имя  
 Великаго поэта Эврипида —  
 Извѣстно всѣмъ народамъ и въкамъ,  
 И всѣ вѣка стихи его читаютъ...  
 И до-сихъ-поръ дивятся всѣ ему.

## ВЫХОДЪ II.

МАРТА.

МАРТА. Ну, такъ и есть! я была въ этомъ увѣрена. у васъ  
 кажется только и занятія, господинъ Расинъ, что разговаривать  
 съ мамзель Лувзою, да слушать бредни сумасшедшаго.

ЛАНСЕЛО. Боже мой! отчего это воскресла Мегера? И ско-  
 ро ли Персей опять насъ отъ нее избавить?

МАРТА. Что вы такое тамъ рассказываете? Мегера! Вы, ка-  
 жется, назвали меня Мегерой. Вѣдь я знаю, что это значить,  
 Мегера тоже, что по нашему — фуриі!... И вы позволяете, госпо-  
 динъ Расинъ, называть фурией свою законную жену?

РАСИНЪ. Другъ мой, развѣ можно сердиться на бѣднаго сума-  
 сшедшаго?

МАРТА. Да онъ сумасшедшій, когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ  
 чѣмъ нибудь заняться, но вѣсть и браниться онъ умѣетъ лучше  
 всякаго здороваго человека!

РАСИНЪ. Марта!

МАРТА. Да что въ самомъ дѣлѣ, господинъ Расинъ! — надобно-  
 же этому когда нибудь положить конецъ? Скоро ли вы отправи-  
 те въ богадельню этого нищаго?

РАСИНЪ. Я скорѣе самъ пойду въ нее, чѣмъ допущу до это-  
 го моего добраго Лансело. Вы нынче что-то не въ ду-  
 хѣ, госпожа Марта. Что съ вами сдѣлалось? Вы принимаете та-  
 кой тонъ?...

МАРТА. Вы находите страннымъ мой тонъ? Вамъ разумеется  
 было бы гораздо пріятнѣе, если бы жена ваша все время молча-  
 ла и смотрѣла сквозь пальцы на всѣ ваши штуки, но мнѣ, сла-

ва Богу, не на то даны глаза, уши и языкъ, чтобы все видѣть, слышать — и не говорить ни слова.

ЛУИЗА. Но что же вы слышите и видите, госпожа Марта?

МАРТА. Слышу я, что меня здѣсь на каждомъ шагѣ все бранятъ и оуждаютъ, вижу, что господинъ Расинъ ни на минуту не растается съ мамзель Луизою и не хочетъ смотреть на свою законную жену.

РАСИНЪ. Марта! это ужъ слишкомъ!

ЛУИЗА. Расинъ! ты знаешь, что я привыкла къ оскорбленіямъ.

МАРТА. О! это совершенно справедливо! — я всякій день дѣлаю очень нетонкіе намеки мамзель Луизѣ, что присутствие ее здѣсь совершенно лишнее — и она всякій разъ отвѣчаетъ мнѣ на это очень милой улыбкой. Истинно — ангельская добродѣтель!

РАСИНЪ. И вы позволяли себѣ это!... И ты Луиза!... ни одного слова, ни одной жалобы!

МАРТА. Скажите! она вамъ и не жаловалась на меня, на хозяйку этого дома, не просила, чтобы вы меня прогнали отсюда. Истинно христіанскія чувства!

РАСИНЪ. Марта! (*Лансело молча вскакиваетъ со стула, схватываетъ подъ мышку свои бумаги и уходитъ въ другую комнату*).

МАРТА. А! господинъ сумасшедшій убрался отсюда, и прекрасно сдѣлалъ; хорошо, если бы и другія догадались сдѣлать тоже самое.

РАСИНЪ. Марта! вы выводите меня изъ терпѣнія. Я ужъ сказалъ вамъ, что если вы здѣсь чѣмъ-нибудь недовольны, то можете тотчасъ же отправиться въ вашъ Ферте-Милонъ. Я не стану васъ удерживать.

МАРТА. Я увѣрена, что вы будете этому очень рады. Но какъ покажусь я въ этомъ городѣ, моимъ сосылкамъ, нищая и заплаканная, выгнанная изъ дома моего мужа — его любовницей!...

РАСИНЪ. Марта! еще одно слово!... (*вскакиваетъ съ дивана, но опять въ изнеможениі на него падаетъ*). О! вы когда-нибудь убьете меня!...

ЛУИЗА. Боже мой! Расинъ! что съ нимъ?... (*бросается къ нему. Марта посрединѣ*).

## ВЫХОДЪ III.

МАРКИЗА МЕНТЕНОНЪ и Баронъ де Нанжи.

МЕНТЕНОНЪ, *(на порогахъ)*. Что это? Какая сцена! Стало-быть меня не обманули, уверяя, что знаменитый Расинъ разыгрываетъ часто съ своей супругой цѣлыя сцены изъ своихъ трагедій.

НАНЖИ. Я имѣлъ уже счастье докладывать объ этомъ вашему величеству.

МЕНТЕНОНЪ. Баронъ! Я прошу васъ называть меня не иначе, какъ Маркизою въ присутствіи этихъ людей. *(Нанжи почти-тельно кланяется)*.

РАСИНЪ, *(вставая)*. Что я вижу! Какая честь! Чему обязанъ я счастьемъ видѣть здѣсь Маркизу Ментенонъ?

ЛУИЗА. Маркизу Ментенонъ!

МАРТА. Очень любопытно знать, что угодно здѣсь госпожѣ Маркизѣ?

МЕНТЕНОНЪ. Я явилась, милая моя, говорить съ господиномъ Расинемъ, а не съ его кухаркою, и потому, ты хорошо слѣла-ешь, если васъ оставишь.

МАРТА. Съ кухаркою! И вы хладнокровно переносите это новое оскорбленіе! И вы позволяете обижать подобнымъ образомъ свою законную жену?

МЕНТЕНОНЪ. Ахъ! это ваша жена, извините — я никакъ не могла подумать этого. Я приняла за жену вашу — эту женщину, *(показываетъ на Луизу)*.

РАСИНЪ, *(съ нетерпѣніемъ)*. Маркиза! могу ли я наконецъ узнать причину вашего посѣщенія.

МЕНТЕНОНЪ. Я уже сказала вамъ, что весь этотъ народъ здѣсь лишній. Я не привыкла объясняться на рынкѣ.

РАСИНЪ, *(скрывая свою досаду)*. Марта! Луиза! Оставьте васъ.

МАРТА, *(уходя)*. Народъ!... рынокъ!... Съ какимъ бы удовольствіемъ я выцарапала глаза этой Маркизѣ *(уходитъ съ Луизой)*.

РАСИНЪ.

Теперь, Маркиза! мы одни!

МЕНТЕНОНЪ.

Баронъ!  
Подайте стулъ мнѣ!

БАРОНЪ ДЕ НАВЖИ, (подаетъ ей стулъ,  
сметая пыль съ него перьями своей шляпы).  
Это самый лучший! (Маркиза садится; онъ  
становится за стуломъ).

МЕНТЕНОНЪ.

Я изъ Сентъ-Сира, послѣ окончанья  
Гоюоли.

РАСИНЪ.

Такъ рано!

МЕНТЕНОНЪ.

Огъ піесы

Успѣха я совсѣмъ не ожидала,  
И потому велѣла разыграть  
Ее безъ декорацій и костюмовъ —  
Въ одной изъ залъ....

РАСИНЪ.

И чтожъ моя піеса,

Маркиза?

МЕНТЕНОНЪ.

Цѣлый дворъ смотрѣть собрался,  
По приглашенью моему, піесу  
Безсмертнаго, великаго Расина,  
И самъ его величество — Людовикъ  
Четырнадцатый, насъ почтилъ своимъ  
Присутствіемъ....

РАСИНЪ.

И чтожъ моя піеса?

МЕНТЕНОНЪ.

Просили вы объ ней извѣстье дать —  
И я сама вамъ привезла его.  
Съ Гоголіей случилось то, что я  
Предвидѣла. Повѣрьте — ни одна  
Комедія Мольера — никогда  
Такого оглушительнаго смѣха  
Не возбуждала въ зрителяхъ....

РАСИНЪ, (пораженный).

Маркиза!

МЕНТЕНОНЪ.

Едва могли дождаться мы конца,  
И самъ его величество, зывая  
И вмѣстѣ съ тѣмъ смѣясь, положилъ,  
Чтобы впередъ, когда на вечерахъ  
Семейныхъ и въ домашнихъ нашихъ играхъ,  
Окажется виновнымъ кто-нибудь,  
Иль проиграетъ — тотчасъ вмѣсто штрафа  
Заставить въ наказаніе его —  
Прочсть, иль наизусть сказать, стиховъ  
Пятнадцать изъ Гоголин — и больше  
По степени его вины!

РАСИНЪ.

Мой Богъ!

Я этого неждалъ!

МЕНТЕНОНЪ.

А я ждала!

Скажу вамъ откровенно: съ этой цѣлью  
Я васъ просила написать піесу  
Для молодыхъ воспитанницъ Сень-Сира.  
Двѣнадцать лѣтъ не видя ни одной  
Трагедіи Расина на театрѣ,  
Людовикъ все еще въ его талантѣ

Увѣренъ былъ — я доказать взялась  
Противное. — Эсфиръ успѣхъ имѣла  
По новости, по пышной обстановкѣ,  
Но я не унывая, приняла  
Всѣ мѣры — и достигла до того,  
Что синонимомъ взора и прѣмьромъ  
Галиматы — Говолія къ потомству  
Навѣрно перейдетъ.

БАРОНЪ ДЕ НАНЖИ.

О! непременно!

Всѣ люди, обладающіе вкусомъ....

МЕНТЕНОНЪ, (сухо).

Баронъ! Я васъ не спрашивала! (Нанжи низко кланяется).

РАСНЪ.

Что же

Еще угодно вамъ? Или вы только  
Явились за тѣмъ, чтобъ принести  
Пріятное извѣстье?

МЕНТЕНОНЪ.

Не совсѣмъ!

Я предложеніе сдѣлать вамъ хочу  
Другое, очень важное... (встаетъ. Нанжи отъходитъ стулъ  
къ дверямъ, и по знаку ея, остается у нихъ  
съ почтительными поклонами).

Раснъ!

Вы видѣли, что сдѣлать я могла,  
И какъ за оскорбленіе плачу.  
Теперь отъ васъ зависѣть будетъ снова

Приобрѣсти мое благоволенье.

Переменялись времена. И та,

Которая женой могла быть только

Шута Скаррона, съ тѣмъ соединилась,

Передъ кѣмъ главу съ покорностью склоняетъ

Т. VII. Отд. I.

Вся Франція и цѣлая Европа.  
 И несмотря на мой высокій санъ,  
 Я предлагаю первая Расину  
 И миръ и покровительство мое.  
 Мнѣ нуженъ человекъ съ талантомъ — въ васъ —  
 Я сознаюсь — онъ есть, — хотя при всѣхъ  
 Не соглашуся съ этимъ никогда.  
 И этотъ человекъ своимъ талантомъ,  
 Своимъ перомъ служить мнѣ долженъ, вѣрно  
 И слѣпо исполняя приказанья,  
 Какъ странны вы казались бы они.  
 Онъ долженъ все писать, что не прикажутъ.  
 Есть люди, — прямо дѣйствовать на нихъ  
 Нельзя, а въ баснѣ, драмѣ или сатирѣ,  
 О многомъ можно высказать слегка,  
 Намеками.....

## РАСИНЪ.

Довольно! я васъ понялъ,  
 Маркиза! И въ Расинъ вы хотѣли  
 Продажнаго писателя найти,  
 Который на враговъ Маркизы тайно  
 Ядъ клеветы и злости расточалъ бы!...  
 Вы думали, что онъ убитый горемъ,  
 Униженный судьбою и людьми,  
 За плату, за спокойствіе рѣшится  
 Продать и свой талантъ и совѣсть вамъ, —  
 Ошиблиса Маркиза! При дворѣ,  
 Межъ вашими поэтами ищите  
 Клеветниковъ наемныхъ. У Расина  
 На пасквиль не подыметса рука!

## МЕНТЕНОНЪ.

Вы рыцарь по душѣ, по чувствамъ сердца!  
 Но если этотъ сказочный герой,  
 Сойдетъ до срока въ раннюю могилу,  
 То пусть онъ помнитъ, что въ могилу эту  
 Его свела Маркиза Ментенонъ! — *(уходитъ быстро,  
 Нанюси за нею).*

РАСИНЪ.

Мой Богъ! о! до какого униженья  
 Я дожилъ! Мнѣ, Расину, смѣютъ дѣлать  
 Такія предложенія!.. Когда же  
 Наполнится моихъ страданій чаша?  
 Прости моя послѣдняя надежда —  
 Прекрасная Гоеолія моя!  
 Я и въ тебѣ былъ долженъ ошибиться!...  
 О Господи! Ужели нѣтъ въ Расинѣ  
 Ни искры дара чуднаго, таланта  
 Высокаго, за что же на меня  
 Такое ослѣпленье ты послалъ! —

## В Ы Х О Д Ъ IV.

МАРІЯ ШАНМЕЛЕ, въ монашескомъ платьѣ.

ШАНМЕЛЕ.

Миръ дому грѣшныхъ братій!

РАСИНЪ, (вздрагивая и схватываясь за сердце.)

Боже правый!

Чей этотъ голосъ? (вскакиваетъ съ дивана и увидя Марію,  
 съ крикомъ бросается въ сторону.)

МАРІЯ.

Онъ! Расинъ!... Творецъ!

Благодарю!

—РАСИНЪ.

О! это слишкомъ много!

Больное сердце можетъ разорваться,  
 Не вынести ему такихъ страданій!

Еще ударъ! Творецъ!... и безъ того  
 Я умираю — для чегоже адъ  
 Еще ужасный призракъ посылаетъ  
 Терзать Расина?... (падаетъ на диванъ.)

МАРІА (бросаясь къ нему, падаетъ на  
 колѣни передъ диваномъ.)

Сжался! некланн  
 Насчастную Марію! — Дай спокойно  
 Ей умереть!.. Безъ твоего прощенья  
 Она не можетъ въ теплую могилу  
 Сойти, на судъ не смѣетъ появиться!  
 Расинъ! помилуй!

РАСИНЪ.

И не призракъ это!  
 Маріа! только сердцемъ могъ тебя  
 Узнать Расинъ! Но ты ли, ты ли это?..

МАРІА.

Нѣтъ! предъ тобой не прежняя Маріа,  
 А бѣдная преступница. Она  
 Пришла у ногъ ея несчастной жертвы  
 Или умереть — или вымолить прощенье!

РАСИНЪ.

О! отъ чего меня ты не любила?..

МАРІА.

Нѣтъ! я тебя любила, мой Расинъ,  
 И оттого была несчастный вдвое!...  
 Меня мое кокетство погубило.  
 Въ тотъ страшный часъ, когда въ саду Версальскомъ  
 Лозену призывалась я въ любви,  
 Ты слушалъ насъ въ кустахъ — и я призванье  
 Произнесла, чтобы тебя помучить.

РАСИНЪ.

Мой Богъ! и это правда!

МАРІЯ.

Передъ смертью

Не лгутъ, Расинъ — а я сюда пришла  
 Полуживая: страшная бользнь  
 Давно терзаетъ эту грудь. Одно  
 Неосторожно сказанное слово,  
 Причиной было гибели моей.  
 Лозень похитилъ силою меня...  
 И я — упавши глубоко, въ разлукъ  
 Съ тобою — повяла, что для меня  
 Ты былъ дороже всѣхъ вельможъ и принцовъ,  
 Что одного тебя любила я.

РАСИНЪ.

Но для чего тогда ты не вернулась  
 На грудь мою! Тебя Расинъ простилъ — бы.

МАРІЯ.

О! никогда! Изъ гибельныхъ объятій  
 Порочной нѣги вырвавшись, спокойно  
 Упасть на грудь высокую твою,  
 Устами оскверненными горячимъ,  
 Преступнымъ поцѣлуемъ, — вновь прижаться  
 Къ твоимъ устамъ и чистымъ и прекраснымъ!...  
 Расинъ — вѣдь это былобъ святотатствомъ!  
 Вѣдь я была преступна мой Расинъ,  
 Но не была порочна.

РАСИНЪ.

Горелъ горелъ!

И я бы могъ быть счастливъ!

МАРІЯ.

Съ той поры

Цѣною жизни горя и страданій  
 Я искупила грѣшный мой проступокъ,  
 Сама себя карая, и страдая

Гораздо больше бѣднаго Расина.  
 Любовь моя быть можетъ не сильнѣе  
 Была его любви; но онъ меня  
 Любилъ безгрѣшный, чистый, а Марія  
 Была преступна!...

РАСИНЪ.

Боже! Дай мнѣ силы  
 И я бы могъ быть счастливъ!

МАРТА.

За тобой  
 Слѣдила я невидимо, Расинъ!  
 Всю жизнь твою я знала, я съ тобою  
 Терзалася, и на меня твои  
 Страданья также падали, и я  
 Страдала вдвое!

РАСИНЪ.

Помоги Творецъ!  
 И я бы могъ быть счастливъ!

МАРТА.

Сколько разъ  
 Хотѣла я открыться, раздѣлить  
 Твои несчастья, быть твоей служанкой,  
 И омыватъ горячими слезами  
 Страдальца ноги на пути тернистомъ,  
 Истерзанные иглами вражды!  
 Но Богъ не попустилъ, чтобы къ тебѣ  
 Погибшее сознанье прикоснулось,  
 Онъ Ангела въ пути твоёмъ послалъ!...  
 И послѣ многихъ тяжкихъ, скорбныхъ лѣтъ  
 Я въ первый разъ въ то время, какъ ребенокъ,  
 Отрадными слезами залилась.

РАСИНЪ.

Что это значитъ?

МАРТА.

Какъ тебя любила

Луиза, этотъ ангелъ! Сколько жертвъ

Расину принесла она — и сколько

Несчастій отвратила отъ него!

Любовь ея была свята, безгрѣшна;

Но всежъ была любовь — и я, Расинъ,

Страдала вдвое.

РАСИНЪ.

Боже! Ослѣпленье

Зачто послалъ ты на меня? я могъ бы

Опять быть счастливъ!

МАРТА.

Какъ, и ты не зналъ,

Не видѣлъ ты любви ея?... Мой Богъ!

Но ябъ тебѣ любовь ея открыла!...

Я думала, что ты ее нелюбишь,

И потому женился на другой!

РАСИНЪ.

Нѣтъ!... Это слишкомъ, слишкомъ много. Этотъ

Ударъ убьетъ меня! *(надаетъ безъ чувствъ.)*МАРТА, *(съ крикомъ.)*

Расинъ! о Боже!

Спасите! помогите! *(бросается въ двери на-лѣво.)*

ВЫХОДЪ V.

ЛУИЗА И ЛАНСЕЛО, *(выбѣгаютъ изъ дверей.)*

ЛУИЗА.

Что такое?

Расинъ! Мой Богъ! безъ чувствъ онъ!... Марта! Боже!

Она ушла! скорѣе, Лансело!  
За докторомъ бѣги! и даже *(говоритъ ему на ухо.)*

ЛАНСЕЛО.

Да!

Я понимаю! я бѣгу! *(уходитъ.)*

ЛУИЗА.

Марія!

Ты здѣсь?

МАРІЯ.

Луиза! видитъ Богъ! въ твоемъ  
Несчастьи я невинна!

ЛУИЗА.

Что съ тобою?

Что говоришь ты? Онъ открылъ глаза,  
Онъ дышетъ!

РАСИНЪ, *(слабымъ голосомъ.)*

Гдѣ я! Что со мной? Луиза!  
Луиза! о! меня ты любишь!

ЛУИЗА, *(падаетъ на колѣни.)*

Боже!

Благодарю! онъ наконецъ узналъ!  
За этотъ мигъ — моихъ страданій мало!

РАСИНЪ.

О! для чего тебя я разгадалъ  
Такъ поздно! да, теперь мнѣ ясно все!  
И умереть въ такое время!

ЛУИЗА.

Боже!

Какая мысль!... ты будешь жить Расинъ,  
Жить долго.

РАСИНЪ.

Нѣтъ! я чувствую въ груди  
Боль тяжкую! Марія! подойди!  
Дай руку — пусть простить тебя Господь,  
Какъ я прощаю! будущую жизнь  
Ты искупи прошедшее твое!

МАРІЯ.

Расинъ, когда сюда явилась я,  
Мнѣ оставалось жить не больше часу,  
Я безъ того съ тобой бы невидалась,  
Теперь умру спокойно я!

РАСИНЪ,

Марія!

Луиза! въ жизни Богъ мнѣ не далъ счастья,  
Быть-можетъ тамъ, — за здѣшнія страданья  
Меня Онъ наградитъ. Двѣ сильныхъ страсти  
Свели Расина въ равную могилу:  
Любовь моя къ Маріи Шавмеле  
И ненависть Маркизы Ментенонъ....  
Молитесь о грѣшникѣ Расинъ!

## ВЫХОДЪ VI.

ЛАНСЕЛО, ПОТОМЪ ВАЛЛО И БОССЮЭТЬ.

ЛАНСЕЛО.

Идутъ! идутъ! я въ двухъ шагахъ отсюда  
Нечаянно ихъ встрѣтилъ: — одного  
Т. VII. Отд. I.

Я знаю, то Валло, придворный докторъ, —  
 Другой въ еврейскомъ, жреческомъ костюмъ!...  
 Идутъ! идутъ!

РАСИНЪ.

Мой добрый Лансело!  
 Дай руку мнѣ въ послѣдній разъ! прощай!

ЛАНСЕЛО.

Куда ты, Жанъ?

РАСИНЪ.

Въ далекое жилище,  
 Въ гробъ тѣсный! на широкое кладбище!

ЛАНСЕЛО.

Ты умирать собираешься, Расинъ!...

А я-то что же, развѣ я одинъ.

Могу остаться?

РАСИНЪ.

Въ этотъ часъ ужасный,

Ужель умру съ печальной мыслью я,

Что протекла безплодно и напрасно

Для міра, для искусства жизньъ моя?

Напрасноль я погибъ въ борьбѣ со свѣтомъ,

Ужели не былъ я рожденъ поэтомъ?....

ЛАНСЕЛО.

Нѣтъ! нѣтъ! Расинъ — не вѣрь ты людямъ — нѣтъ!

Ты былъ поэтъ — ты истинный поэтъ!

Придетъ пора! стихи твои — потомки

міръ весь — будутъ съ радостью читать,

И всѣ вѣка, тебѣ дивясь громко,

Расина имя будутъ прославлять.

Тебя спасетъ стиховъ твоихъ эгида!

Ты Эврипидъ! ты выше Эврипида!  
Вѣрь — вдалѣ вѣковъ прозрѣлъ теперь старикъ:  
Ты былъ великъ и будешь вѣкъ великъ!

РАСИНА.

Благодарю!... я вѣрю! — Боже правый,  
Тяжка была жизнь грустная моя,  
Я не рошшу... ко мнѣ мои друзья!...

Луиза!... Клодъ!... Марія... небо!... слава! (умираетъ.)

*(Марія съ громкимъ крикомъ падаетъ безъ чувствъ. Лансело стоитъ, какъ пораженный громомъ. Валло сбѣгаетъ въ комнату и бросается къ трупу. На порогъ показывается Боссюэтъ.)*

луиза. Отецъ мой! ужъ поздно! помолитесь за душу бѣднаго  
Расина и благословите вступить въ монастырь Кармелитокъ —  
сестру Луизу — (становится на колышки.)

*(Занавѣсь падаетъ).*

ВЛАДИМИРЪ ЗОТОВЪ.

---

КОЛОКОЛА.

# ПАНТЕОНЪ

ТЕАТРОВЪ.

# КОЛОКОЛА.

*Волшебная повесть о томъ, какъ нѣкіе колокола про-  
вожали старый годъ и встрѣчали новый.*

ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

## ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ.

Немногимъ людямъ — такъ какъ желательно, чтобы сказоч-  
никъ и его слушатели съ самаго начала понимали другъ дру-  
га, то прошу замѣтить, что мое замѣчаніе нисколько не огра-  
ничивается ни молодыми людьми, ни мелкими людьми, а рас-  
пространяется вообще на всякаго рода людей, мелкихъ и круп-  
ныхъ, молодыхъ и старыхъ, только-что подрастающихъ и уже  
дряхляющихъ — немногимъ людямъ, говорю, придетъ охота оста-  
ваться ночью въ церкви. Неговорю во время службы, въ теп-  
лую погоду, (такіе случаи мы видѣли разъ — другой), а ночью,  
когда кругомъ ни души. Знаю, что очень многіе найдутъ мое  
предложеніе весьма страннымъ, относительно дня. Но я гово-  
рю только о ночи, и потому прошу принять въ соображеніе  
только ночь. Я готовъ даже доказать справедливость своего  
положенія въ любую бурную, зимнюю ночь, на любомъ изъ

моихъ почтенныхъ противниковъ, которому угодно будетъ сойтись со мною на старомъ кладбищѣ, передъ старою церковью, и уполномочить меня предварительно запереть его до утра въ церкви, если то будетъ потребно для его удовольствія.

Ибо ночью вѣтеръ любитъ позабавиться, погулять со стономъ вокругъ старой церкви, стуча невидимою рукою въ двери и окна, и отыскивая трещинъ, чрезъ которыя ему хотѣлось-бы пробраться въ церковь. А когда ворвется въ нее, когда не найдетъ чего искать, (а что такое онъ ищетъ, знаетъ онъ самъ), онъ плачетъ и воеетъ, стараясь снова врваться на волю; и мало того, что гуляетъ вдоль и поперегъ, скользитъ вокругъ, шныряетъ между трубами органа, онъ вдругъ бросится подъ самую кровлю, силясь прорвать рамы; потомъ снова въ отчаяннн бросится на каменный полъ, и со стономъ спускается въ склены. Опять тайкомъ выползетъ оттуда, и ползетъ вверхъ по стѣнамъ; и будто читаетъ шепотомъ надписи надъ могилами усопшихъ. Надъ одною надписью дико захохочетъ, надъ другою печально заплачетъ и застонетъ. Страшенъ также гробовый голосъ его, когда онъ зайдетъ въ алтарь, и по своему запоетъ о неправдѣ и убійствѣ, о поклоненн ложнымъ богамъ, вопреки скрижалямъ завета, которыя на видъ такъ свѣтлы и гладки, а въ самомъ дѣлѣ такъ запятнаны и изломаны. Уфъ! сохрани насъ Боже, насъ, такъ уютно сидящихъ вокругъ затопленнаго камина! Страшенъ голосъ вѣтра, когда онъ, въ глухую полночь, заносится въ старинной церкви!

Но что-такое на вершинѣ высокой колокольни! Вотъ тамъ-то онъ реветъ и завываетъ! На высокой колокольнѣ, гдѣ онъ можетъ въ волю ходить взадъ и впередъ подъ арками, чрезъ просвѣты, обвиваться около смѣлой лѣстницы, крутить и рвать шѣлуха посаженнаго вмѣсто флюгера, потрясать до основанія самую колокольню! На верху колокольни, тамъ, гдѣ висятъ колокола на изгложенныхъ ржавчиною желѣзныхъ переключникахъ; гдѣ свинцовые и мѣдные листы, изморщенные непостоянною погодою, трещать и шелкаютъ подъ непривычною погою; гдѣ птицы выютъ свои жалкія гнѣзда въ углахъ старыхъ дубовыхъ балокъ и брусевъ; гдѣ вѣками копится и сѣдетъ пыль; и рабые пауки, разжирѣвъ и изнѣжившись въ вѣковомъ

спокойствіи, тѣниво ползаютъ взадъ и впередъ среди сотрясеній колокола, твердо держась въ своихъ тканыхъ воздушныхъ палатахъ; или въ испугѣ, какъ матросы, быстро взбираются по паутиннымъ волоскамъ, или стрѣлою опускаются на-поль, и вооружаются двумя десятками тоненькихъ ножекъ для спасенія своей скромной жизни! На-верху старой колокольни, высоко, между свѣтомъ и шумомъ города, и легкими облаками, бросающими мимоходомъ на него свою тѣнь, бываетъ страшно въ ночную пору: и тамъ-то, на старой колокольнѣ, висѣли тѣ колокола, о которыхъ я собираюсь рассказывать вамъ сказку!

То были престарые колокола, повѣрьте мнѣ. Много уже прошло вѣковъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ епископъ съ соборомъ окрестилъ эти колокола; столько вѣковъ, что давно уже истреблена и метрика ихъ; такъ давно, что и не упомнишь; и никто уже не зналъ ихъ именъ. Были у этихъ колоколовъ въ свое время крестные отцы и крестныя матери (по моему, право гораздо пріятнѣе и покойнѣе крестить колоколъ, нежели ребенка); были у нихъ, вѣроятно, и серебряныя стопы. Но время скосило ихъ воспріемниковъ, а король Генрихъ VIII растопилъ ихъ серебряныя стопы; и они висѣли теперь на старой колокольнѣ, безъ именъ и безъ стопъ.

Но они были не безгласны. Папротивъ. У этихъ колоколовъ были громкіе, веселые, звучные голоса, которые широко и далеко разносились по вѣтру. Мало того; они были слишкомъ своеправные колокола, чтобы имъ покоряться прихотямъ вѣтра; когда вѣтру вздумается имъ поперечить, они бодро боролись съ нимъ и царски пускали свои веселые звуки въ каждое открытое ухо; иной разъ, желая пробиться, въ бурную ночь, до ушей бѣдной матери, сидѣвшей у постели больного ребенка, или одинокой жены, которой мужъ отправился въ море, случилось имъ преодолѣть самый свирѣпый нордъ-вестъ, — и заглушать его: такъ, по-крайней-мѣрѣ, рассказывалъ Тоби Векъ, да, Тоби, ибо хотя и звали его по большей части Тротти Векъ, но настоящее его имя было Тоби, и дать ему другое имя, кромѣ развѣ Тобія, никто не имѣлъ права, безъ особеннаго указа парламента; потому-что онъ въ свое время былъ также законно окрещенъ, какъ и колокола, съ тѣмъ только различіемъ, что его крестилъ не епископъ, и что при его крещеніи не было ни торжества, ни всеобщей радости.

Что касается до меня, я вполне раздѣляю мнѣніе Тоби Века, зная, что онъ имѣлъ много случаевъ узнать истину. И что скажетъ Тоби Векъ, то и я повторю за нимъ. И на чемъ стоитъ Тоби Векъ, на томъ стою и я, несмотря на то, что онъ весь день стоялъ (легко сказать!) на дворѣ, у церковной паперти. Тоби Векъ занимался разноскою писемъ, и у церкви ждалъ себѣ работы.

Не легкое дѣло было стоять на этомъ мѣстѣ въ зимнюю пору; носъ синѣлъ, глаза краснѣли, пальцы костенѣли, зубы колотились другъ объ друга; тяжело было тутъ стоять въ зимнюю пору! Тоби это зналъ по опыту. Вѣтеръ бѣшено огибалъ уголь, — особенно когда дулъ съ востока — какъ будто принесся съ конца земли нарочно за тѣмъ, чтобы дунуть въ Тоби. Сколько разъ онъ натыкался на него повидимому ранѣе, чѣмъ ожидалъ, ибо, обогнувъ уголь и пронесшись мимо, онъ внезапно обращался назадъ, и какъ будто бормоталъ: «а, вотъ онъ, голубчикъ, вотъ онъ!» И бѣлый фартухъ Тоби немедленно перебрасывало ему черезъ голову, какъ платье рѣзвого ребенка, и слабая его трость тщетно гнулась въ его рукѣ, ноги его дрожали, и самого Тоби такъ качало и вертѣло, то въ ту, то въ другую сторону, и поднимало, и подкидывало, что, казалось только по какому-то чуду небывалъ онъ никогда взнесенъ на воздухъ, (какъ случается иной разъ съ лягушками и улитками и другими удобоупосимыми животными), и не упалъ гдѣ нибудь съ дождемъ, къ крайнему удивленію жителей какого-нибудь далекаго края земли, незнакомаго съ породою разносчиковъ писемъ.

Но вѣтреная погода, несмотря на свое непочтительное съ нимъ обращеніе, была для Тоби чѣмъ-то въ родѣ праздника. Это фактъ. Ему казалось, что въ вѣтреную погоду, онъ не такъ долго ждалъ полушillingа, какъ въ другое время; потому-что борьба съ неугомонною стихіею занимала все его вниманіе, и оживляла его, когда онъ начиналъ чувствовать голодь, или впадалъ въ уныніе. Добрый морозъ, или снѣгъ — были для него также событіемъ; и такъ ли или иначе, были ему отрады, хотя и трудно угадать, чѣмъ именно! Какъ бы то ни было, но вѣтеръ, морозъ, снѣгъ, а подчасъ и добрая буря съ крупнымъ градомъ, составляли красные дни въ жизни Тоби Века.

Всего хуже была пасмурная погода: когда холодная, сырая, туманная влага обнимала его будто промокшей бекешъ, единственный бекешъ, какимъ былъ надѣленъ Тоби, и котораго отсутствіе не мало содѣйствовало бы удобству его жизни. Пасмурные дни, съ мелкимъ, частымъ, непрерывнымъ дождемъ, когда туманъ забивалъ улицу, равно какъ его горло; когда мимо его ходили взадъ и впередъ зонтики со столбомъ пару, и сталкиваясь другъ съ другомъ на тѣсной панели, вертѣлись какъ мотовильни, и безпощадно спрыскивали всѣхъ окружающихъ; когда жолобы были полны, а вода ревѣла, вырываясь изъ ихъ тѣснаго отверстія; когда съ карнизовъ церкви текла вода по каплямъ на бѣднаго Тоби, обращая въ одно мгновеніе солому, на которой онъ стоялъ, въ густую грязь; вотъ дни, бывшіе для него лучшею пыткой. Тогда онъ отъ времени до времени съ безпокойствомъ выглядывалъ изъ своего убѣжища за угломъ стѣны,—жалкаго убѣжища, отъ котораго лѣтомъ едва-ли падала на освѣщенную панель тѣнь толщиной въ порядочную трость. Черезъ нѣсколько минутъ онъ выходилъ изъ-за своего угла, чтобы согрѣться движеніемъ: пробѣгалъ разъ двадцать взадъ и впередъ; послѣ чего длинное лицо его прояснилось, и онъ снова весело уходилъ въ свою лошину.

Мы уже говорили мимоходомъ, что Тоби обыкновенно называли Тротти, т. е. иноходцемъ; причиною этого прозвища была его походка, онъ если и не ускорялъ своего шагу, то по-крайней-мѣрѣ думалъ его удвоить. Онъ можетъ быть пошелъ бы скорѣе, если бы сталъ ходить обыкновеннымъ образомъ; и даже очень вѣроятно; но отнимите у него его иноходь, Тоби навѣрное бы слегъ и умеръ. Своєю иноходью онъ въ дурную погоду вспрыскивалъ себя съ ногъ до головы грязью, притомъ же походка была крайне неудобна; ему было бы гораздо легче и удобнѣе ходить просто; но чуть ли не по этой самой причинѣ онъ и былъ такъ привязанъ къ своей иноходи. Потому-что Тоби, хотя и былъ на-видѣ небольшой, слабый, дряхлый старичекъ, но по доброй волѣ своей, былъ настоящій Геркулесъ. Онъ хотѣлъ непременно, чтобы полученные имъ деньги были заработаны. Это его утѣшало. Тоби былъ очень бѣденъ, и потому ему трудно было разставаться съ какимъ-бы то ни-было утѣшеніемъ—онъ утѣшался мыслью, что недаромъ ѣстъ свой хлѣбъ. Когда ви-

дѣлъ въ рукахъ своихъ письмо или посылку въ шиллингъ или въ полтора, его мужество, и безъ того уже довольно пылкое, разгоралось еще болѣе. Идя своею обычною иноходью посреди улицы, онъ готовъ былъ кричать почтовой каретѣ, чтобы она сторонилась, будучи убѣжденъ, что по естественному ходу вещей, онъ непременно долженъ набѣжать на нее и опрокинуть ее; онъ также безусловно вѣрилъ, — хотя никогда не случалось ему показать на-дѣлъ — что у него хватить силы нести все, что только можетъ поднять человѣкъ.

Когда Тротти выходилъ изъ своей лощины въ дождь, чтобы немного отогрѣться, онъ и тутъ не покидалъ своей иноходи; поджавъ колѣна и, взявъ палку подъ мышку, ходилъ онъ взадъ и впередъ, прокладывая по-грязи кривой рядъ слѣдовъ своими дырявыми сапогами; отогрѣвая дыханіемъ окостенѣлыя пальцы, и потирая руки, плохо защищенные отъ мороза истертыми рукавицами изъ грубой сѣрой шерсти. Выбѣгая на мостовую, чтобы взглянуть на колокола во время благовѣста, Тротти выбѣгалъ опять тою же иноходью.

А выбѣгалъ онъ, чтобы взглянуть на колокола, по нѣсколь-ку разъ въ день, потому-что они были для него собесѣдниками, и когда онъ слышалъ ихъ голоса, ему чрезвычайно хотѣлось взглянуть на ихъ мѣстопробываніе, посмотреть, какъ ихъ приводятъ въ движеніе, и какими языками въ нихъ звонятъ. Можетъ-быть онъ потому принималъ такое участіе въ этихъ колоколахъ, что они во многихъ отношеніяхъ были сходны съ нимъ самимъ. Они висѣли тутъ и въ ведро и въ ненастье, подвергались и дождю и вѣтру; подобно Тоби, только снаружи видѣли это множество уютныхъ домовъ; никогда не подходили къ веселымъ огнямъ, свѣтившимся въ окнахъ, или вырывавшимся иногда изъ трубъ; не для нихъ, какъ и не для него, были всѣ вкусныя яства, которыя безпрестанно въ глазахъ его роскошныя повара принимали и выдавали у подъѣздовъ, или сквозь рѣшетку дворовъ. Множество лицъ мелькало во многихъ окнахъ; иногда хорошенькія лица, молодыя, веселыя, а иногда на оборотъ: но Тоби не зналъ (хотя и не разъ на улицѣ отъ нечего дѣлать, размышлялъ объ этихъ предметахъ) откуда они являлись, и куда уходили, и, когда шевелились ихъ уста, сходило ли съ нихъ хоть одно

доброе слово о немъ въ цѣлый годъ; все это Тоби зналъ такъ же мало, какъ сами колокола.

Тоби былъ не изъ казуистовъ — по-крайней-мѣрѣ, сколько ему самому было извѣстно, — и я не полагаю, чтобы, когда онъ только-что началъ любить колокола, и обращать первое свое, грубое знакомство съ ними въ болѣе тѣсную и нѣжную связь, онъ перебралъ всѣ эти обстоятельства по одиначкѣ, или сдѣлалъ имъ въ мысляхъ своихъ генеральный смотръ. Я думаю, что, точно такъ же какъ различные органы тѣла Тоби, хоть бы наприимѣръ: пищеварительные органы, исправляли свое дѣло собственнымъ своимъ умомъ-разумомъ, и съ помощью многихъ процессовъ, о которыхъ онъ и не гадалъ, и которые поставили бы его въ туникъ, если бы кто вздумалъ ему толковать ихъ, достигали своей цѣли; точно такъ же, говорю я, и умственные его способности, безъ его содѣйствія, и даже безъ его вѣдома, приводили въ движеніе всѣ эти пружины, и множество другихъ, и довели его до того, что онъ сталъ любить колокола.

Да, онъ питалъ къ нимъ любовь, я не отказываюсь отъ этого слова, хотя оно едва-ли выражаетъ вполне его многосложное чувство. Какъ человекъ простой, онъ придавалъ имъ какой-то странный, торжественный характеръ. Эти колокола, часто слышныя, и никогда невидимыя, казались ему чѣмъ-то таинственнымъ; высоко, далеко въ поднебесьи висѣли они, и разливали такой густой, могучій гулъ, что онъ чувствовалъ къ нимъ какое-то благоговѣніе; и не разъ, когда онъ бывало смотритъ на мрачныя арки колокольні, онъ почти ждалъ, что вотъ станеть манить его — не колоколъ, а что-то такое, что часто слышалось ему въ звонѣ колоколовъ. Несмотря на то, Тоби съ негодованіемъ говорилъ о темномъ слухѣ, ходившемъ въ народѣ, будто колокола эти знаютъ съ нечистою силою. Словомъ, колокола часто звенѣли въ ухахъ его, часто бывали въ мысляхъ его, и всегда пользовались его добрымъ мнѣніемъ; и какъ часто, забросивъ голову назадъ и разинувъ ротъ, онъ засматривался на колокольную до того, что у него болѣла шея, и онъ принужденъ былъ лишній разъ пробѣжать обыкновенною иноходью, чтобы поправить ее.

Въ такое созерцаніе былъ погруженъ Тоби, въ одинъ морозный день, когда сонный двѣнадцатый ударъ часовъ, лѣни-

во пробилъ на болокольнѣ и опустился по стѣнѣ, будто жужжаніе исполненной, но вовсе не трудолюбивой пчелы.

«Часть обѣда!» пробормоталъ Тоби, бѣгая взадъ и впередъ передъ церковью. «Уфъ!»

Носъ у бѣднаго Тоби былъ багровый, щеки раскраснѣлись, глаза такъ и моргали, плеча почти ерослись съ ушами, а ноги были тверды какъ деревяшки; по всему видно было, что его природный термометръ показывалъ гораздо ниже нуля.

«Часть обѣда, гм.» повторилъ Тоби, и правую рукавицею колотилъ себя въ грудь, будто дѣтскою боксерскою перчаткою, и будто наказывая эту грудь за то, что она смѣла зябнуть. «Бррр!»

И молча пустился въ нхоходъ; это движеніе продолжалась минуты съ двѣ.

— «Ничто...» заговорилъ Тоби, снова пускаясь въ нхоходъ, но вдругъ остановился, и съ участіемъ, почти со страхомъ сталъ ощупывать носъ съ конца до основанія. Носъ у него былъ небольшой, слѣдовательно и трудъ невеликъ, и онъ скоро его кончилъ.

«А мнѣ ужъ показалось, будто я безъ носу,» сказалъ Тоби, продолжая путь. «Однакоже, слава Богу, цѣлъ. Правду сказать, я бы не могъ сердиться на носъ, елибы онъ мнѣ и отклонялся. Трудненько приходится ему въ такой морозъ; вѣдь я и табуку не нюхаю. Много случается ему тергѣть, бѣдному моему носу, во всякое время; ибо когда и случится ему сладко нюхнуть (а часто—ли?) то ужъ навѣрное, чужаго обѣда, въ окнѣ кухмистерской.»

Это размышленіе напомнило ему врежнее, недосказанное размышленіе.

«Ничто,» сказалъ Тоби, «не возвращается такъ исправно и акуратно, какъ обѣденный часть, и ничто напротивъ не является такъ неисправно, какъ обѣдъ. Вотъ главное ихъ различіе. Много мнѣ стоило времени придумать его. Хотѣлъ бы я знать, даль—ли бы что нибудь за это размышленіе какой нибудь знатный господинъ, чтобы кушить его для газеты, или для парламента!»

Тоби только шутилъ; онъ въ тоже время грустно покачивалъ головою, въ знакъ недовѣрія къ собственному уму.

«Куда! прости Господи!» продолжалъ Тоби. «Въ газетахъ

и безъ того довольно всякихъ наблюденій; также и въ парламентѣ. Да вотъ, напримѣръ, газета прошлой недѣли,» и онъ вытащилъ изъ кармана засаленную газету, и держалъ ее отъ глазъ на разстояніи цѣлой руки; «сколько тутъ всякихъ наблюденій! полвехонька! — И я нехуже всякаго другаго люблю знать, что дѣлается на свѣтѣ,» продолжалъ Тоби, медленно складывая листъ, и засовывая его назадъ въ карманъ; «но теперь я сталъ что-то неохотно читать газеты. Миѣ отъ нихъ становится какъ-то страшно. Что-то будетъ съ нашимъ братомъ, бѣднякомъ? Дай-то Богъ, чтобы съ наступающимъ новымъ годомъ мы переимѣнились къ лучшему!»

«Батюшка, а батюшка!» раздался вблизи нѣжный голосокъ.

Но Тоби ничего не слышалъ; онъ продолжалъ бѣгать взадъ и впередъ, и въ то же время размышлять и разговаривать съ самимъ собою.

«Нѣтъ, кажется не будетъ изъ насъ проку; не можемъ мы жить, какъ слѣдуетъ, насъ ничто не исправитъ!» говорилъ Тоби. «Меня самого мало учили, когда я былъ молодъ и я не сумѣю разобратъ, есть ли намъ дѣло на землѣ, или нѣтъ. Иногда миѣ кажется, что должно быть какое нибудь дѣло, иногда же, что намъ вовсе нѣтъ никакого дѣла, и что мы даромъ ѣдимъ хлѣбъ. Иной разъ все это такъ собьеть съ толку, что я не знаю, что миѣ думать, есть ли въ насъ что нибудь доброе, или мы ужъ рождены на одно зло? Чего не рассказываютъ про наши ужасныя дѣла? и сколько съ нами хлопотъ и тревогъ! и вѣчно на насъ жалобы, вѣчно противъ насъ мѣры предосторожности! Такъ ли, сякъ ли, а всегда мы наполняемъ столбцы газетъ. — И намъ ли еще разсуждать о новомъ годѣ?» продолжалъ Тоби со вздохомъ. «Я перенесу страданіе не хуже всякаго другаго, даже лучше многихъ другихъ, ибо у меня силы, какъ у льва, а не всякій можетъ похвалиться тѣмъ же; но положимъ, что мы дѣйствительно не имѣемъ правъ на новый годъ, — что мы дѣйствительно только дармоѣды —»

«Батюшка, а батюшка!» повторилъ тотъ же нѣжный голосъ.

На этотъ разъ Тоби услышалъ его; прислушался, остановился, укоротилъ взоръ, который онъ до-сихъ-поръ впередъ вдаль, будто хотѣлъ вычитатъ объясненіе своихъ размыш-

лений въ самомъ сердцѣ наступающаго года,—и онъ очутился лицомъ къ лицу съ своею дочерью, и глаза его встрѣтились съ ея глазами.

Дивные то были глаза. Глаза, въ которые могъ-бы смотрѣться цѣлый міръ, и не досмотрѣлся бы дна. Темные глаза, отражавшіе смотрѣвшіе въ нихъ глаза, не порывами, не по прихоти ихъ хозяйки, а чистымъ, спокойнымъ, ровнымъ сіяніемъ, роднымъ братомъ того свѣта, который созданъ небомъ. Чудные глаза, незнавшіе обмана, и сіявшіе надеждою, — надеждою юною и свѣжею, надеждою такою бодрою, крѣпкою и свѣтлою, несмотря на видѣнные ими двадцать лѣтъ труда и бѣдности, что они обращались для Тоби въ живой голосъ, и твердили ему: «я думаю есть и намъ здѣсь дѣло — хоть и не слишкомъ большое!»

Тротти поцѣловалъ губки, принадлежавшія этимъ глазкамъ, и сжалъ обѣими руками прелестное личико.

«Что, моя Мегъ,» сказалъ Тоби, «что скажешь? Я не ждалъ тебя сегодня.»

«И я не думала, что прійду,» отвѣчала Мегъ, кивая головою и улыбаясь. «Однако-же, вотъ, пришла; и не одна еще, не одна!»

«Какъ?» спросилъ Тоби, съ любопытствомъ всматриваясь въ накрытую корзину, которую она держала въ рукѣ, «неужели ты—»

«Понюхай батюшка,» сказала Мегъ, «понюхай только!»

Тротти собирался уже разомъ снять крышку, но она шутиливо отвела его руку.

«Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,» сказала Мегъ, рѣзвымъ голосомъ ребенка, «продли немножко наслажденіе. Вотъ я только приподниму крышку, самую малость»; и Мегъ бережно приподняла край крышки, и говорила вполголоса, будто боясь, чтобы слова ея не подслушали въ корзинкѣ; «вотъ такъ! Ну что же такое?»

Тоби поспѣшно нюхнулъ между краями корзинки и крышки, и воскликнулъ въ восторгѣ:

«Что-то горячее!»

«Горячее!» отвѣчала Мегъ. «Ха, ха, ха! Прямо съ огня!»

«Ха, ха, ха,» взревѣлъ Тоби, привскакивая, какъ шаповливая лошадь. «Прямо съ огня!» —

«Чтожь это такое?» спросила Мегъ. «Ну! ты не отгадалъ, что это такое! А долженъ непременно отгадать. Я не выну изъ корзины до-тѣхъ-поръ, пока не отгадаешь. Да не спиши такъ! погоди немножко! вотъ я еще маленько приподниму крышку. Ну, отгадывай!»

Мегъ всего болѣе боялась, чтобы отецъ не отгадалъ съ перваго слова, и показывая ему корзину, она въ то же время отступала отъ него, пожимала плечами; закрывала ухо рукою, будто хотѣла этимъ не дать настоящему слову сорваться съ губъ Тоби; и все время тихо смѣялась.

Тоби между тѣмъ, схватившись руками за оба колѣна, нагибался, прикладывалъ носъ къ корзине, и усердно вдыхалъ шедшій изъ щели паръ; и гримаса улыбки проходила по его морщинистому лицу, какъ будто онъ вдыхалъ какой-нибудь смѣховозбудительный газъ.

«А должно быть что-нибудь очень вкусное,» сказалъ Тоби. «Ужь не легкія ли это?»

«Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,» отвѣчала Мегъ съ радостью; и не походя!»

«Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ,» возразилъ Тоби, нюхнувъ вещь разъ. «Оно нѣжнѣе легкіхъ. Должно быть что-нибудь отборное. Чудный запахъ, и съ каждымъ разомъ лучше. Слишкомъ крѣпко для телячьихъ ножекъ. Не телячьи ножки?»

Мегъ была въ восторгѣ. Не могъ онъ попасть неудачнѣе телячьихъ ножекъ, развѣ только на легкіе—

«Печенка?» сказалъ Тоби, размышляя про себя. «Нѣтъ; тутъ что-то слишкомъ нѣжное для печенки. Бараньи ножки? Нѣтъ, для бараньихъ ножекъ не довольно слабо. Для пѣтушечьихъ головокъ, не довольно крѣпко. И не сосиски жареныя. А, знаю, знаю. Это трубуха!»

«Нѣтъ, не то!» отвѣчала Мегъ съ громкимъ смѣхомъ; «не то!»

«Да что я такъ много думаю!» воскликнулъ Тоби, вдругъ вытянувшись, и принимая положеніе сколько могъ ближе къ перпендикуляру. «Я скоро пожалуй не буду узнавать собственнаго своего имени. Это рубцы!»

Это были дѣйствительно рубцы; и Мегъ съ восхищеніемъ увѣряла его, что чрезъ полминуты, онъ скажетъ, что никогда еще не ѣдалъ такихъ чудесныхъ рубцовъ.»

«И такъ,» продолжала Мегъ, суетясь около корзины, «я

сейчасъ накрою тебѣ столъ, батюшка; вѣдь я принесла рубцы въ мискѣ, а миску завязала въ платокъ; и если мнѣ вдругъ вздумается на этотъ разъ немного поважничать, и выдать его за скатерть, вѣдь никакой законъ мнѣ этого не запрещаетъ; кажись такъ, батюшка?»

«По-крайней-мѣрѣ я не слыхалъ о такомъ законѣ, душа моя,» отвѣчалъ Тоби. «А впрочемъ, вѣдь каждый день выходятъ всякіе новые законы.»

«А помнишь, что я тебѣ читала намедни въ газетѣ? что говорилъ судья, что мы, дескать, бѣдные люди, должны знать всѣ законы. Ха, ха, ха! вотъ угадали! Боже милостивый, какими же насъ считаютъ разумниками!»

«Да, моя дорогая Мегъ,» отвѣчалъ Тоби; «в тепло было бы тому изъ насъ, кто-бы зналъ всѣ законы. Небось пожирѣлъ бы на работѣ, которую могъ бы промыслить, и какъ бы его любили богатые люди во всемъ околдкѣ! на рукахъ бы носили!»

«Что бы онъ ни былъ, а вѣрно охотно бы обѣдалъ, когда бы его обѣдъ былъ такъ же вкусенъ, какъ этотъ,» перебила Мегъ съ веселостью. «Торопись же, батюшка, тутъ же я принесла немного горячаго картофеля, и полмѣрки свѣжаго шива въ бутылѣ. Гдѣ-жъ ты хочешь обѣдать, батюшка? на лѣстницѣ, или на тумбѣ? Каково! какіе важные люди! двѣ столовья, выбирай любую!»

«Сегодня пообѣдаемъ на лѣстницѣ Петти,» сказалъ Тоби. «Въ сухую погоду — на лѣстницѣ, а на тумбѣ въ сырую. На лѣстницѣ, всегда гораздо удобнѣе; можно сѣсть; но въ сырую погоду, пожалуй можно простудиться.»

«Вотъ и готово,» сказала Мегъ, хлопая въ ладоши; «готово; и посмотри, какъ славно накрыто! Ну садись же, батюшка, и кушай!»

Съ самой той минуты, какъ Тоби узналъ содержаніе корзинки, онъ все время стоялъ неподвижно и смотрѣлъ на дочь, и изъ разсѣянныхъ рѣчей его можно было догадаться, что хотя она одна занимала его глаза и мысли, вытѣсняя изъ нихъ даже вкусные рубцы, однако же, онъ видѣлъ ее и думалъ о ней не въ настоящемъ ея положеніи и занятіи, а передъ воображеніемъ его носился грубый очеркъ, или драма будущей ея жизни. Веселый голосъ дочери пробудилъ его изъ глубокой думы; онъ грустно тряхнулъ головою, какъ будто желая

разсѣять тяжелую мысль, и подошелъ къ Мегѣ. Между тѣмъ, какъ онъ сѣлся на ступеньку на колокольнѣ раздался звонъ колоколовъ.

«Аминь!» сказалъ Тоби, снимая шляпу, и подымая глаза къ колоколамъ.

«Аминь колоколамъ? батюшка?» подхватила Мегъ.

«Они прозвонили словно молитву передъ обѣдомъ,» отвѣчалъ Тротти, усаживаясь. «Если бъ они могли, я увѣренъ, что прочли бы славную молитву. Много они говорили мнѣ добрыхъ словъ!»

«Колокола, батюшка?» спросила Мегъ со смѣхомъ, ставя передъ нимъ миску и подавая ему ножикъ и вилку. «Колокола говорили съ тобою? Помилуй!»

«Ну, пожалуй, я себѣ воображалъ, будто они говорили!» отвѣчалъ Тоби, усердно принявшись уплетать вкусный обѣдъ. «Развѣ не все равно? Когда я слышу ихъ, какое же дѣло, точно ли они говорятъ, или нѣтъ? Да вотъ, напримѣръ, душа моя,» продолжалъ онъ, указывая вилкою на вершину колокольни, и одушевляясь подъ вліяніемъ обѣда, «сколько разъ слышалъ я, они мнѣ твердили: Тоби Векъ, Тоби Векъ, не унывай, Тоби Векъ!—Тоби Векъ, Тоби Векъ, не унывай, Тоби Векъ! Тысячи разъ! Куда! и не сосчитать!»

«Я, такъ, ни разу не слышала!» возразила Мегъ.

Неправда,—она много разъ слыхала: у Тоби почти не бывало другаго разговора.

«Когда дѣлишки плохи,» продолжалъ Тоби, «то есть, очень плохи, такъ плохи, что ужъ кажись хуже и быть нельзя, тогда они мнѣ шепчутъ: Тоби Векъ, Тоби Векъ, вотъ скоро будетъ работа, будетъ работа, Тоби Векъ.»

«И наконецъ—приходитъ работа, батюшка!» сказала Мегъ, и рѣзвый голосъ ея отгвѣнился слегка грустью.

«Непремѣнно!» отвѣчалъ простодушный Тоби; «непремѣнно!» Во все продолженіе этого разговора, Тоби ни на одно мгновеніе не прекращалъ своихъ усердныхъ стараній около вкуснаго обѣда; онъ рѣзалъ и ѣлъ, рѣзалъ и пилъ, крошилъ и жевалъ, и переходилъ отъ рубцовъ къ горячему картофелю, и отъ горячаго картофеля опять къ рубцамъ, съ глубокимъ неистощимымъ сладострастіемъ. Но, оглянувшись какъ-то вокругъ себя, чтобы увидать, не зовутъ ли его изъ какого-нибудь окна

или двери, для какого-нибудь порученія, онъ остановилъ взоры на дочери; она сидѣла противъ него, сложивъ руки; и только смотрѣла съ улыбкою счастья на его усердный трудъ.

«Ахъ ты, Боже милосердый!» воскликнулъ Тоби, опустивъ вилку и ножикъ. «Что же ты, голубка моя, Мегъ, не напомнишь мнѣ... что я за скотина такая?»

«Чѣмъ же, батюшка?»

«Да, какъ же!» сказалъ Тоби, кающимъ голосомъ; «сизжу себѣ и набиваю брюхо; а ты передо мною, ничего не ѣвши, и не закусишь даже, и не...»

«Я сыта, батюшка,» отвѣчала дочь, смѣясь; «я уже пообѣдала!»

«Вздоръ,» возразилъ Тоби; «два обѣда въ день! это невозможно! Все равно, что ты стала бы увѣрять меня, что будутъ два новые года за-разъ, или что у меня на плечахъ — золотая голова.»

«А я все-таки пообѣдала, батюшка,» сказала Мегъ, приближаясь къ нему. «Ты только продолжай свой обѣдъ, а я между тѣмъ расскажу тебѣ, какъ и гдѣ; по какому случаю я принесла тебѣ твой обѣдъ; и—и еще кое-что другое.»

Тоби не совсѣмъ еще вѣрилъ; но она посмотрѣла ему въ лицо своими свѣтлыми глазами, положила ему руку на плечо, показывая, чтобы онъ кушалъ, пока обѣдъ не простылъ. Тротти взялъ вилку и ножикъ, и снова принялся за работу. Но уже не съ прежнею поспѣшностью, и покачивая головою, будто онъ былъ недоволенъ собою.

«Я обѣдала, батюшка,» сказала Мегъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, съ — Ричардомъ. «Онъ обѣдалъ рано; и какъ онъ принесъ обѣдъ съ собою, когда зашелъ ко мнѣ повидаться, то — мы пообѣдали вмѣстѣ, батюшка.»

Тоби хлебнулъ немного пива, и щелкнулъ губами отъ удовольствія. Потомъ онъ сказалъ: «Да!» ибо дочь ждала отвѣта.

«Ричардъ говоритъ, батюшка...» — сказала Мегъ и остановилась.

«Что же говоритъ Ричардъ?» спросилъ Тоби.

«Ричардъ говоритъ, батюшка...» — и опять остановилась.

«Долго же Ричардъ собирается говорить,» замѣтилъ Тоби.

«Онъ говоритъ, батюшка,» продолжала Мегъ, дрожащимъ, но явственнымъ голосомъ, и поднимая наконецъ глаза; «онъ го-

ворить, что вотъ прошелъ еще почти цѣлый годъ, и что безрассудно такъ откладывать съ году на годъ, когда такъ мало вѣроятности, чтобы мы когда-нибудь стали богаче теперешняго? Онъ говоритъ, батюшка, что мы теперь бѣдны, и будемъ точно такъ же бѣдны черезъ нѣсколько лѣтъ; но что мы теперь молоды, а откладывая съ года на годъ, мы и не замѣтимъ, какъ придетъ старость. Онъ говоритъ, что если нашему брату ждуть, пока очистится передъ нами дорога, такъ это будетъ пожалуй—самая узкая тропа, — по которой долженъ идти всякій, и богачъ и нищій,—могила, батюшка.»

И побойчѣе человекъ, чѣмъ Тоби, не посмѣлъ бы противорѣчить этимъ доводамъ. Тоби молчалъ.

«А какъ тяжело будетъ, батюшка, состарѣться, умереть, и передъ смертью подумать, что мы могли бы другъ друга подкрѣплять и утѣшать! Какъ тяжело всю жизнь любить другъ друга, и только горевать каждому порознь, видя, какъ другой мѣняется, старѣетъ и сѣдѣетъ въ трудѣ. Если бы я и могла подавить любовь и забыть его, (но это невозможно!), о батюшка, какъ тяжело было бы мнѣ, съ моимъ полнымъ сердцемъ, жить за тѣмъ, чтобы медленно выжимать его по каплямъ, и не помнить ни одного счастливаго мгновенія изъ моей женской жизни, которое бы подкрѣпляло и утѣшало, и ободряло меня въ часъ скорби!»

Тротти сидѣла неподвижно. Мегъ отерла слезу, и продолжала веселѣе, т. е. то улыбаясь, то рыдая, то улыбаясь и рыдая въ одно и то же время.

«Вотъ что говорилъ Ричардъ, батюшка; а какъ онъ со вчерашняго дня увѣренъ на нѣкоторое время въ работѣ, и я его люблю уже четвертый годъ, и даже болѣе, если бы онъ зналъ! — то онъ и проситъ, чтобы мы обвѣчались въ новый годъ; это, говоритъ онъ, самый лучшій и счастливый день въ году, и сулитъ непремѣнное счастье. Сроку немного, батюшка, правда, но вѣдь мнѣ не составлять приданого, не шить себѣ къ свадьбѣ нарядовъ, какъ богатой невѣстѣ, — не такъ ли, батюшка? И многое онъ мнѣ еще говорилъ, батюшка, и все по своему; и такъ умно и убѣдительно, и такъ мило и нѣжно, что я и общала поговорить съ тобою. А какъ я получила сегодня деньги за свою работу (и самымъ неожиданнымъ образомъ), а ты всю недѣлю очень нехорошо

обѣдалъ, вотъ я и задумала угостить тебя, чтобы этотъ день былъ тебѣ праздникомъ, какъ онъ для меня самый счастливый и драгоценный день; вотъ я и принесла тебѣ вкусный обѣдъ.»

«А онъ только студитъ его на лѣстницѣ,» подхватилъ другою голосъ.

Это былъ голосъ самаго Ричарда, который подошелъ къ нимъ незамѣтно, и стоя передъ ними, смотрѣлъ на обоихъ съ лицомъ, разгорѣвшимся, какъ желѣзо, которое ковалъ каждый день его могучій молотъ. Онъ былъ красивый, статный, здоровый парень, съ глазами, блестящими какъ раскаленные искры во-кругъ кузнечнаго горна; съ черными кудрями, вившимися по смуглымъ вискамъ; и съ улыбкою — улыбкою, вполне оправдывавшею лестное сужденіе Мегъ о его рѣчахъ.

«Смотри, онъ только студитъ его на лѣстницѣ!» сказалъ Ричардъ. «Мегъ видно не сумѣла угодить ему. Вѣрно такъ!»

Добрый и горячій Тоби немедленно протянулъ руку Ричарду, и собирался ему что-то сказать, какъ вдругъ дверь на подъѣздѣ неожиданно отворилась, и лакей едва не ступилъ ногою въ миску съ рубцами.

«Прочь съ дороги, вы! Вѣчно вамъ надо сидѣть у насъ на подъѣздѣ! Не можете вы поселиться у сосѣда? Уберетесь вы что-ли, или нѣтъ?»

Сказать правду, послѣдній вопросъ былъ совершенно лишній, ибо бѣдняки давнымъ-давно убрались.

«Что тамъ такое, что такое?» спросилъ господинъ, передъ которымъ лакей отворилъ дверь, выходя полутяжеюю поступью, т. е. особенною поступью, среднею между обыкновеннымъ шагомъ и лѣнивою рысцою, какъ могутъ выходить изъ дому господа на гладкомъ спускѣ жизни,носящіе скрещучіе сапоги, часы на цѣпочкѣ и всегда чистое бѣлье, не только не роняя своего достоинства, но еще давая каждому замѣтить, что они спѣшатъ по важнымъ и значительнымъ дѣламъ. «Что тамъ такое? что такое?»

«Всегда надо васъ просить да упранивать, чуть не на колѣнахъ,» продолжалъ лакей торжественно, обращаясь къ Тоби Веку, «чтобы не сидѣли на нашемъ подъѣздѣ. Зачѣмъ же вы всегда тутъ судите? Нѣтъ развѣ другихъ мѣстъ?»

«Ну, будетъ, будетъ!» сказалъ господинъ. — «Эй, разнощикъ,

эй!» Продолжалъ онъ, кивая головою Тоби Веку. «Поди сюда. Что это такое? твой обѣдъ?»

«Обѣдъ, сударь,» отвѣчала Тоби, ставя миску въ уголокъ.

«Да не прячь его туда,» сказалъ господинъ. «Покажи его сюда; давай сюда. Вотъ такъ! Стало-быть, это твой обѣдъ?»

«Обѣдъ,» повторилъ Тоби, поглядывая неподвижнымъ глазомъ и со слюнками на губахъ на лакомый кусочекъ требушины, который онъ оставилъ себѣ на закуску, и который господинъ вертѣлъ на вилкѣ во все стороны.

Съ этимъ господиномъ вышли два другіе господина. Одинъ изъ нихъ былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, бѣдно одѣтый, со-сжучной, недовольной наружностью, держалъ руки постоянно въ карманахъ своихъ изтертыхъ панталонъ перечнаго цвѣта, которые отъ того стали широки и повисли какъ собачьи уши; сверхъ того онъ былъ неумытъ и растрепанъ. Другой—былъ человѣкъ хорошаго роста, статный, порядочной наружности, въ синемъ сюртукѣ съ свѣтлыми пуговицами, и въ бѣломъ галстукѣ. Лице у него было чрезвычайно красное; какъ будто большее количество крови было выжато изъ тѣла его въ голову; можетъ быть по этой же самой причинѣ казалось, что у него довольно холодное сердце.

Тотъ, который держалъ на вилкѣ обѣдъ Тоби, обратился къ первому изъ этихъ двухъ господъ, назвавъ его Файлеромъ; и оба подошли къ нему. Г-нъ Файлеръ, будучи чрезвычайно близорукъ, принужденъ былъ такъ приблизить носъ къ остаткамъ блюда, чтобы разглядѣть, что это такое, что у Тоби сердце готово было выскочить. Однако же г. Файлеръ не съѣлъ его обѣда.

«Это родъ животной лсты, альдерманъ,» сказалъ Файлеръ, тыкая кушанье карандашемъ, «извѣстной вообще въ рабочемъ классѣ здѣшней страны, подъ именемъ рубцовъ.»

Альдерманъ усмѣхнулся и мигнулъ глазкомъ; шутникъ былъ альдерманъ Кьютъ, и любилъ посмѣяться. А что за голова была альдерманъ Кьютъ! и чего-то онъ не зналъ? рѣшительно, все изучилъ! Его ужъ никто бы не надулъ. Такъ онъ проникъ въ сердца людей! ужъ зналъ ихъ альдерманъ Кьютъ, какъ свои пять пальцевъ. Ей-Богу, такъ!

«Но кто же ѣсть рубцы?» сказалъ г. Файлеръ, осматриваясь кругомъ. «Рубцы, безспорно самый не экономическій, самый

расточительный изъ всѣхъ предметовъ потребленія, являющихся на здѣшнихъ рынкахъ. Доказано вычисленіями, что убыль на фунтъ рубцовъ въ варкѣ превосходитъ семью восьмыми убыль на фунтъ всякаго другаго животнаго вещества. Рубцы въ строгомъ смыслѣ, дороже тепличныхъ ананасовъ. Если сообразить количество рогатаго скота, которое бьютъ ежегодно и предположить самое меньшее количество рубцовъ, добываемой изъ этого скота, если бить его въ надлежащую пору; то я нахожу, что убыль съ этихъ рубцовъ достаточна была для продовольствія гарнизона въ пять-сотъ человекъ, въ продолженіе пяти мѣсяцевъ, считая мѣсяць въ тридцать одинъ день, съ прибавкою къ нимъ еще одного Февраля. Вотъ расточеніе!»

Тоби стоялъ въ недоумѣніи, ноги дрожали подъ нимъ. Ему казалось, будто онъ уморилъ съ голоду цѣлый гарнизонъ въ пять-сотъ человекъ.

«Кто ѣсть рубцы?» повторилъ г. Файлеръ съ запальчивостью. «Кто ѣсть рубцы?»

Тротти смиренно поклонился.

«Ты?» сказалъ г. Файлеръ; «ты ѣшь рубцы? Такъ вотъ что я тебѣ скажу, пріятель. Ты, братецъ, вырываешь ихъ изъ рта у вдовъ и сиротъ.»

«Неужели, сударь?» отвѣчалъ Тоби, едва внятно. «Я ей-Богу скорѣе бы самъ умеръ съ голоду!»

«Раздѣлите ваше приведенное количество рубцовъ, альдерманъ,» продолжалъ г. Файлеръ, «на несмѣтное число вдовъ и сиротъ, и получите въ результатъ только на одинъ пенни рубцовъ на душу. Этому молодцу не останется ни крошки. Слѣдовательно, онъ — воръ.»

Тоби такъ былъ смущенъ этимъ приговоромъ, что ужъ не пожагѣлъ бы, если бы альдерманъ самъ доѣлъ его рубцы. Такъ ли или иначе, ему бы только избавиться отъ нихъ.

«А вы что скажете?» спросилъ альдерманъ краснолицаго господина въ синемъ сюртукѣ, шутливо. «Вы слышали, что говоритъ почтенный г. Файлеръ. Что-же вы на это скажете?»

«Да что тутъ можно сказать?» отвѣчалъ господинъ въ синемъ сюртукѣ. «Что тутъ можно сказать? кто будетъ интересоваться такимъ человекомъ,»—и онъ указалъ на Тоби— «въ немъ переродившійся вѣкъ. Взгляните на него! что за тварь! О золотое былое времячко! дивная старина, старина! Тогда-то

былъ вѣкъ славныхъ крестьянъ, и другихъ подобныхъ людей. То было время на все, ей-Богу! А теперь, ну что такое! Ахъ!» и краснолицый господинъ тяжело вздохнулъ. «Золотая старина, старина!»

Краснолицый господинъ не объяснилъ, какое именно время онъ называлъ золотою стариною; равно не сказалъ онъ, за что онъ такъ негодовалъ на настоящее время, можетъ - быть изъ безкорыстнаго сознанія, что-де не отличилось оно, произведши на свѣтъ его самого.

«Золотая старина, золотая старина,» твердилъ онъ, «То-то было время! подлинно время. И стоитъ ли говорить о другомъ какомъ-либо времени, и разсуждать о томъ, что за народъ въ теперешнее время. Да и стыдно нашъ вѣкъ временемъ назвать; ну что это за время? Я право не называю его временемъ. Да взгляните вы въ Стреттовы наряды; ну то-ли былъ разнощикъ въ любую пору старой нашей Англїи, что теперь?»

«У самого богатаго никогда не бывало рубахи на спинѣ, ни сапогъ на ногахъ..... И едва находилась въ Англїи какаянибудь скверная трава для его пропитанія,» возразилъ г. Файлеръ. «Если угодно, я вамъ это докажу таблицами.»

Несмотря на это, краснолицый господинъ все - таки расхваливалъ золотую старину, дивное бывшее время. Какое ему было дѣло до - того, что говорили другіе; онъ вертѣлся себѣ около одной и той же фразы, какъ бѣдная бѣлка вертится около колеса, о хитромъ механизмѣ котораго, она вѣроятно имѣетъ такое же ясное понятіе, какое нашъ краснощекій господинъ имѣлъ о своихъ давноминувшихъ вѣкахъ.

Очень немудрено, что вѣра бѣднаго Тоби въ блаженство темной старины была не совсѣмъ разрушена, ибо въ головѣ его въ это мгновеніе было ужасно темно. Одно, впрочемъ, среди этого тумана было ему совершенно ясно: именно, что, какъ эти господа ни разнорѣчили въ подробностяхъ, однакоже грустныя его давнишнія заключенія, посѣщавшія его уже не въ первый разъ, основательны. «Нѣтъ, нѣтъ; не быть изъ насъ добра! не дѣлать намъ добра!» подумалъ Тоби въ отчаяніи. «Въ насъ нѣтъ добра; мы рождены на зло.»

Но у Тротти было отеческое сердце, которое какъ-нибудь нечаянно зашло въ грудь его вопреки его теорїи; онъ не хотѣлъ, чтобы эти премудрые господа объявили его дочери въ

самомъ цвѣтѣ ея краткаго блаженства, будущую судьбу ея. Помогй ей Господи,» подумалъ Тоби; «еще успѣеть все узнать.»

Тоби дѣлалъ знаки молодому кузнецу, чтобы онъ увелъ ее. Но кузнецъ такъ былъ занятъ, разговаривая съ нею въ сторонѣ вполголоса, что догадался о его желаніи только въ одно время съ альдерманомъ Кьютомъ. А надо сказать, что альдерманъ Кьютъ еще не успѣлъ пустить своего словечка, а онъ также былъ философъ, — практическій философъ — и какой-вѣдь практическій! — а какъ ему нехотѣлось лишиться части своихъ слушателей, онъ и закричалъ: «Постойте!»

«Вѣдь вы знаете,» сказалъ альдерманъ, обращаясь къ своимъ пріятелямъ съ самодовольною улыбкою, никогда не сходящею съ его лица: «Я человѣкъ простой, человѣкъ практическій; я за всякое дѣло берусь просто, практически; ужъ такой у меня обычай. Въ обращеніи съ этими людьми нѣтъ большой тайны, ни большой мудрости; если только ихъ понимаешь и умѣешь говорить ихъ языкомъ. Эй, ты, разнощикъ! Ты смотри, не рассказывай мнѣ, да и никому не совѣтую, кто хочетъ быть со-мною въ ладахъ, будто вамъ не всегда случается ѣсть до-сыта, или будто пища ваша слишкомъ нехороша; я самъ лучше знаю. Я вѣдь отвѣдывалъ твоихъ рубцовъ, знаешь, и ты меня не надуешь. Ты понимаешь! Ха, ха, ха! прости Господи!» продолжалъ альдерманъ, обращаясь къ своимъ пріятелямъ; «самое легкое дѣло въ мірѣ водиться съ этимъ народомъ, надо только знать ихъ.»

Славный былъ человѣкъ для простаго народа альдерманъ Кьютъ. Никогда не говорилъ съ нимъ сердито! Всегда весель, привѣтливъ, шутливъ; а какъ зналъ народъ!

«Вотъ видишь, мой другъ,» продолжалъ альдерманъ, «много теперь рассказываютъ всякой чепухи о *нуждѣ* народа — *трудное время*, дескать; вѣдь такъ у васъ говорятъ, что! ха, ха, ха! — а я намѣренъ весь этотъ вздоръ истребить. Все это вранье о нищетѣ и голодѣ, я непременно выведу. Такъ-то! Прости Господи,» прибавилъ альдерманъ, обращаясь опять къ своимъ пріятелямъ, «въ этомъ народѣ можно все истребить, что хочешь; умѣй только взяться за дѣло!»

Тротти притянулъ къ себѣ Мегъ и взялъ ее подъ руку. Онъ, казалось, самъ незналъ, что дѣлалъ.

«Дочь, а?» спросилъ альдерманъ, потрепавъ ей пріятельски подбородокъ.

Привѣтливъ былъ всегда съ рабочимъ народомъ альдерманъ Кьютъ! Зналъ, чѣмъ ему угодить! Ни-на-сколько гордости!

«А гдѣ мать ея?» спросилъ достойный альдерманъ.

«Умерла,» отвѣчалъ Тоби. «Покойница была прачка; какъ эта родилась, Богъ отозвалъ ее на небо.»

«Не бѣлье тамъ стирать, надѣюсь,» подхватилъ альдерманъ шутиливо.

«Могъ ли или немогъ Тоби отдѣлить покойную жену свою на небѣ отъ ея земныхъ занятій, мы незнаемъ. Но мы спрашиваемъ: если-бы дражайшая супруга альдермана Кьюта отошла въ вѣчность, неужели альдерманъ Кьютъ представлялъ бы ее себѣ непременно въ какой-нибудь должности.»

«А ты къ ней приволакиваешься, не такъ ли?» продолжалъ альдерманъ, обращаясь къ молодому кузнецу.

«Я на ней женюсь,» отвѣчалъ Ричардъ нетерпѣливо; ибо всѣ эти вопросы бѣсили его. «Мы идемъ къ вѣнцу въ новый годъ.»

«Вотъ что задумалъ!» подхватилъ г. Файлеръ язвительно. «Женится, прошу покорно!»

«Да, сударь, женюсь, почемужъ бы и нѣтъ?» возразилъ Ричардъ. «Намъ должно поспѣшить, какъ видите, пока вы не догадались вывести бракъ между бѣдными людьми.»

«Ахъ,» воскликнулъ Файлеръ со вздохомъ. Выведите его непременно, альдерманъ, это будетъ доброе дѣло. Женится! прошу покорно, женится! Невѣжество этого народа въ основныхъ положеніяхъ политической экономіи, его беззаботность, его испорченность, ей-Бобу, достаточны для...—Ну взгляните-только на эту чету.»—

И право стоило взглянуть на нее. И бракъ казался самымъ благоразумнымъ и справедливымъ дѣломъ, какое она могла затѣять.

«Живи себѣ хоть Маусаловъ вѣкъ,» продолжалъ г. Фейлеръ, «и трудись для блага этого народа; вали горами факты на факты, числа на числа; и не имѣя болѣе надежды убѣдить

его въ томъ, что онъ не имѣеть ни права, ни надобности жениться, чѣмъ въ томъ, что они не имѣють права, и нѣтъ имъ нужды рождаться на свѣтъ. А что оно дѣйствительно такъ, мы давно знаемъ; это уже давно обратилось въ математическую аксіому.»

«Альдермана Кьюта эта сцена очень забавляла. Онъ приставилъ указательный палецъ къ носу, какъ будто-бы для того, чтобы сказать своимъ пріятелямъ:

«Ну, теперь смотрите и слушайте! Учитесь дѣйствовать практически!»—и онъ подозвалъ Мегъ къ себѣ.

«Подойди-ка сюда, къ намъ, красная дѣвица! сказалъ альдерманъ Кьютъ.

«Молодая кровь ея жениха все время такъ и кипѣла гнѣвомъ; ему очень нехотѣлось пустить ее. Однако-же онъ подавилъ свое негодование, и когда Мегъ подошла, онъ также сдѣлалъ шагъ впередъ, и сталъ подлѣ нея. Тоби все еще держалъ ее подъ руку, но глаза его переходили съ одного лица на другое, и такъ дико, какъ-бы у соннаго.

«Послушай же, молодица, я дамъ тебѣ добрый совѣтъ,» сказалъ альдерманъ своимъ привѣтливимъ, любезнымъ языкомъ. «Должность моя предписываетъ мнѣ давать добрые совѣты, ты знаешь? вѣдь я судья. Ты вѣдь знаешь, что я судья, такъ?»

Мегъ робко отвѣчала: «Знаю.» Но кто-же не зналъ, что альдерманъ Кьютъ судья! и какой еще дѣятельный судья! Кто же горѣлъ такою яркою звѣздою въ глазахъ народа, какъ не альдерманъ Кьютъ?

«Стало-быть, ты выходишь замужъ,» продолжалъ альдерманъ; «самая непристойная и нескромная мысль для твоего пола! Но не въ томъ дѣло. Выйдешь замужъ, будешь ссориться съ мужемъ, станешь несчастною женою. Ты, пожалуй, думаешь, что этого не будетъ, но я анаю, что будетъ, и говорю тебѣ, что будетъ. Предупреждаю тебя, что я не терплю несчастныхъ женъ, что я твердо рѣшился гнать ихъ. Смотри же, не приходи съ жалобами ко-мнѣ. У тебя будутъ дѣти—сыновья, они подростутъ; станутъ негодяями; будутъ бѣгать боконогіе по улицамъ. Помни же, моя милая! Я обвиню ихъ безъ дальнихъ размышлений, всѣхъ, ибо я твердо рѣшился гнать мальчишекъ, бѣгающихъ безъ сапогъ по-улицамъ. Мужъ

твой, можетъ быть умереть въ молодости (и очень вѣроятно) и оставить тебя съ груднымъ младенцемъ на рукахъ. Тебя согнать съ квартиры, и ты пойдешь шататься по-улицамъ. Смотри, не попадайся мнѣ на глаза, душа моя, ибо я нетерплю шатающихся матерей, и намѣренъ гнать ихъ. И недумай у меня оправдываться болѣзнію, или дѣтьми, ибо я намѣренъ гнать всѣхъ больныхъ и дѣтей, (надѣюсь, что ты знаешь законъ Божій, но боюсь, что едва ли!) А если ты возымѣешь отчаянную, неблагодарную, безбожную, воровскую мысль утопиться, или удавиться, не пожалѣю я тебя, ибо я твердо рѣшился преслѣдовать всякое самоубійство. Если я на что-либо твердо рѣшился,» продолжалъ альдерманъ съ самодовольною улыбкою, «такъ именно на преслѣдованіе самоубійства. Такъ ужъ лучше и не пытайся. Понимаешь! ха, ха, ха! Мы теперь другъ друга знаемъ!»

Тоби незналъ, радоваться ли ему или огорчаться, увидѣвъ, что Мегъ поблѣднѣла, какъ полотно, и оставила руку жениха.

«Чтожь до тебя, негодяй,» продолжалъ альдерманъ, обращаясь еще съ большею веселостію и любезностію къ молодому кузнецу, «ну что тебѣ вздумалось жениться? какая тебѣ нужда жениться, глупая башка! Да будь я такой молодой, красивый, здоровый парень, я бы постыдился быть такимъ молокососомъ, навязывать себѣ жену, чтобы на помочахъ водила! Подумай только; вѣдь она уже будетъ старуха, когда ты будешь только въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ! И хорошъ ты будешь тогда, таща вездѣ за собою, куда ни пойдешь, шлюху - жену и дюжину плаксивыхъ и крикливыхъ ребятишекъ!»

О, мастеръ былъ осмѣять простой народъ — альдерманъ Кьютъ!

«Ну, теперь, ступай съ Богомъ,» сказалъ альдерманъ и пожайся. Не дурячь себя, не женись въ новый годъ. Повѣрь мнѣ, не успѣешь дожить до другаго новаго года, а ужъ со всѣмъ не то будешь говорить: жениться! такому молодцу, на котораго всѣ дѣвки глаза таращатъ. Ну, ступайте, съ Богомъ!»

Оба ушли вмѣстѣ, но уже не рука объ руку, не рука въ рукѣ, и несмотря другъ на друга свѣтлыми глазами; она пошла въ слезахъ, а онъ, сердито и уныло повѣсивъ голову.

Неужели это были тѣ-же сердца, которыя не-задолго перedyтѣмъ вырвали изъ уныніа старое сердце Тоби? Нѣтъ, нѣтъ, альдерманъ (пошли ему Богъ здоровье) разрушилъ счастье этихъ сердець.

«Кстати, коли ты здѣсь,» сказалъ альдерманъ, обращаясь къ Тоби, «снеси мнѣ записку. Да не можешь ли поскорѣе? Ты уже старъ становишься.»

Тоби безсмысленно смотрѣвшій до-сихъ-поръ на удаляющуюся дочь, успѣшилъ пробормотать что-то о своей необыкновенной скорости и силѣ.

«А сколько тебѣ лѣтъ, старина?» спросилъ альдерманъ.

«Уже седьмой десятокъ, сударь,» отвѣчалъ Тоби.

«О, старикъ уже выжилъ изъ памяти,» подхватилъ г. Файлеръ, какъ будто терпѣніе его подвергалось невыносимой пытке, и будто послѣднее уже превышало его силы.

«Я вижу, что я лишній, сударь,» сказалъ Тоби; «я — уже помышлялъ о томъ нынче утромъ. — Боже, Боже мой—.»

Альдерманъ прервалъ его слова, подавъ ему письмо, которое вынулъ изъ кармана. Онъ хотѣлъ-было также дать Тоби шиллингъ; но г. Файлеръ ясно доказалъ ему, что Тоби такимъ образомъ обкрадетъ извѣстное число людей по столько-то съ души; почему онъ и получилъ только шесть пенсовъ; и радъ-радехонекъ былъ, что получилъ хоть это.

Альдерманъ подалъ руки своимъ пріятелямъ, и важно пошелъ съ ними; но тотчасъ же прибѣжалъ назадъ, какъ будто что-нибудь забылъ.

«Эй, разнощикъ!» сказалъ альдерманъ.

—«Что прикажете?» спросилъ Тоби.

«Ты, смотри, не спускай глазъ съ дочери. Она, братъ, слишкомъ хороша.»

«Ужъ и красоту-то свою она не украли ли у кого!» подумалъ Тоби, разсматривая шесть пенсовъ на ладони, и припоминая давшіе рубцы. «Навѣрное у пяти сотъ барынь обобрали по цвѣточку! Боже, Боже мой, ужасно подумать!»

«Слишкомъ хороша, старикъ,» повторилъ альдерманъ. «Ужъ надо ждать, что добромъ не кончить! ужъ я это знаю. Помни слова мои; не спускай съ нея глазъ!» Съ этими словами онъ ушелъ и успѣшилъ нагнать своихъ друзей.

«Во-всемъ неправы, кругомъ неправы!» сказалъ Тоби, сжавъ руки. «Рождены на зло; незачѣмъ намъ жить!»

Въ это мгновеніе колокола слили звонъ свой съ его словами. Громко, звучно, но — уже не объ утѣшеніи. Нѣтъ, въ нихъ уже ни ползвучка небыло утѣшенія.

«Звонъ уже не тотъ,» сказалъ старикъ, прислушиваясь къ колоколамъ.—Въ немъ нѣтъ уже и слова о томъ, что слышалось мнѣ прежде. Да и къ чему бы имъ говорить о радости? Какое мнѣ дѣло до новаго года, или до стараго? онъ не для меня! Мнѣ бы только сложить свою головушку!»

А колокола между тѣмъ звонили, звонили, такъ, что воздухъ дрожалъ. «Гнать ихъ, гнать ихъ! Старина, старина, золотое время! Числа и факты! числа и факты! Гнать ихъ! гнать ихъ!» Если они что-нибудь говорили, то нѣтъ сомнѣнія, что говорили именно эти слова, и до-тѣхъ-поръ, пока у Тоби затрещала голова.

Онъ сжалъ горячую голову обѣими руками, будто боясь, чтобы она не разлетѣлась. — И въ добрый часъ! почувствовавъ въ одной рукѣ письмо, онъ вспомнилъ о данномъ ему порученіи, и бессознательно пустился въ иноходъ, отыскивать назначеннаго дома.

## ВТОРАЯ ЧЕТВЕРТЬ.

Письмо, которое Тоби получилъ отъ альдермана Кьюта, было адресовано къ одному важному человѣку, въ большой части города; въ самой большой части города. Должно быть, это была самая большая часть города, потому-что жители ея, называли ее обыкновенно — большимъ свѣтомъ.

Письмо въ рукѣ Тоби казалось несравненно тяжелѣе всякаго другаго письма. Не потому, что альдерманъ запечаталъ его огромнымъ гербомъ и не пожалѣлъ сургуча, а по-полновѣ-

ности имени, стоявшего на адресѣ, и по горамъ золота и серебра, связывавшихся съ этимъ именемъ.

«Не то, что мы!» подумалъ Тоби простодушно, разсматривая адресъ. «Раздѣли всѣхъ черепахъ, что ни есть на свѣтѣ, на число господъ, могущихъ ихъ покупать, и онъ возьметъ только свое собственное, а не станетъ отнимать у людей рубцовъ, — куда ему!»

И съ глубокимъ почтениемъ, подобающимъ такой высокой особѣ, Тоби вложилъ кончикъ своего передника между письмомъ и своими пальцами.

«А его дѣти,» продолжалъ Тоби, и глаза его отуманились; «его дочери — знатные вельможи будутъ къ нимъ свататься и женятся на нихъ; имъ можно быть счастливыми женами и матерями; имъ можно быть красавицами, какъ моя милая М..... —»

Онъ немогъ досказать ея имени. Послѣдняя буква разбухла у него въ горлѣ чуть не въ цѣлую азбуку.

«Ну, да все равно,» подумалъ Тоби, «я знаю, о чемъ говорю. И будетъ съ меня.» И съ этою утѣшительною мыслью продолжалъ путь своею обычною иноходью.

День былъ морозный, воздухъ чистый, сухой и рѣзкій. Зимнее солнце, хотя и немогло согрѣвать, свѣтло смотрѣло на ледъ, который оно безсильно было растопить, и рисовало на немъ яркіе вѣнцы. Въ другое время Тротти прочелъ бы въ зимнемъ солнцѣ наставленіе бѣднымъ людямъ; но теперь ему было не до того.

Въ этотъ день былъ старѣй годъ. Терпѣливый годъ вынесъ всѣ упреки и оскорбленія своихъ клеветниковъ, и добросовѣстно исполнилъ свое дѣло. Весна, лѣто, осень, зима. Годъ прошелъ опредѣленный кругъ, и нынче склонялъ усталую голову, чтобъ умереть. Самъ незнавъ ни надеждъ, ни стремлений, ни счастья, но бывъ для многихъ вѣстникомъ счастья, онъ подъ старость взывалъ къ людямъ, чтобы вспомнили они его дни труда в часы терпѣнія, и дали ему умереть въ покоѣ. Тротти могъ бы въ удающемся годѣ прочесть исторію бѣдняка; но ему ужъ было не до того.

И онъ ли одинъ не заботился объ этомъ? Слыхано ли подобное воззваніе разомъ отъ семидесяти лѣтъ, налегшихъ на

плеча бѣднаго англійскаго хлѣбопашца; и разумѣется—воззваніе тщетное!

Улицы кипѣли движеніемъ, лавки были пестро разубраны. Всѣ ожидали новаго года, будто младенца — наслѣдника всего міра, и ждали его съ поздравленіями, подарками и весельемъ. Къ новому году готовятъ книги и игрушки, къ новому году припасаютъ богатые уборы, къ новому году шьютъ новые наряды; къ новому году строятъ новые планы будущаго богатства, придумываютъ средства провести его въ удовольствіи. Жизнь его разобрана по календарямъ и карманнымъ книжкамъ; появленіе его лунъ и звѣздъ, опредѣлены впередъ до послѣдней минуты; всѣ измѣненія его погоды, и днемъ и ночью, исчислены съ такою же точностію, съ какою г. Файлеръ дѣлалъ свои исчисленія о душахъ мужеска и женска пола.

Новый годъ, новый годъ! повсюду новый годъ! На старыи годъ уже смотрять, какъ на трупъ; его вещи уже продаются вполцѣны, какъ имущество утонуваго матроса на кораблѣ. Его моды считаются уже прошлогодними и отлаются за ничто, прежде-чѣмъ онъ успѣлъ испустить послѣднее дыханіе. Всѣ сокровища его стали одною грязью, противъ богатствъ не родившагося еще его преемника!

Тротти, по его мнѣнію, небыло никакого дѣла ни до новаго года, ни до стараго.

«Гнать ихъ, гнать ихъ, числа и факты, числа и факты, золотое было время, славное было время, гнать ихъ, гнать ихъ,» вотъ подъ какой прищѣвъ ступалъ своею иноходью Тротти и никакого другаго онъ не хотѣлъ ни слышать, ни слушать.

Но и подъ этотъ прищѣвъ, какъ онъ ни былъ грустенъ, онъ достигъ въ надлежащую пору, цѣли своего похода, дома сира Джозефа Боулея, члена парламента.

Швейцаръ отперъ дверь. И что за швейцаръ! не Тоби чести! Совсѣмъ другое дѣло. Хотя онъ также служилъ за деньги, однакоже его служба была совсѣмъ не то, что служба Тоби.

Этотъ швейцаръ долго немогъ вымолвить слова, ибо онъ совершенно запыхался отъ того, что неосторожно всталъ съ гресель, не давъ себѣ сначала одуматься и приготовиться. Допыскавшись наконецъ голоса, — на что требовалось довольно

много времени, потому-что голосъ его былъ упрятанъ далеко, подъ огромнымъ количествомъ мяса, онъ спросилъ жирнымъ хрипомъ:

«Отъ кого?»

Тоби сказалъ отъ кого.

«Подай самъ,» сказалъ швейцаръ, указывая на комнату, находившуюся въ концѣ длиннаго корридора, примыкавшаго къ сѣнямъ. «Сегодня всё входятъ сами въ кабинетъ. Ты пришелъ только-что въ пору; карета уже у подъѣзда, господа нарочно приѣхали въ городъ, часа на два.»

Тоби тщательно вытеръ ноги (которыя давно уже успѣли высохнуть), и пошелъ по указанному пути, и дивился дорогою богатству и великолѣпію дома; только чахлы вездѣ доказывали, что хозяева въ своихъ помѣстьяхъ. Онъ постучался въ дверь; изнутри ему велѣли войти; онъ вошелъ и очутился въ обширной комнатѣ, обставленной шкафами съ книгами, за столомъ, заваленнымъ свертками и кипами бумаги, сидѣла преважная госпожа въ шляпѣ; одинъ не слишкомъ важный господинъ, весь въ черномъ, сидѣлъ противъ нея и писалъ, что она ему диктовала; а другой господинъ, гораздо старше и гораздо важнѣе перваго, и котораго шляпа и палка лежали на столѣ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, заложивъ руку за пазуху, и отъ времени до времени самодовольно смотрѣлъ на собственный свой портретъ, во весь ростъ, висѣвшій надъ каминомъ.

«Что такое?» сказалъ важный господинъ. «Господинъ Фишъ, потрудитесь принять!»

Г. Фишъ извинился, принялъ письмо отъ Тоби, и почтительно передалъ его важному господину.

«Отъ альдермана Кьюта, сиръ Джозефъ.»

«И все? болѣе ничего тебѣ не приказано, разнощикъ?» спросилъ сиръ Джозефъ.

Тоби отвѣчалъ отрицательно.

«Нѣтъ ли у тебя счета или какой либо претензіи на меня? меня зовутъ Боулей, сиръ Джозефъ Боулей; отъ кого и какава бы ни была? нѣтъ?» спросилъ сиръ Джозефъ. «Если есть, подай сюда. Вотъ у г. Фиша подъ рукою расчетная книга. Я не позволю ни какихъ расчетовъ переносить на новый годъ. Всякіе расчеты въ моей конторѣ должны быть очищены до ис-

теченія стараго года. Такъ что, если-бы смерть печально пре — пре —»

«Прекратила,» подхватила г. Фишъ.

«Пресѣкла, сударь,» возразилъ сиръ Джозефъ сурово, «пресѣкла нить моея жизни — я надѣюсь, что дѣла мои будутъ найдены въ совершенномъ порядкѣ.»

«Помилуйте, сиръ Джозефъ!» подхватила госпожа, которая была гораздо моложе важнаго господина. «Какъ можно такъ пугать меня!»

«Миледи Боулей,» возразилъ сиръ Джозефъ, будто тронутый глубокими своими размышленіями, «въ это время года намъ всѣмъ должно бы подумать о — о — себѣ самихъ. Намъ всѣмъ должно бы вникнуть въ свои — въ свои — расчеты. Каждый долженъ бы подумать, что каждое возвращеніе этой важной эпохи въ человѣческихъ дѣйствіяхъ, влечетъ за собою самыя важныя расчеты между человѣкомъ его — и его банкомъ.»

Сиръ Джозефъ говорилъ все это, будто вполне проникнутый глубокимъ нравственнымъ значеніемъ своихъ словъ; и желалъ дать Тротти случай выслушать это правоучительное разсужденіе, и тѣмъ содѣйствовать его усовершенствованію. Немудрено, что онъ за тѣмъ именно такъ долго не взламывалъ печати и приказалъ Тротти подождать минутку.»

«Вы приказывали г. Фишу написать, — миледи» — замѣтила сиръ Джозефъ, обращаясь къ женѣ.

«Г. Фишъ, кажется, уже написалъ,» возразила важная госпожа, взглянувъ въ письмо. «По чести, сиръ Джозефъ, я едва ли могу на это согласиться. Ужасно дорого обойдется.»

«Что дорого обойдется?» спросилъ сиръ Джозефъ.

«Да это благотворительное заведеніе, душа моя. Даютъ только два голоса на пять фунтовъ стерлинговъ взносу. Ей-Богу ужасно!»

«Миледи Боулей,» возразилъ сиръ Джозефъ, «вы изумляете меня. Неужели блаженство души зависитъ отъ числа голосовъ? Не соразмѣрно ли оно скорѣе, для благомыслящаго человѣка, числу обращающихся къ нему, и благодѣтельному вліянію его на ихъ души? Развѣ нѣтъ наслажденія, и самаго чистаго и высокаго наслажденія въ возможности располагать двумя голосами между пятидесяти лицъ?»

«Это счастье не по мнѣ, признаюсь откровенно,» отвѣчала леди Боудей. «Скука смертная; и притомъ нельзя услужить знакомому. Впрочемъ, сирь Джозефъ, вы вѣдь другъ бѣдныхъ людей; вы разсуждаете совсѣмъ иначе.»

«Да, я другъ бѣдныхъ,» возразилъ сирь Джозефъ, оглядываясь на присутствующаго бѣдняка, «Я могу за то подвергаться многимъ насмѣшкамъ; и не разъ подвергался за то насмѣшкамъ; но я нехочу никакого другаго званія, никакой другой почести.»

«Боже мой, что за добрая, прекрасная душа у этого господина!» подумалъ про себя Тротти.

«Въ настоящемъ случаѣ, на-примѣръ, я не согласенъ съ альдерманомъ Кьютомъ,» продолжалъ сирь Джозефъ, указывая на письмо, которое держалъ въ рукѣ. «Я несогласенъ съ партією Файлера. Я несогласенъ ни съ какою партією. Моимъ друзьямъ, бѣднымъ людямъ, нѣтъ никакого дѣла до этихъ господъ и подобныхъ имъ; и имъ нѣтъ дѣла до бѣдныхъ. Мои друзья — бѣдные люди, въ моей части города они имѣютъ дѣло со мною; они мое дѣло. Никакое лицо, и никакое общество не имѣетъ права возставать между моими друзьями и мною. Я поставилъ себя на такую ногу. Я хочу быть — отцомъ моему другу. Я говорю ему, пріятель, я буду обращаться съ тобою какъ отецъ.»

Тоби слушалъ съ глубокимъ вниманіемъ, ему становилось легче на сердцѣ.

«Ты имѣи дѣло со мной однимъ, любезный другъ,» продолжалъ сирь Джозефъ, вперивъ разсѣянные взоры на Тоби; «во всю жизнь имѣи дѣло со мной однимъ; и уже не заботься болѣе ни о чемъ. Я позабочусь о тебѣ; я знаю, что тебѣ полезно; я всегда буду тебѣ отцемъ. Такъ ужъ опредѣлило премудрое Провидѣніе! Ты не загѣмъ созданъ на свѣтъ, чтобы тебѣ напиваться и наѣдаться, не загѣмъ, чтобы тебѣ, какъ скоту, искать удовольствія и блаженства въ питьѣ и ѣдѣ,» — Тоби со стыдомъ и прискорбіемъ вспомнилъ давнишніе рубцы «а за гѣмъ, чтобы чувствовать достоинство труда; ступай же съ поднятымъ челомъ на свѣжій утренній воздухъ, и — и тамъ — тамъ подожди. Живи въ трудолюбіи и воздержности, будь почитателемъ, жертвой собою для блага ближняго, воспитай свою семью почти ни съ чѣмъ, плати свои повинно-

сти такъ же исправно, какъ бьютъ часы, будь исправенъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ (я подаю тебѣ въ томъ примѣръ; во всякое время застанешь ты моего повѣреннаго секретаря г. Фиша передъ кассою; — и ты всегда найдешь во мнѣ друга и отца.)»

«Хороши дѣти, сирѣ Джозефъ, нечего сказать!» замѣтила леди Боулей, содрогаясь. «Ревматизмы, лихорадки, кривыя ноги, одышки, и всякія другія мерзости! Хороши дѣти!»

«Миледи,» возразилъ сирѣ Джозефъ торжественно, тѣмъ не менѣе я буду отцемъ и другомъ бѣдныхъ людей. Тѣмъ не менѣе услышитъ бѣднякъ отъ меня при каждомъ случаѣ ободрительное слово. Каждую треть можетъ онъ повидаться съ г. Фишомъ. Въ каждый новый годъ буду я съ пріятелями пить здоровье бѣдныхъ. Разъ въ годъ, я и мои пріатели будемъ говорить имъ изъ души выливающуюся рѣчь. Одинъ разъ въ своей жизни, онъ можетъ быть получить, — всенародно, въ присутствіи всего общества, — бездѣлицу отъ друга. А когда, не поддерживаемый болѣе этими побужденіями, — и достоинствомъ труда, бѣднякъ сойдетъ въ свою покойную могилу, — тогда, миледи, — тутъ сирѣ Джозефъ высморкалъ носъ, — «я буду — точно такъ же — отцемъ и другомъ — его дѣтямъ.»

Тоби былъ сильно тронутъ.

«О, что за благодарная будетъ у васъ семья, сирѣ Джозефъ!» воскликнула жена.

«Миледи,» отвѣчалъ сирѣ Джозефъ, еще торжественнѣе прежняго, «всѣмъ извѣстно, что неблагодарность — порокъ этого сословія. Я не жду благодарности!»

«Ахъ, мы рождены на зло!» подумалъ Тоби. «Насъ не переродить!»

«Что можетъ сдѣлать человѣкъ, то я дѣлаю,» продолжалъ сирѣ Джозефъ. «Я исполняю долгъ свой, долгъ друга и отца бѣдныхъ; я стараюсь воспитать ихъ души, повторяя имъ при каждомъ случаѣ единственное, великое правоученіе, потребное этому классу, то есть, упованіе на меня. Имъ нѣтъ никакой надобности заботиться — заботиться о—о себѣ. Если злонамѣренные люди будутъ внушать имъ противное, и они станутъ изъяслять нетерпѣніе и роптать, и очернять себя непокорностью и гнусною неблагодарностью, — и нѣтъ сомнѣнія, что

такъ будетъ, — я все-таки останусь ихъ другомъ и отцомъ. Такъ опредѣлено свыше. Это въ природѣ вещей.»

И съ этимъ трогательнымъ размышленіемъ, онъ вскрылъ письмо альдермана, и прочелъ его.

«Вотъ что мило и любезно, ей-Богу!» воскликнулъ сирь Джозефъ «Миледи, альдерманъ Кьютъ пишетъ, что не разъ имѣлъ лестное удовольствіе — какъ въжливю! — встрѣчаться со мною у нашего общаго знакомаго, банкира Дидльза и спрашиваетъ меня, угодно ли мнѣ будетъ, если онъ арестуетъ Вильяма Ферна.»

«И очень угодно!» подхватива леди Боулей. «Негодий изъ негодяевъ! Вѣрно схваченъ за воровство?»

«Нѣтъ, кажется,» отвѣчалъ сирь Джозефъ, и снова сталъ перечитывать письмо. «Не совсѣмъ такъ. Впрочемъ, почти такъ, но не совсѣмъ. Онъ пришелъ въ Лондонъ, какъ кажется, искать работы (хотѣлъ видно исправиться, — должно быть такъ), найдетъ ночью спящимъ, въ хлѣбѣ, взять подъ стражу и на слѣдующій день представленъ альдерману. Альдерманъ говоритъ, что рѣшился прекратить это бродяжничество (такъ и надо!), и что если мнѣ будетъ угодно, — чтобы Вильямъ Фернъ былъ наказанъ, то ему весьма пріятно будетъ начать съ него.»

«Его непременно должно наказать, въ примѣръ другимъ,» сказала леди Боулей. «Прошлой зимою, когда я хотѣла ввести между крестьянами филейную работу, чтобы занять ихъ по-вечерамъ, и заказала для нихъ хорошую правоучительную пѣсню, чтобы имъ пѣть ее за работою, этотъ самый Фернъ — я теперь будто вижу его — приложилъ руку къ шляпѣ, и говоритъ мнѣ: извините меня, ваша милость, но сдастся мнѣ, что мы не взрослые дѣвки? Разумѣется, я того и ждала; чего же ждать отъ этого класса людей, какъ не грубостей и неблагодарности? Впрочемъ, не въ томъ дѣло. Сирь Джозефъ! покажите его въ примѣръ другимъ!»

«Гм!» кашлянулъ сирь Джозефъ. «Г. Фишъ потрудитесь написать.»

Г. Фишъ немедленно схватилъ перо и сталъ писать подъ диктовку сира Джозефа.

«Секретно. Милостивый государь, я весьма вамъ признателенъ, за ваше любезное вниманіе ко мнѣ, въ дѣлѣ Вильяма

Ферна, о которомъ, къ крайнему моему прискорбію, я ничего не могу сказать въ пользу его. Я всегда считалъ себя его другомъ и отцомъ, и онъ отплатилъ мнѣ (хотя и прискорбно, но должно сознаться, что такъ обыкновенно водится,) неблагодарностью, и постояннымъ сопротивленіемъ моимъ планамъ. Онъ человѣкъ безпокойный и непокорный. Справки о его нравѣ не могутъ быть ему благопріятны. Ничѣмъ не убѣдишь его наслаждаться своимъ счастіемъ, даже когда онъ можетъ быть счастливъ. Въ такихъ обстоятельствахъ, я полагаю, что когда онъ снова явится къ вамъ (вы изволите мнѣ писать, что онъ обѣщалъ явиться къ вамъ завтра къ допросу, а на его обѣщаніе въ этомъ случаѣ можно положиться), заключеніе его на короткое время въ тюрьму за бродяжничество будетъ весьма полезно обществу и послужитъ спасительнымъ примѣромъ въ странѣ, гдѣ — для блага тѣхъ, которые и въ хорошихъ и въ дурныхъ обстоятельствахъ считаютъ себя друзьями и отцами бѣдныхъ, а равно и для блага означеннаго заблудшаго сословія — такіе примѣры строгости правосудія необходимы. Имѣю честь быть, и проч.

«Кромѣ всѣхъ шутокъ,» замѣтилъ сиръ Джозефъ, подписавъ письмо, и пока г. Фишъ его запечатывалъ, «это будто опредѣлено Провидѣніемъ. Передъ истеченіемъ года, очищаю я всѣ расчеты даже съ Вильямомъ Ферномъ!»

Тротти, который давно уже снова погрузился въ свою прежнюю печаль и уныніе, вышелъ впередъ съ недовольнымъ лицомъ, чтобы взять письмо.

«Кланяйся и благодари,» сказалъ сиръ Джозефъ. «Погоди!» «Погоди!» повторилъ за нимъ г. Фишъ.

«Ты вѣроятно слышалъ,» сказалъ сиръ Джозефъ, съ торжественностью оракула, «въкоторыя мои размышленія относительно торжественнаго времени, въ которое мы вступаемъ, и объ обязанности, лежащей на каждомъ, привести въ порядокъ свои дѣла, и готовиться къ новому періоду жизни. Ты вѣроятно замѣтилъ, что я самъ не укрываюсь отъ того за своимъ высокимъ положеніемъ въ обществѣ; но что г. Фишъ — вотъ этотъ господинъ — держитъ передъ собою расчетную книгу, и находится здѣсь за тѣмъ, чтобы дать мнѣ возможность перевернуть бѣлый листъ, и вступить въ наступающій годъ съ чистыми сче-

тами. А ты, любезный, можешь ли положить руку на сердце и сказать, что и ты также приготовился къ новому году?»

«Боюсь, сударь,» пробормоталъ Тротти, умильно взглянувъ на него, «что мои расчеты немного — позапущены.»

«Расчеты запущены!» повторилъ сиръ Джозефъ Боулей, ужасно внятнѣмъ голосомъ.

«Я кажется, ваша милость,» бормоталъ Тоби, «остаюсь еще долженъ шиллинговъ десять или двѣнадцать г-жъ Чикензтокеръ!»

«Г-жъ Чикензтокеръ!» повторилъ сиръ Джозефъ, тѣмъ же убійственнымъ тономъ.

«Да сударь; она держитъ мелочную лавку, — изъ самыхъ простыхъ. Да еще остается за мною бездѣлица изъ повинностей. Самая малость, сударь, самая малость. Я знаю сударь, что я долженъ бы все выплатить въ срокъ; но тяжкое время насъ одолѣло; ей-Богу, сударь, такъ!»

Сиръ Джозефъ два раза осмотрѣлъ поочередно жену, г. Фиша и Тротти. Потомъ онъ съ отчаяніемъ махнулъ обѣими руками, будто теряя всякую надежду исправить этого человѣка.

«Какъ человѣкъ, хотя даже изъ этого неосмотрительнаго, непокорнаго класса, но человѣкъ старѣй, человѣкъ сълой, можетъ смотреть въ глаза новому году, не устроивъ своихъ дѣлъ? какъ можетъ онъ ночью ложиться въ постель, и вставать съ нею утромъ, когда.... Вотъ!» продолжалъ онъ, обернувшись къ Тротти спиною, «вотъ, возьми письмо, возьми!»

«Мнѣ самому, сударь, прискорбна моя неисправность,» сказалъ Тротти, стараясь оправдаться. «Но время для насъ было такое тяжелое!»

Сиръ Джозефъ все твердилъ: «возьми письмо, возьми!» а г. Фишъ, не только повторялъ за нимъ тоже самое, но далъ еще большую силу своему приказанію, толкнувъ бѣдняка въ дверь; несчастному оставалось только откланяться и выйти изъ дому. Вышедъ на улицу, бѣдный Тротти надвинулъ на глаза свою старую, изношенную шляпенку, чтобы скрыть печаль, которую возбуждала въ немъ мысль, что съ какой стороны онъ не сунется, никакъ не дается ему новый годъ.

И не приподнялъ онъ даже шляпы, чтобы взглянуть на колокольню, когда снова подошелъ къ старой церкви по привычкѣ. Онъ остановился у нея на минуту. Онъ зналъ, что уже

начало смеркаться, и что колокольня рисовалась надъ нимъ слабо и неясно въ туманномъ воздухѣ. Зналъ также, что колокола тотчасъ зазвонятъ, и что въ воображеніи его, въ такую пору, они обыкновенно говорили, будто голоса на облакахъ. Но онъ тѣмъ болѣе еще поспѣшилъ отнести альдерману письмо, и удалиться отъ колоколовъ, пока они еще не заговорили; онъ боялся, что къ рѣчи, которую они отзванивали напередъ, они еще пожалуй прибавятъ вмѣсто припѣва. «Отцы и друзья, отцы и друзья.»

По этому Тоби со всевозможною поспѣшностью исполнилъ порученіе и отправился виходя домой. Но такъ—какъ виходя его была довольно неудобна для хожденія по улицамъ, надвинутая же на глаза шляпа, нисколько ея не поправляла, то онъ не успѣлъ и оглянуться, какъ набѣжалъ на какого—то прохожаго, и отлетѣлъ на самую середину мостовой.

«Извините,» сказалъ Тротти, снимая шляпу въ смущеніи, и завязнувъ головою между шляпою и взорванной подкладкою, будто въ пчелиномъ ульѣ. «Извините; не ушибъ ли я васъ?»

Тоби немного ошибался, когда думалъ, что могъ ушибить прохожаго; новый Самсонъ, скорѣе самъ ушибся, когда полетѣлъ на мостовую, какъ мячъ отъ волана. Однако же онъ имѣлъ такое повятіе о собственной своей силѣ, что очень серьезно беспокоился о незнакомцѣ, и въ другой разъ спросилъ его:

«Не ушибъ ли я васъ?»

Человѣкъ, на котораго онъ набѣжалъ, человѣкъ загорѣлый, плечистый, съ просядью на головѣ, съ обросшымъ подбородкомъ, пристально поглядѣлъ на него, будто стараясь разгадать, не дурачить ли онъ его. Но убѣдившись въ его искренности, онъ отвѣчалъ.

«Нѣтъ, любезный, не ушибъ.»

«А ребенка не ушибъ ли?» сказалъ Тротти.

«И ребенка не ушибъ,» отвѣчалъ незнакомецъ. «Спасибо, любезный, спасибо.»

Говоря это, онъ взглянулъ на дѣвочку, спавшую у него на рукахъ; и закрывъ лицо ея длиннымъ концомъ платка, повязаннаго вокругъ его шеи, онъ медленно продолжалъ путь.

Выраженіе, съ которымъ онъ произнесъ это, «спасибо любезный, спасибо,» тронуло Тоби до глубины души. Онъ былъ

такъ изнуренъ и разбитъ хольбою, такъ запыленъ своимъ дальнимъ странствіемъ, чувствовалъ себя такимъ одинокимъ среди чуждой ему толпы, что ему было утѣшеніемъ сказать человеку спасибо, за какую бы то ни было ничтожную услугу. Тоби остановился и сталъ смотреть ему вслѣдъ, когда онъ медленно продолжалъ свой тяжелый путь, съ ребенкомъ, обвинившимъ рученку свою вокругъ его шеи.

И долго стоялъ Тоби и смотрѣлъ на путника; и ничего не видѣлъ онъ вокругъ себя на улицѣ, кромѣ усталаго странника, его изношенной обуви, или скорѣе тыни обуви на его ногахъ, его грубаго кожаннаго исподняго платья, его грубаго камзола, надвинутой на глаза шляпы съ широкими полями, и рукъ ребенка, обвинившій его шею.

Прежде, чѣмъ даль и темнота успѣли скрыть его изъ глазъ Тротти, путникъ остановился, обернулся назадъ, и видя, что Тротти все еще стоитъ на мѣстѣ, повидимому колебался, вернуться ли ему назадъ, или идти далѣе. Послѣ продолжительнаго колебанія, онъ наконецъ воротился; а Тротти пошелъ ему навстрѣчу.

«Вы вѣрно знаете», сказалъ незнакомецъ, съ грустною улыбкою, «а если знаете, то вѣрно не откажете показать мнѣ, мнѣ не такъ трудно обратиться къ вамъ, какъ къ кому другому, — гдѣ живетъ алдерманъ Кьютъ.»

«Въ двухъ шагахъ отсюда», отвѣчалъ Тоби; «я съ удовольствіемъ покажу вамъ его домъ.»

«Мнѣ слѣдовало видѣться съ номъ завтра въ другомъ мѣстѣ», сказалъ незнакомецъ, или рядомъ съ Тоби, «но меня тяготитъ подозрѣніе, я хочу оправдаться, и потомъ быть воленъ идти искать себѣ хлѣба — самъ незнаю гдѣ. Поэтому надѣюсь, что онъ извинитъ меня, если я пойду къ нему теперь.»

«Быть не можетъ!» воскликнулъ Тоби въ изумленіи; «неужели вы Фернъ!»

«Какъ?» отвѣчалъ другой, обращаясь къ нему съ изумленіемъ.

«Фернъ! Вильямъ Фернъ!» повторилъ Тротти.

«Да, меня зовутъ Вильямомъ Ферномъ,» отвѣчалъ незнакомецъ.

«Если такъ,» сказала Тротти, схвативъ его за руку, и осторожно осматриваясь вокругъ себя, «ради самого Бога, не ходите къ нему! не ходите къ нему! Онъ посадитъ васъ въ тюрь-

му, такъ же вѣрно, какъ то, что мы оба съ вами живы. Пои-  
дите по этому переулку, тамъ я вамъ объясню свои слова.  
Не ходите къ нему!»

Новый знакомецъ посмотрѣлъ на него, будто сомнѣвался,  
не сошелъ ли онъ съ ума; однако же пошелъ за нимъ. Когда  
они ушли изъ глазъ прохожихъ, Тоби разсказалъ ему, что зналъ,  
какой данъ о немъ отзывъ, и проч. и проч.

Фернъ слушалъ разсказъ съ спокойствіемъ, сильно взумив-  
шимъ Тротти. Онъ ни разу не противорѣчилъ ему, и даже не  
прерывалъ его. Только отъ времени до времени кивалъ  
головою, — и казалось болѣе въ подтвержденіе, чѣмъ въ опро-  
верженіе стараго, истасканнаго дѣла; и разъ или два откидывалъ  
онъ назадъ шляпу, и проводилъ пзсохшею рукою по-лбу, на  
которомъ, казалось, каждая провелеванная имъ по-полю борозда,  
оставила образъ свой въ маломъ вилѣ. И болѣе ничего.

«Это все отъ части правда,» сказалъ онъ наконецъ. «Я  
бы могъ тамъ и сямъ изъ мякины навѣять себя горсть зерна;  
да уже оставимъ это; дѣло въ томъ, что я не въ добрый часъ  
вздумалъ поперечить его видамъ. Что тутъ дѣлать, мнѣ себя  
не переродить, я завтра, пожалуй, съляю то же самое. Чтожъ  
касается поведенія нашего брата, то эти значительные люди  
пытаютъ, пытаются его, и требуютъ, чтобы на немъ небыло  
ни пятнышка, ни порошинки, прежде, чѣмъ скажутъ намъ го-  
лое доброе слово! Надо полагать, что имъ не такъ легко зама-  
рать свою добрую славу, какъ нашему брату: или они ведутъ  
такую каторжную жизнь, что и жить не стоитъ. Что до меня,  
никогда моя рука не брала того, что мнѣ не принадлежало; и  
никогда не отдергивалъ я ее отъ работы, какъ бы та работа ни  
была тяжела, и какъ бы мало не вознаграждалась. Даю ее на  
отсѣченіе тому, кто можетъ уличить меня во лжи! Но когда рабо-  
та не даетъ мнѣ возможности жить, какъ человѣку, когда голодъ  
преслѣдуетъ меня въ моей избѣ и внѣ ея; когда я вижу, что  
жизнь работника начинается трудомъ, и протекаетъ и угасаетъ  
въ томъ же трудѣ, безъ всякой надежды на счастье, или хоть на  
перемѣну, тогда я говорю зватымъ людямъ: оставьте меня въ  
покоѣ, не троньте моей хвигины: и такъ уже немного въ ней  
свѣта, не заслоняйте мнѣ остальваго. Не заманите вы меня въ  
свои усалбы, для украшенія праздника въ именины, или для  
увеселенія толпы слушателей, когда собираетесь говорить рѣчь,

или для чего бы то ни было. Разъигрывайте свои штуки безъ меня, забавляйтесь и наслаждайтесь себѣ ими на здоровье! Намъ другъ до друга нѣтъ никакого дѣла! Мнѣ лучше подальше отъ васъ!»

Замѣтивъ, что малютка у него на рукахъ открыла глаза, и съ недоуменіемъ осматривалась во-кругъ себя, онъ прервалъ свои жалобы, чтобъ шепнуть ей на ухо нѣсколько ласковыхъ, утѣшительныхъ словъ, и спустилъ ее подлѣ себя на землю. Потомъ медленно обвивая одну изъ длинныхъ костей ея кольцомъ на указательный палецъ, между тѣмъ какъ она жалась къ его запыленной ногѣ, онъ сказалъ Тротти:

«Я, кажется, отъ природы, человекъ не вздорливый; и довольствуюсь немногимъ, ей-Богу. Никому изъ нихъ не желаю зла: только хотѣлось бы мнѣ жить, какъ твари Божіей. Но я такъ жить немогу; а потому, между мною и тѣми, которые живутъ хорошо, — бездонная пропасть. И много найдется подобныхъ мнѣ. Ихъ перечесть развѣ сотнями и тысячами, а не по одиначкѣ.»

Тротти чувствовалъ, что онъ говорилъ правду, и только покачивалъ головою въ подтвержденіе его словъ.

«Этимъ я составилъ себѣ дурную славу», продолжалъ Фернъ, «и кажется едва ли когда ее поправлю. Законы-де запрещаютъ быть недовольнымъ, а я-де недоволенъ; чтожь дѣлать? Богъ мнѣ свидѣтель, что я самъ бы радъ быть веселъ и доволенъ. Незнаю, много ли бы меня обидѣлъ альдерманъ, посадивъ въ тюрьму; но если ни одинъ добрый человекъ не вступится за меня, онъ пожалуй меня посадитъ; а вы видите!» — и онъ указалъ пальцемъ на ребенка, шедшаго подлѣ него.

«Какое миленькое личико!» сказалъ Тротти.

«Да, миленькое!» возразилъ Фернъ вполголоса, вѣжно обирая объими руками къ себѣ головку, и вперивъ въ нее взоры. «Я не разъ думалъ объ этомъ; думалъ въ то время, когда небыло у меня дровъ въ печи, и хлѣба въ шкапу. Я думалъ объ этомъ наемливи ночью, когда насъ схватили, какъ воровъ. Но имъ — имъ не должно бы такъ часто терзать это бѣдное личико. И взрослому человеку трудно все это вынести!»

Онъ говорилъ послѣднія слова такъ тихо, и смотрѣлъ на

нее такъ странно и дико, что Тоби, желая дать другой оборотъ его мыслямъ, спросилъ: жива ли его жена!

«У меня и не бывало жены,» отвѣчалъ тотъ, качая головою. «Это дочь моего брата, сирота. Ей десятый годъ, хотя этому почти трудно повѣрить; но она теперь истощена усталостью и страданіемъ. Общество хотѣло было пріютить ее, въ 28 миляхъ отъ нашей деревни; да, между четырехъ стѣнъ, какъ пріютили они моего старика отца, когда онъ уже не въ силахъ былъ работать, (впрочемъ недолго онъ оставался у нихъ на рукахъ, царствіе ему небесное!); но я не хотѣлъ, взять ее къ себѣ, и съ-тѣхъ-поръ она живетъ у меня. У ея матери была когда-то пріятельница здѣсь, въ Лондонѣ. Мы пришли попытаться ее отыскать, а также посмотреть, не найду ли я себѣ работы; но въ такомъ обширномъ городѣ не скоро когонибудь отыщешь. Что за дѣло! просторнѣе намъ будетъ погулять, Лилли!»

При этихъ словахъ онъ встрѣтилъ глазки ребенка, съ улыбкою, тронувшею Тоби болѣе всякихъ словъ, онъ горячо пожалъ ему руку.

«Я незнаю даже вашего имени,» сказалъ Фернъ, «а открываю вамъ свое сердце; потому-что вы меня обязали, и я вамъ благодаренъ. Я послушаюсь вашего совѣта, и буду остерегаться этого.—»

«Судьи,» досказалъ Тоби.

«Судьи!» повторилъ Фернъ, «да, его называютъ судьей! Этого судьи. А завтра попытаюсь, не лучше ли мнѣ посчастливится гдѣ нибудь въ окрестностяхъ Лондона? Прощайте. Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!»

«Постойте!» вскричалъ Тротти, удерживая руку, которую тотъ уже хотѣлъ отнять. «Постойте! Новый годъ не можетъ принести мнѣ счастья, если мы разстанемся такимъ образомъ. Я не могу ждаль счастья отъ новаго года, если отпущу васъ съ ребенкомъ, позволю вамъ скитаться, сами не зная куда идти, и гдѣ искать себѣ крова. Пойдемте ко-мнѣ! Я человѣкъ бѣдный, живу бѣдно; но могу пріютить васъ на одну ночь, и мнѣ отъ того тяжелѣе не будетъ! Пойдемте; я понесу ее!» сказалъ Тротти, и взялъ ребенка на руки.» Какая хорошенькая! и какая леговыкая! пожалуй понесъ бы въ двадцать разъ тяжелѣе, и не почувствовалъ бы даже. Если я иду слишкомъ ско-

ро, скажите мнѣ. Я очень скоро хожу; всегда скоро ходилъ!» А между тѣмъ, шесть торопливыхъ шаговъ Тротти едва равнялись одному шагу усталаго его спутника; а тоненькія его ножки такъ и гнулись подъ тяжестью ребенка.

«Какая легонькая,» говорилъ Тротти, и слова его шли такою же поспѣшною пыхолью, какъ и ноги; ибо онъ не хотѣлъ, чтобы спутникъ благодарилъ его, и боялся замолчать на одно мгновеніе; «легче перышка, ей-Богу, гораздо легче павлинаго перышка, — гораздо легче. Вотъ мы сейчасъ дойдемъ, сейчасъ! У перваго поворота, дядя Уиль, направо мимо трубы, и тотчасъ на лѣво, прямо по переулку, что противъ трактира. Вотъ дойдемъ, сейчасъ дойдемъ. Черезъ улицу, дядя Уиль, мимо пироженка, что на углу! Мигомъ будемъ дома, мигомъ! волю ковшень, дядя Уиль, и остановитесь тутъ, у черной двери съ напильсю: «Тоби Векъ, разноситъ письма»; вотъ мы и дома, и дома, моя безцѣнная Мегъ, пришли пораловать тебя гостями!»

Съ этими словами Тротти, задыхаясь, поставилъ ребенка на полъ посреди комнаты, передъ дочерью. Малыжка робко взглянула въ лицо хозяйкѣ, и, ободренная ея ласковою улыбкою, доверчиво бросилась къ ней въ объятія.

«Вотъ мы и дома, вотъ мы и дома!» твердилъ Тротти, бѣгая во-кругъ комнаты, и пыхтя отъ усталости. «Дядя Уиль, вотъ и огонь разведенъ! что вы не присядете къ огню? Вотъ мы и дома, и дома! Мегъ, моя душа, гдѣ чайникъ? Вотъ мигомъ отгящемъ его, и оглянуться не успѣемъ, какъ онъ закипитъ!»

Тротти дѣйствительно въ своей бѣготнѣ натѣнулся гдѣ-то на чайникъ, и ставилъ его уже на огонь: между тѣмъ какъ Мегъ, усадивши малыжку въ теплое углу, стала передъ нею на колѣни, сняла ей башмачки и вытирала ей платкомъ ножки. И въ то же время улыбалась Тротти, — и такъ мило, такъ весело, что Тротти готовъ бы тутъ же на мѣстѣ благословить ее: ибо, когда онъ пришелъ домой, онъ замѣтилъ, что она сидѣла передъ огнемъ и плакала.

«Батюшка,» сказала Мегъ, «ты что-то сегодня разшумѣлся! Не знаю чтобы сказали на это колокола! — Бѣдныя ножки, какъ прозябли!»

«Теперь уже отогрѣлись!» отвѣчала малыжка, «уже совсѣмъ отогрѣлись!»

«Нѣтъ, нѣтъ,» возразила Мегъ, «мы недовольно еще потерели ихъ. Много еще, много вало ихъ потереть! А когда они совсѣмъ высохнутъ и отогрѣются, тогда мы причешемъ отсырѣвшіе волосы; а потомъ умоемъ блѣдное личико свѣжею водою, чтобы оно опять зарумянилось; а потомъ намъ будетъ весело, весело, весело!»

Малютка зарыдала, обвила рученками шею доброй Мегъ, гладила ее, и повторяла: «Мегъ, милая, добрая Мегъ!»

Къ чему тутъ и благословеніе Тоби? Какое благословеніе могло бы сравняться съ наввною благодарностью ребенка?

«Батюшка!» сказала Мегъ.

«Здѣсь моя душа, здѣсь; что прикажешь?»

«Боже милостивый!» отвѣчала Мегъ, «какой ты сегодня съумасшедшій, ей-Богу! посмотри, шляпку ребенка надѣлъ на чайникъ, а крышку повѣсилъ за дверью!»

«Не замѣтилъ, моя душа, не замѣтилъ,» сказалъ Тротти, спѣша поправить свою ошибку. «Мегъ, душа моя!»

Мегъ обернулась къ отцу, стоявшему за стуломъ гостя, и съ таинственными знаками показывавшему ей выработанные имъ шесть пенсовъ.

«Какъ я входилъ въ комнату,» продолжалъ Тоби, «я, кажется, видѣлъ гдѣ-то на лѣстницѣ, горсть чаю; да помнится мнѣ, что у насъ еще оставался кусочекъ сала. Неприпомню только, гдѣ я ихъ видѣлъ; пойду поищу.»

Съ этою непроницательною уловкою Тоби вышелъ, чтобы купить означенные предметы на наличныя деньги, у г-жи Чикензтокеръ; и воротившись черезъ нѣсколько минутъ, жаловался, что въ потьмахъ сначала никакъ немогъ ихъ отыскать.

«Однако же наконецъ я ихъ отыскалъ,» продолжалъ онъ, подавая чайный приборъ. «Теперь все на лицо! Я былъ увѣренъ, что у насъ былъ чай и кусокъ сала. Такъ и есть. — Послушай, душа моя Мегъ, сдѣлай чай, а я покамѣсть поджарю сало, и мигомъ все у насъ поспѣетъ. А странное дѣло,» продолжалъ Тротти, взявъ вилку и приступая къ работѣ, «въ самомъ дѣлѣ странное, но которое подтверждать всѣ мои знакомые; что я самъ нелюблю ни сала, ни чаю. Я люблю смотреть, какъ другіе съ наслажденіемъ ѣдятъ сало и пьютъ чай,» и онъ возвысилъ голосъ, чтобы это замѣчаніе не ушло отъ

вниманія гостя, «самъ же не люблю и никогда не употребляю ни того, ни другаго.»

А между тѣмъ, Тротти съ наслажденіемъ вдыхалъ запахъ кипящаго сала — какъ будто очень любилъ его; а наливая воды въ чайникъ, онъ съ любовью смотрѣлъ въ него, между тѣмъ какъ благовонный паръ щекотилъ его носъ и густымъ облакомъ обнималъ его голову и лицо. Несмотря на то, онъ ничего не ѣлъ и не пилъ; только сначала, ради формы, взялъ кусочекъ сала, который повидимому съѣлъ съ большимъ удовольствіемъ, хотя и увѣрялъ, что вовсе не вкусно.

Да, Тротти только смотрѣлъ какъ ѣли и пили Уиль Фернъ и Лиліанъ; также и Мегъ. И мы увѣрены, что никогда зрители при придворномъ или другомъ торжественномъ обѣдѣ не смотрѣли съ такимъ наслажденіемъ на пирующихъ, хотя бы даже за столомъ были одни цари, съ какимъ смотрѣли въ этотъ вечеръ наши добрые хозяева на своихъ ужинающихъ гостей. Мегъ улыбалась отцу; Тротти улыбался дочери. Мегъ кивала головой и показывала, будто бьетъ въ ладоши, въ одобреніе его поступка; Тротти непонятными знаками толковалъ ей когда, какъ и гдѣ онъ наткнулся на своихъ гостей. И оба были счастливы, вполне счастливы.

«А все-таки,» думалъ про себя Тротти съ прискорбіемъ, взглядываясь въ лицо дочери, «свадьба, какъ видно, совсѣмъ разстроилась.»

«Теперь вотъ что,» сказалъ Тоби, когда гости напились чаю.» Лиліанъ будетъ почевать съ Мегъ, не такъ ли?»

«Съ моею доброю Мегъ:» отвѣчала малютка, ласкаясь къ ней, «съ моею доброю Мегъ.»

«Хорошо, хорошо,» возразилъ Тротти. «И вѣрно поцѣлуешь отца доброй Мегъ, не такъ ли? Я отецъ доброй Мегъ.»

Тротти былъ въ восхищеніи, когда дѣвочка робко подошла къ нему, поцѣловала его, и поспѣшно убѣжала и прижалась къ Мегъ.

«Умна какъ царь Саломонъ,» сказалъ Тоби. «Вотъ такъ-то, мы и — нѣтъ — не то бишь хотѣлъ я сказать — душа моя, Мегъ, что такое я хотѣлъ сказать?»

Мегъ взглянула на гостя; онъ стоялъ, опершись на ея стулъ, и отворотивъ отъ нея лицо, и гладилъ головку малютки, полуспрятавшуюся на ея колѣняхъ.

«Да, такъ, въ самомъ дѣлѣ!» продолжалъ Тротти. «Незнаю, гдѣ у меня сегодня голова; я такъ разсѣянъ, что бѣда! Уиль Фернъ, пойдѣте со мною. Вы устали до смерти, измучены долгимъ путемъ. Пойдѣте со мною.

Фернъ все еще игралъ кудрями малютки, опершись на стулъ Маргариты, и отворотивъ отъ нея лицо. Онъ не говорилъ ни слова, но огрубѣлыя руки его, судорожно сжимаясь и дрожа въ свѣтлорусыхъ волосахъ ребенка, говорили краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

«Да, такъ,» говорилъ Тротти, будто отвѣчая на то, что читалъ въ лицѣ дочери. «Возьми ее съ собою, Мегъ; уложи ее спать. Теперь и вы, дядя Уиль, пойдѣте, я покажу вамъ, гдѣ вамъ ночевать. Спальня у насъ не богатая, просто сѣноваль; но по моему тѣмъ хорошо нанимать квартиру въ конюшняхъ, что всегда есть сѣноваль; а пока не находится болѣе выгоднаго жильца, мы платимъ недорого. На сѣноваль много хорошаго сѣна, принадлежащаго доброму сосѣду; оно чисто, какъ только могли его очистить руки и стараніе моеи Мегъ. И такъ пойдѣте, и полно унывать; новый годъ всегда надо встрѣчать съ радостною улыбкою!»

Рука гостя оставила волосы ребенка, и дрожа, упала въ руку Тротти. Тротти, не прекращая болтовни, повелъ его ласково и дружески, будто ребенка.

Воротившись прежде Мегъ, онъ подошелъ къ ея двери, и сталъ прислушиваться. Малютка, ложась спать, говорила простую молитву; усердно помолвившись за свою добрую, милую Мегъ, она остановилась, чтобы спросить его имя.

Это тронуло нашего добраго старика, и нескоро могъ онъ успокоиться, поправить огонь, и придвинуть свои кресла къ теплому камину. Усѣвшись наконецъ, онъ снялъ со свѣчи, вынулъ изъ кармана газету, и принялся читать. Сначала онъ небрежно пробѣгалъ глазами внизъ и вверхъ по длиннымъ столбцамъ; но вскорѣ предался своему чтенію съ глубокимъ и горестнымъ вниманіемъ.

Ибо эта страшная газета снова навела мысли Тротти на ту самую колею, по которой вращались онъ весь день, и которая получила свою особую форму и цвѣтъ отъ всѣхъ происшествій того дня. Участіе, возбужденное въ немъ двумя странниками, дало-было на время его мыслямъ другое, болѣе

утѣшительное направленіе; но какъ скоро онъ снова очутился одинъ, и сталъ читать о преступленіяхъ и вѣроломствѣхъ народа, мысли его возвратились къ прежнему.

Въ такомъ настроеніи духа дочиталъ онъ до разсказа (и не въ первый разъ читалъ онъ подобные случаи) о томъ, какъ одна женщина подняла отчаянную руку не только на себя самое, но и на своего ребенка. Это ужасное преступленіе такъ возмутило его мягкую душу, растворенную любовью къ дочери, что газета вышла у него изъ рукъ, и онъ въ уныніи опустился на спинку кресель.

«Непостижимая жестокость!» подумалъ Тоби, «противная всемъ законамъ природы! Только люди съ зародышемъ зла въ самомъ сердцѣ, созданные въ злѣ и на зло, люди, которымъ нѣтъ никакого назначенія на землѣ, могутъ покушаться на такія дѣла. Правда, совершенная правда, то что я слышалъ сегодня; все служитъ тому подтвержденіемъ. Мы рождены на зло!»

Тутъ колокола такъ неожиданно подхватили его слова, они раздались такъ громко, такъ ясно, такъ звучно, что будто пригвоздили его къ стулу.

И что же они ему звали?

«Тоби Векъ, Тоби Векъ, ждемъ тебя, Тоби! — Тоби Векъ, Тоби Векъ, ждемъ тебя, Тоби! Навѣсти насъ, Тоби, навѣсти насъ. Давай его сюда, давай его сюда, терзай его, гони его, терзай его, гони его, буди его, буди его! Тоби Векъ, Тоби Векъ, дверь настѣжь, Тоби, Тоби Векъ, Тоби Векъ, дверь настѣжь, Тоби» — и снова начинали свою дикую, неугомонную пѣсню, и такъ звонили, что самые кирпичи и глина въ стѣнахъ, повторяли ихъ гулъ.

Тоби прислушался. Игра воображенія! Упреки совѣсти за то, что онъ лавича, послѣ обѣда, съ досадою бѣжалъ отъ своихъ колоколовъ! Нѣтъ, нѣтъ, все вздоръ! — А колокола все звонятъ да звонятъ, и въ двадцатый разъ режутъ ему въ уши: «Терзай его, гони его, терзай его, гони его, давай его сюда, давай его сюда!» И весь городъ оглушаютъ своимъ трезвономъ!

«Мегъ,» кликнулъ Тоби вполголоса, ударивъ слегка въ ея дверь. «Слышишь что нибудь на дворѣ?»

«Слышу, батюшка, колокола. Они нынче что-то громко раззвонились.»

«Спитъ малютка?» спросилъ Тоби, пользуясь этимъ преломъ, чтобы заглянуть въ дверь.

«Спитъ; и какъ тихо, и спокойно! Но мнѣ нельзя еще отойти отъ нея; посмотри, какъ она крѣико держитъ мою руку!»

«Мегъ!» шептала Тоби; «послушай колоколовъ.»

Мегъ оборотилась къ нему лицомъ, и стала вслушиваться въ звонъ колоколовъ. Но на лицѣ ея невидать было ни малѣйшаго измѣненія. Она не понимала ихъ говора.

Тротти отошелъ отъ двери, сѣлъ на прежнее мѣсто, перелѣгъ огнемъ, и сталъ одинъ про себя слушать звонъ. Но недолго оставался онъ въ этомъ положеніи.

Ему стало не въ мочь слушать колокола; громкій ихъ говоръ навелъ на него тоску.

«Можетъ быть дверь колокольни и въ самомъ дѣлѣ отперта,» сказала Тоби, поспѣшно снимая передникъ, но не думая надѣвать шляпу; «почему бы мнѣ не схолить къ колокольнѣ, и не увѣриться? Если она заперта, я тотчасъ же ворочусь. Больше мнѣ и не нужно.»

Выходя тихонько на улицу, онъ былъ почти увѣренъ, что найдетъ дверь запертою на ключъ; ибо хорошо зналъ эту дверь, и очень рѣдко видалъ ее отпертою, всего раза три, не болѣе. Это была низкая, круглая дверь, снаружи церкви, въ темномъ углу за колонною; на такихъ огромныхъ желѣзныхъ петляхъ, и съ такимъ исполинскимъ замкомъ, что за петлями и за замкомъ почти невидать было и самой двери.

Но каково было его удивленіе, когда, пришедъ безъ шляпы къ церкви, и протянувъ руку въ темное углубленіе, съ трепетомъ ожидая, что она будетъ внезапно схвачена, и готовый каждую минуту отдернуть ее назадъ, — онъ убѣдился, что дверь, отворявшаяся наружу, дѣйствительно отворена!

Въ изумленіи своемъ, онъ сначала думалъ, не вернуться ли ему назадъ, не взять ли фонаря, не пригласить ли себя товарища? но онъ скоро ободрился, и рѣшился идти на колокольню одинъ.

«Чего мнѣ бояться?» говорилъ Тротти; «это церкви! Притомъ же звонари вѣрно на колокольнѣ, и забыли затворить дверь.»

Онъ вошелъ, отыскивая дороги ошущю, будто слѣпой; ибо

кругомъ была страшная темнота. Все было тихо, колокола молчали.

Цыль, забившаяся въ этотъ чуланъ съ улицы, лежала тамъ слоями; подъ ногами было мягко, будто по бархату; это еще усиливало страхъ, овладевшій бѣднымъ Тротти. Узкая лѣстница подходила тѣкъ близко къ двери, что онъ при первомъ шагѣ занулся за нее; толкнувъ нечаянно ногою дверь, онъ съ шумомъ и громомъ захлопнулъ ее, и потомъ уже никакъ не могъ ее отворить.

Это обстоятельство было новою причиною ему идти далѣе. Тротти пошелъ ощупью, и сталъ подыматься по лѣстницѣ. Идетъ онъ все выше и выше, вергится все кругомъ, и все выше, выше, выше...

Страшно идти по этой лѣстницѣ ощупью; она была такъ низка и узка, что рука его безпрестанно на что нибудь натыкалась; перазъ казалось ему, будто онъ слышалъ подъ рукою челоуька, или скорѣе привидѣнiе, стоявшее вытянувшись у стѣны, и сторонившееся, чтобы дать ему пройти незамѣченнымъ; онъ тогда волилъ рукою по стѣнѣ вверхъ и внизъ, стараясь отыскать голову и ноги привидѣнiя, а между тѣмъ морозъ пробѣгалъ по всему его тѣлу. Раза два, три, дверь или ниша перерывала однообразную поверхность стѣны; отверстiе казалось ему исполинскимъ жерломъ, съ цѣлую церковь; ему казалось, будто онъ стоитъ на краю пропасти, что онъ немедленно полетитъ въ нее внизъ головою; пока наконецъ рука его снова встрѣчала стѣну, и воображенiе его успокоивалось.

Идетъ онъ все вверхъ, вверхъ, кружится винтомъ; все выше, выше, выше...

Наконецъ, тяжелая, удушливая атмосфера начинаетъ свѣжѣть; вотъ уже дуетъ въгерь; вотъ онъ уже дуетъ такъ сильно, что Тротти едва стоитъ на ногахъ. Однако же онъ подходитъ къ круглому окну, пробитому въ стѣнѣ колокольна на подгрудной высотѣ, и крѣпко ухватившись за него, смотритъ внизъ на кровли домовъ, на дымящiяся трубы, на свѣтящiяся точки и полосы свѣга (около того мѣста, гдѣ Мегъ вѣроятно дивится, куда онъ могъ дѣваться, и, можетъ быть, кличетъ его,) и все подернутое плотною завѣсою тумана и мрака.

Онъ находился въ звонарной каморѣ, куда приходили звона-

ри, звонить въ колокола. Онъ ухватился за одну изъ веревокъ висѣвшихъ изъ отверстій, пробитыхъ въ дубовомъ потолкѣ. Сначала онъ вздрогнулъ, воображая что это волосъ; потомъ одна мысль вырвать огромный колоколъ изъ его молчанія, привела его въ ужасъ. Самые колокола висѣли еще выше. Влекомый какою-то волшебною силою, Тротти пошелъ далѣе. Тутъ уже была не лѣстница, а просто крутой трапъ; съ трудомъ сталъ онъ взбираться по ступенямъ, на которыхъ съ трудомъ уставлялась нога.

И вотъ взбирается онъ на-верхъ, все выше, выше, выше, выше!..

Наконецъ, добравшись до потолка, просунулъ онъ голову въ люкъ, остановился, осмотрѣлся, и очутился подъ самыми колоколами. Въ темнотѣ нельзя было рассмотреть ихъ исполнскихъ формъ, но тутъ они висѣли вокругъ него, темные, грозные, нѣмые.

Когда онъ взобрался въ это воздушное гнѣздо камня и металла, ужасъ и мысль о его одиночествѣ, мигомъ стали давить его. Голова его закружилась. Онъ сталъ прислушиваться, и громко и дико закричалъ: «Ау!»

«Ау!» мрачно откликнулось ему со всѣхъ сторонъ.

Тоби, изнуренный, перепуганный, въ безпамятствѣ, дико осмотрѣлся кругомъ, и упалъ безъ чувствъ.

*(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)*

# ФИЛОСОФІЯ ИСКУССТВА.

—  
СОФОКЛЪ

и  
ГРЕЧЕСКАЯ ТРИЛОГІЯ.

—  
(Статья Бина).  
—

II

Чтобы составить себѣ понятіе о богатствѣ средствъ Софокла, стоитъ только обратить вниманіе на чрезвычайную простоту плана почти во всехъ его сочиненіяхъ. Дѣйствительно, чѣмъ болѣе кто умѣетъ выплывать въ занимательное положеніе, облечься въ характеръ, усвоить себѣ скорби и надежды дѣствующихъ лицъ, тѣмъ менѣе нуждается онъ въ происшествіяхъ, для наполненія пьесы. Весьма понятно, когда человекъ находится въ такомъ положеніи, которое возбуждаетъ и воспаляетъ до высшей степени все его мысли и чувства, въ сердце его найдется множество мыслей, желаній, порывовъ страха, рѣшимости и унынія, которыхъ развитіе можетъ наполнить огромную картину. Колебаніе различныхъ чувствъ, тревожащихъ его душу въ ожиданіи катастрофы, конечно не нуждается въ помощи внѣшнихъ обстоятельствъ, для возбужденія участія въ томъ, кто умѣетъ читать въ его сердце, и если поэтъ, избравъ такой предметъ, принужденъ для поддержанія интереса прибѣгать къ далекимъ или постороннимъ обстоятельствамъ, это до-

казательство, что онъ не обнялъ всего, что заключалось въ предметъ, что у него нѣтъ ни обилія идей, ни запаса нравственнаго наблюденія, ни той чувствительности, посредствомъ которой мы отвлекаемся отъ собственной своей личности и погружаемся въ личность другаго. Такъ Софокль изъ самаго простаго положенія, на-примѣръ, изъ положенія Филоктета, желающаго урваться съ своего острова, но не затымъ, чтобы слѣдовать за Улиссомъ, или изъ положенія сумасшедшаго Аякса, лишающаго себя жизни въ свѣтлую минуту разсудка, извлекаетъ цѣлую трагедію, выдержанную, одушевленную, глубокую, съ яркимъ колоритомъ, стройную и ненапрянутую въ ходъ. Въ *Филоктетъ*, по настоящему, только три лица; но чего не происходитъ между этими тремя лицами? Съ какою ясностію и точностію высказываются льта, привычки, покроей ума каждаго, и ихъ взаимное отношеніе! И какъ естественно, какъ свободно смѣняются, самое жгучее горе восторженной радости, желаніе мести—отчаяніемъ! Вотъ гдѣ должны искать начала знаменитаго закона о *единствахъ*, надълавшаго впоследствии столько шуму. Тому, кто умѣетъ извлекать такой кладъ изъ такого простаго положенія, разумѣется, достаточно самого ограниченнаго событія; самое близкое къ катастрофѣ мгновеніе дастъ ему довольно матеріала, потому-что онъ видитъ весь побтическія богатства этого момента и умѣетъ ими пользоваться. Законъ слѣдовательно былъ бы хорошъ, если бы не предполагалъ слишкомъ идеальнаго совершенства, котораго нельзя требовать отъ каждаго писателя. Гений, по врожденному инстинкту, стремится къ нему; обыкновенный же талантъ истощился бы въ напрасныхъ усиліяхъ.

Я жалью, что немогу перенестись назадъ, въ самый разгаръ XVII столѣтія, когда еще говорили объ Аристотелѣ и его *Поитикъ*, и когда легкомысленные критики не позволяли себѣ не знать его, а тѣмъ менѣе его презирать. Великій мыслитель, изыскивавшій всегда начало вещей и ихъ нравственное значеніе, много помогъ бы мнѣ при оцѣнкѣ главнаго достоинства Софокла. Въ сочиненіи его о *Поитикъ* (замѣтимъ, что искусства въ то время разсматривались не какъ что-то особенное, отчужденное, а какъ явленіе общественное), онъ говоритъ: «я утверждаю, что музыку должно употреблять не только для этихъ особенныхъ цѣлей, (о которыхъ онъ говорилъ прежде);

но и для многихъ другихъ, на-примѣръ, для воспитанія и покаянія» Употреблять музыку для покаянія, съ перваго разу покажется довольно страннымъ. «Но продолжаетъ онъ, а злѣе немогу объяснить, что я называю покаяніемъ; мы поговоримъ объ этомъ яснѣе, когда будемъ говорить о *пѣткѣ*» Покаяніе относитъ къ *пѣткѣ*! но оно действительно такъ; онъ употребляетъ это самое слово, (\*) заимствованное отъ религиозныхъ обрядовъ, назначенныхъ для очищенія души отъ ея прегрѣшеній. Въ *пѣткѣ* онъ действительно возвращается къ этому предмету, и хотя та часть сочиненія, въ которой онъ подробно излагаетъ свою мысль, затѣряна, однако же эта мысль ясна очень ясно, ибо онъ ее высказываетъ опять тѣмъ же мистическимъ выраженіемъ:» трагедія, говоритъ онъ, есть представленіе дѣйствія занимательнаго, цѣлаго,.... совершеннаго (въ насъ), посредствомъ состраданія и ужаса, покаяніе заключается въ этихъ и въ другихъ подобныхъ страстяхъ. «Не въ томъ дѣло, какъ училъ стоики, и какъ понималъ Корнель, чтобы истребить въ насъ боязнь и состраданіе, сдѣлать насъ недоступными этимъ двумъ чувствамъ, ибо, по мнѣнію Аристотеля, главное свойство трагедіи, истекающее изъ самой сущности ея, — возбуждать ихъ въ насъ; изощрять ихъ, для ихъ наказанія. Слѣловательно, слово *покаяніе* — должно принимать въ собственномъ смыслѣ; и действительно, примѣнивъ его къ софоловской драмѣ, мы убѣдимся, что оно превосходно выражаетъ ея идею.

Разбирая покаяніе, не въ обрядахъ, сопровождающихъ его, а во внутренней дѣятельности, которую оно производитъ въ нашей совѣсти, мы увидимъ, что оно заключается въ слѣдующемъ: душа, обозрѣвая вредныя дѣянія своей прошедшей жизни, отрекается отъ нихъ, старается освободиться отъ эгоистическихъ попятноженій, отъ необдуманныхъ влеченій, словомъ — отъ нравственныхъ и умственныхъ недостатковъ, противныхъ гармоніи міра; такимъ образомъ, видя действительно, она стремится къ идеальному; удрученная безпорядкомъ, она старается возвратиться къ согласію съ закономъ. Это реакція нашихъ способностей на себя самихъ, посредствомъ которой противоположныя направленія разделяются, и идеи единства, вѣчности

(\*) *Katharsis*, expiationem, lustrationem.

и гармонія берутъ верхъ надъ безчисленными и непостоянными разногласіями жизни. Душа, возносясь на эту высоту мысли, подобна тѣлу, переходящему изъ смрадной атмосферы въ болѣе чистый воздухъ: испорченные элементы крови лучше разлагаются; каждое вдыханіе усладительно, и сердце бьется отъ страннаго сліянія волненія и спокойствія. Такимъ образомъ, покаяніе слагается изъ двухъ элементовъ: живаго сознанія несовершенствъ жизни, и стремленія мысли, вслѣдствіе этого сознанія, покорить ихъ и подчинить всемірному порядку.

Первое изъ этихъ условій достигается въ трагедіи тѣмъ, что Аристотель называетъ *ужасомъ* и *состраданіемъ*. Не должно его тутъ упрекать въ тѣсномъ взглядѣ, въ слишкомъ исключительной классификаціи чувствъ, которыя можетъ въ насъ возбудить прекрасная драма; онъ говоритъ не объ одномъ страхѣ и состраданіи, но о всѣхъ ощущеніяхъ, возбуждаемыхъ трагическимъ дѣйствіемъ. Если онъ обращаетъ особенное вниманіе на страхъ и состраданіе, такъ это потому, что эти два ощущенія дѣйствительно производятся каждою серьезною драмою. Въ наше время, правда, придумали системы, чтобы измѣнить все это. Отвращеніе къ рутинной, безжизненной школѣ, не умѣвшей ничего выводить на сцену кромѣ пзвѣстныхъ стереотипныхъ страстей и лицъ, холодныхъ, какъ аллегорій, увлекло умы въ противоположную крайность; мы стали требовать одной чистой исторіи, мѣстнаго колорита, анализа характеровъ, смѣси трагическихъ эффектовъ съ комическими, подъ предлогомъ истины и естественности. Произведенія наши не стали отъ того на истиннѣе, ни естественнѣе; но они разрушили единство и силу впечатлѣнія, т. е. ослабили могущество драмы. Греческіе поэты лучше постигали свойства театра. Поэзія, потому уже, что является на сценѣ и обращается къ многочисленному собранію людей, должна стараться дѣйствовать на ихъ сердца. Строгое изученіе исторіи, философскій анализъ странностей чловѣческихъ характеровъ, — прекрасный предметъ размышленія для удивленія и тишины кабинета; но только нужно потрясеніе, это единственное средство овладѣть ею. Потрясти же чловѣка могутъ только зрѣлища, обращающія мысли его на него самого; слѣдовательно, должно трогать струны, издающія одинъ и тотъ же звукъ во всѣхъ, и извлекать изъ разнообразныхъ случаевъ исторіи всеобщіе факты чловѣческой судьбы. Нѣкото-

рая всеобщность нисколько не влечетъ за собою однообразія; число страстей, разумѣется, ограничено; но ихъ оттѣнки, ихъ потрясенія и дѣйствія зависятъ отъ среды, въ которой онъ движется, и следовательно также разнообразны какъ самая исторія.

И такъ, главное содержаніе трагической драмы составляетъ изображеніе, безконечно разнообразное въ своемъ единствѣ, блыстгвій и слабостей человѣческихъ, сопровождаемое важными, ужасными обстоятельствами, приводящими въ движеніе все силы, которыя, при обыкновенномъ теченіи жизни, дремлютъ въ сердцѣ человека; но это изображеніе, тѣмъ, что въ немъ есть общаго всемъ, должно касаться самыхъ высшихъ вопросовъ нашего бытія. На поэта возложена обязанность разливать отъ времени до времени эти догматическія идеи на свою драму, какъ проблески изъ высшаго міра, какъ полеты мысли въ безконечность. Духъ тогда возносится надъ показанными ему предметами; чувства, тревожащія его, страхъ и состраданіе, внушаемые ему сознаніемъ собственной своей судьбы, утрачиваютъ отчасти свое безпокойство, свою горечь, и уныніе; онъ видитъ уже не одни факты, но и законъ этихъ фактовъ; къ чувствамъ его присоединяется частица религіознаго благоговѣнія. Душа, въ этомъ нравственномъ возвышеніи, чувствуетъ себя свободнѣе, вдыхаетъ духовное блаженство, котораго воспомнаніе необходимо поддерживаетъ благороднѣйшія наши стремленія. Это нравственный экстазъ, посредствомъ котораго духъ освобождается на время изъ среды конечнаго (*экстазисъ*, освобожденіе); это то, что мы назвали, въ религіозномъ и философскомъ смыслѣ, *покаяніемъ*.

Вотъ чѣмъ Софоклъ — полный типъ серьезной драмы. Но не подумайте, что я приписываю ему безусловное совершенство. Благоговѣніе, которое въ отношеніи къ уму то же, что любовь въ отношеніи къ волю, легко увлекается въ преувеличенныя похвалы, въ особенности въ тѣ минуты, когда созерцаніе предмета наполняетъ сердце сладостными слезами. Оно не должно однако же ослѣплять нашего разсудка. Что касается описанія обстоятельствъ жизни, въ новѣйшихъ театрахъ найдется множество картинъ, превосходящихъ въ силѣ, ясности характеровъ и разнообразіи, картины Софокловы. Увлекаемый движеніемъ общества, приобретающаго съ каждымъ днемъ новыя знанія,

Софокль былъ гораздо выше всѣхъ своихъ предшественниковъ; немудрено, что по той же причинѣ, нѣкоторые поэты позднѣйшихъ, болѣе развитыхъ эпохъ, превзойдутъ его въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. То же самое должно сказать о всеобщихъ идеяхъ, которыя, проникая драму, должны возносить зрителя изъ міра преходящихъ явленій въ міръ вѣчныхъ законовъ: въ наше время, на-примѣръ, обогатившись множествомъ новыхъ идей, родившихся изъ христіанства, мы могли бы ожидать поэта, который, усвоивъ себѣ эти идеи, разлилъ бы на драму свѣтъ гораздо ярче свѣта древности. Но какъ бы то ни было, если эти два элемента являются въ Софоклѣ не во всемъ своемъ могуществѣ, то они все таки въ немъ находятся, и притомъ на высшей степени могущества, возможной въ его время; и въ истинномъ отношеніи другъ къ другу; мысль одухотворяетъ явленія, такъ, что трагедія является важнѣйшимъ литературнымъ произведеніемъ социальнымъ и религіознымъ, и религіозна она не по нѣкоторымъ формамъ, а по своему внутреннему значенію, по дѣйствию своему на душу, какъ она можетъ и должна бы быть во всякое время и у всѣхъ народовъ.

*Филоклетъ* и *Аяксъ*, вотъ два сочиненія, могущія прекрасно объяснить эти идеи. Первое есть изображеніе физической, второе — нравственной боли, доведенныхъ до высшей степени. Въ первомъ высшая физическая боль, не зависящая отъ нашей воли, является средствомъ испытанія и усовершенствованія, и награждается; во-второмъ, высшая нравственная боль, выражающаяся въ сумасшествіи, совершенномъ разстройствѣ всѣхъ способностей, составляющихъ преимущество наше передъ скотами, является результатомъ добровольнаго злоупотребленія природныхъ даровъ, и вслѣдствіе этого своеволія карается безпощадно: виновный едва удостоивается погребенія, лишеніе котораго, у древнихъ считалось истиннымъ проклятіемъ.

Драма *Филоклетъ* изображаетъ слѣдовательно покаяніе и возрожденіе; эта мистическая идея составляетъ ея сущность и ея единство. Что дѣлаетъ Филоклетъ во все продолженіе трагедіи? — Клянетъ свои страданія; винить въ нихъ Улисса, человека, простое орудіе Провидѣнія; жаждетъ возвращенія на родину и успокоенія. Вотъ вся пьеса, до самой развязки; а въ чемъ заключается развязка? Въ полномъ заглаженіи ошибокъ, слабостей и страданій Филоклета. Геркулесъ сходитъ съ неба къ другу,

котораго онъ охраняетъ; объясняетъ ему, что страданія его не то, чѣмъ онъ ихъ воображалъ, не дѣло сльпаго рока, который можно проклинать, а средство, которымъ должно пользоваться; что онъ не долженъ винить людей въ своихъ страданіяхъ, а принять ихъ какъ испытаніе изъ руки боговъ, и стараться извлечь изъ нихъ пользу; не стараться избавиться отъ нихъ бѣгствомъ и не искать успокоенія въ бездѣйствіи, а пользоваться почеркнутою въ нихъ силою и сплести на новыя битвы. «Сперва, говоритъ ему Гераклесъ, я напомяю тебѣ свой собственный примѣръ. Чего я не выстрадалъ; какимъ испытаніямъ я не подвергался, чтобы достичь, — той вѣчной доблести, въ которую я нынѣ облеченъ! Знай же, что и ты обязанъ заплатить тяжелую дань страданія, и что эти же самыя страданія доставятъ тебѣ жизнь, полную славы. Иди же къ троянскому городу: тамъ найдешь ты исцѣленіе отъ злаго недуга; мужество твое поставитъ тебя въ первые ряды войска; моими стрѣлами ты убьешь Париса, виновника всѣхъ этихъ золъ, разрушишь его городъ.... отъ моихъ стрѣлъ долженъ онъ погибнуть вторично. Но чтобы въ этомъ разрушеніи никто не забывалъ почтенія, должнаго богамъ! Все остальное ничтожно въ глазахъ верховнаго Бога; но благочестіе сопровождаетъ человека до самой смерти, и никогда не пропадаетъ, ни въ этой жизни, ни за гробомъ.» — Такимъ образомъ доблесть перваго мученика переходитъ ко второму; Филоктетъ получаетъ священныя стрѣлы для пораженія несчастнаго города, уже пораженнаго однажды его повелителемъ и образцомъ.

Аяксъ есть олицетвореніе нагменной силы, непокорнаго мужества, не признающаго никакой обязанности ни къ людямъ, ни къ небу; незнающаго другой цѣли, кромѣ самого себя. Получивъ отказъ въ притязаніяхъ своихъ на оружіе Ахиллеса, онъ негодуетъ, видя его присужденнымъ Улиссу, умному, ревностному, бдительному совѣтнику, столько разъ спасавшему своею мудростью все войско отъ гибели. Оскорбленная гордость его жаждетъ отомстить обществу, которое будто сказало ему: ты трудился для себя одного; мы ничѣмъ тебѣ не обязаны. — Но въ этой самой мести должна проявиться кара его. Паллада, божественная премудрость, помрачаетъ ему разсудокъ, ослѣпляетъ ему разумъ, насылаетъ на него сумасшествіе. Ночью, онъ воображаетъ, будто избиваетъ своихъ судей, а между тѣмъ

взбиваетъ только стада быковъ и барановъ; воображаетъ, будто заковалъ и съчетъ величайшаго своего врага, Улисса, и съчетъ просто вола. Софокль мастеръ открывать драму величественно, смѣло и оригинально. Въ Аяксѣ является сначала Минерва, и показываетъ Улиссу сумазбродство Аякса. «Пойдемъ, говоритъ она, я покажу тебѣ эту грозную кару, чтобы ты разгласилъ ее между греками. Не бойся, стой; я нашлю ослѣпленіе на глаза его, онъ тебя не увидитъ.» — Она призываетъ Аякса, онъ отвѣчаетъ какъ безумный, и продолжаетъ съѣздить животное, которое принимаетъ за Улисса. Эта трагически-смѣшная картина, это плачевное паденіе героя, наполняетъ сердце Улисса состраданіемъ, заставляетъ его задуматься надъ ничтожностью всего человѣческаго. — «Ты видишь, говоритъ ему Паллада, что такое могущество боговъ!..» — Мнѣ жаль этого несчастнаго, отвѣчаетъ Улиссъ. Онъ мнѣ врагъ, но кара, постигшая его, заставляетъ меня думать о томъ, что я такое самъ. Вижу, мы все ничто иное, какъ пустые образы, одна тѣнь безъ дѣйствительности! — «И такъ, возражаетъ Паллада, видя такой примѣръ, остерегайся дерзкаго слова противъ боговъ, не горись тѣмъ, что у тебя болѣе силы или богатства, чѣмъ у другаго; ибо одного дня достаточно, чтобы взойти или низойти по всемъ ступенямъ человѣческихъ судебъ. Боги любятъ людей воздержныхъ; имъ ненавистны кичливые.» — Вскорѣ разсудокъ возвращается на время Аяксу; удивленіе, стыдъ, отчаяніе, гнетутъ его душу. Отецъ когда-то говорилъ ему: «Сынъ мой, старайся побѣждать, но проси всегда побѣды у боговъ.» Онъ отвѣчалъ ему: «Отецъ, я никому нехочу быть обязанъ своею славою, кромѣ себя самого.» — Паллада, среди сраженія, говорила ему: «пойдемъ, оттуда должно грануть на врага;» онъ ей отвѣчалъ: «Богиня, иди помогать другимъ; непріятель никогда не прорветъ рядовъ, тамъ, гдѣ я предводительствую.» — Теперь онъ говоритъ совсѣмъ не тѣмъ языкомъ! Онъ не только признаетъ божественную руку, карающую его, но призываетъ даже, вѣроятно въ первый разъ въ жизни, начало верховной власти между людей. Съ стѣсненною яростію и горькою ироніею върывается это сознаніе изъ его устъ: «Впрелъ,» говоритъ онъ, «мы будемъ знать, что должно повиноваться богамъ, что должно даже почитать Атридовъ. Они наши вожди, имъ должно повиноваться. Да и почемужъ бы нѣтъ? Развѣ вся природа не подаетъ

примѣра повиновенія? Развѣ нѣтъ во всемъ верховныхъ законовъ, управляющихъ самыми великими явленіями, учреждающихъ гармонію зимы и лѣта, дня и ночи, вѣтра и моря, сна и бдѣнія?» Вотъ что онъ будетъ знать *среди*; въ этомъ словѣ заключается глубокая, горькая пропія; ибо онъ уже рѣшился умереть, уже простился съ дѣтьми. Неукорный правъ пустилъ слишкомъ глубокіе корни въ его душу; одною смертію можетъ онъ преодолѣть его. И наконецъ, чтобы новою, последнею чертою показать, сколько духъ порядка и умеренности выше самой ослѣпительной пылкости, кто, какъ не Улиссъ заступаетъ за безжизненные останки своего соперника? Онъ вымаливаетъ ему посмертныя почести, которыхъ Агамемновъ хотѣлъ лишить его, какъ нестойкаго.

Въ *Электрѣ* проявляется другая идея, столь же поучительная, но еще болѣе потрясающая. Непокорность Филоктета наказана первою степенью страданія, физическою скорбью; непокорность богамъ Аякса карается строже, разстройствомъ ума; но есть еще большее наказаніе преступленій, посредствомъ другихъ преступленій. Такіе случаи часто встрѣчаются въ летописяхъ переворотовъ человеческихъ; чья душа не содрогалась отъ этаго нравственнаго вопроса, который тревожитъ совѣсть, и ставитъ расудокъ между двухъ пропастей? Первое преступленіе встрѣчается съ преступленіемъ, карающимъ его; то и другое ненавистно; однако же тутъ есть, въ результатъ, таинственное правосудіе, связанное съ неправдою, примѣсь морали въ самыхъ незаконныхъ дѣйствіяхъ. Такова идея *Электры*. Убіеніе мужа, наказанное убіеніемъ матери, — вотъ ужасная картина, которая мало-по-малу возникаетъ въ этомъ произведеніи, растетъ, движется, и снова погружается въ кровь. Вся обстоятельства, могущія облегчить непростительную мысль отцеубійства, представлены съ необыкновенною силою, такъ что онъ, наконецъ, порождаетъ въ зрителѣ тягостное чувство неуверенности. Передъ взорами *Электры* безпрестанно носится тѣнь ея отца, умерщвленнаго ея матерью; днемъ, она избиваетъ себя грудь въ кровь; всю ночь, безсонное ея ложе слышитъ одинъ ея стонъ; когда она оплакиваетъ несчастнаго своего отца, Агамемнова, которому Клитемнестра и ея прелюбодѣй — сообщникъ, разсѣкли голову топоромъ, какъ дровосѣки разсѣкаютъ дубъ въ лѣсу. Эти чувства такъ въ ней сильны, что ей кажет-

ся, будто ее влечетъ непреодолимый рокъ. «Я стыжусь, говорить она подругамъ, стыжусь своихъ безпрестанныхъ стenanій, но меня влечетъ сила рока. Бывъ свидѣтельницею гнуснаго поступка матери, быть рабою убійцъ моего отца, переносить ихъ благодѣянія и отказы, видѣть Эгиста на престолѣ моихъ предковъ, облеченнаго въ платье того, кого онъ умертвилъ, раздѣляющаго ложе моеи преступной матери, смотреть, какъ она сама смѣется своему преступленію и мщенію небесному, видѣть, какъ плясками и жертвоприношеніями торжествуется годовщина ихъ вѣроломнаго убійства, между тѣмъ, какъ я одна плачу, изнываю въ ненависти, упиваюсь оскорбленіями и упреками, и жду Ореста, брата, мстителя, который все обѣщаетъ явиться, и не является!... Милыя подруги, въ такомъ положеніи не устоятъ ни благоразуміе, ни религія: ненависть къ преступленію принуждаетъ прибѣгать къ преступленію же. «Не только характеръ и положеніе Электры, самое небо, кажется, заранѣе оправдываетъ ее; оно встревожило Клитемнестру пророческимъ свомъ, и хоръ пользуется этимъ обстоятельствомъ, чтобы сообщить мести религіозный характеръ: «Онъ возмущаетъ карающее правосудіе, говорятъ хоръ, правосудіе вооруженное силою; оно приближается, приближается!.... Умерщвленный царь не забыть въ могилѣ, старый желѣзный топоръ, которымъ онъ вѣроломно умерщвленъ, не утратилъ памяти. Идетъ она, ярость мести, быстрая и могучая, хотя еще сокрытая въ своихъ грозныхъ засадахъ!» Эти подробности мало-по-малу наполняютъ слушателей какой-то симпатіею къ Электрѣ, смѣшанною съ ужасомъ, отъ котораго леденѣетъ душа; но поэтъ еще усиливаетъ это впечатлѣніе, ибо онъ хочетъ, самыми противоположными ощущеніями, дать повясть весь терзавія и пытки, сопровождающія нѣкоторыя положенія въ жизни. Вотъ, Клитемнестра доноситъ о мнимой смерти Ореста, сына, которымъ ей столько разъ грозили; при этомъ извѣстии, она не можетъ подавить движенія радости и торжества въ присутствіи Электры; нельзя не сочувствовать негодованію и горю несчастной царевны. «Чтожь, говоритъ она, по выходѣ Клитемнестры, и не огорчилась! и не вздохнула; ни одной слезы на глазахъ, ни одного слова сожалѣнія на устахъ, при извѣстии о смерти сына! Напротивъ, она смѣется, и выходитъ. О горе! Орестъ, братъ, я умираю твоею смертію. Ты, умирая, вырвалъ изъ души моеи,

последнюю остававшуюся въ ней надежду. Куда мнѣ идти теперь, одинокой, безъ отца и безъ брата? Опять мнѣ быть рабою ненавистныхъ убійцъ! Не позавидуютъ ли моему счастью? Нѣтъ, нѣтъ, никогда уже не вступлю подъ кровъ ихъ; у порога ихъ, распостертая на камнѣ, оставленная всѣми, проведу я остатокъ жизни. А тамъ, пускай они убиваютъ меня, если я имъ мѣшаю; это будетъ благодѣяніемъ; жизнь для меня невыносимое бремя, нехочу болѣе жить!»

Тутъ еще не все. Съ каждымъ мгновеніемъ, болѣе и болѣе увлекаетъ насъ этотъ потрясающій характеръ; каждое движеніе возвеличиваетъ въ глазахъ нашихъ эту душу; рѣшимость ея попрасть враговъ, и совершить самой то, чего она ожидала отъ Ореста; смѣлая ея увѣщанія сестръ, болѣе разсудительной и робкой; трогательный плачъ ея надъ урною, въ которой, она полагаетъ, заключена прахъ ея брата; и наконецъ, слышащее за тѣмъ съ нимъ свиданіе. Никогда можетъ быть, сокровища драматическаго генія не бывали разсыпаны такъ щедро; съ трепетомъ въ сердцахъ слыишь за бурнымъ ходомъ поэты; не знаешь, любить ли, или ненавидѣть? Изумленный разсудокъ ни въ чемъ уже не можетъ дать себѣ отчета, до самаго того потрясающаго мгновенія, когда раздается вдали крикъ Клитемнестры, поражаемой сыномъ, и молящей его о жалости, и еще ужаснѣйшій крикъ Электры, въ отвѣтъ ея мольбамъ. «Рази, рази еще!» Тутъ пора нравственной мысли пролить на это зрѣлище какой нибудь свѣтъ, какъ бы онъ нибылъ мраченъ и безотраденъ; разсудокъ чувствуетъ потребность какимъ бы то ни было образомъ, вознестись надъ звѣрскимъ фактомъ такой катастрофы. Хоръ выводитъ заключеніе: «Свершилось проклятіе, восклицаетъ онъ; живы тѣ, кого земля уже приняла въ свои недра! Много сосутъ крови изъ своихъ убійцъ, мертвыя, давно исчезнувшія жертвы!» Стало быть самъ Агамемнонъ мститъ рукою дѣтей! Это кара, бодрствующая надъ преступленіями, когда могла повидимому уже поглотила ихъ; долго, долго ждетъ она, но никогда не забываетъ: старшій топоръ убійцы не утратилъ памяти!

Три сочиненія, о которыхъ остается намъ еще поговорить, составляютъ все вмѣстѣ трилогію, по образцу древней трагедіи. Какое дѣло, что онѣ писаны въ разные времена; онѣ тѣмъ

не меньше опираются на одномъ основаніи, на исторіи Эдипова дома, и каждый изъ ея трехъ членовъ имѣетъ ясно-опредѣленное теологическое значеніе.

Первая, *Эдипъ Царь*, объясняется сама собою изъ заключающихъ ее стиховъ. «Смотрите, говоритъ хоръ, смотрите на Эдипа, умѣвшаго разгальвать самыя трудныя загадки, могучаго между людей, не заботившагося ни о зависти, ни о богатствѣ своихъ согражданъ; смотрите, какой потокъ жестокихъ бѣдствій увлекъ его! И вы всѣ, смертные, ждите послѣдствія своего часа, и никогда не хвалитесь своимъ счастьемъ, пока не достигли конца жизни, не видавъ никакой скорби.» Миѣзъ Эдипа представляетъ человека падшаго за то, что слишкомъ возвысился знаніемъ; онъ имѣетъ разительное сходство съ мѣомъ Прометей. Оба хотѣли открыть людямъ тайны, которыхъ толкованіе восточная оеократія присвоивала себѣ исключительно; оба представляютъ возстаніе туземнаго населенія противъ чужой касты; оба были представлены примѣрами наказанія, ожидающаго нескромное, рационалистическое любопытство, которое тѣмъ не меньше осталось впоследствии побѣдителемъ. Это выражено весьма замѣчательнымъ образомъ въ другомъ хорѣ *Эдипа*: «Если кто, въ кичливой гордости своей, нарушитъ законъ дѣломъ или словомъ, и осквернитъ святилища боговъ, да погибнетъ онъ, и гибель его да будетъ плодомъ этого жалкаго уловольствія! Да погибнетъ онъ, если не ограничитъ стремленій своихъ правосудіемъ, если не воздержится отъ святотатства, если, въ безуміи своемъ, дерзнетъ поднести руку къ тѣмъ предметамъ, къ которымъ воспрещено ему прикасаться!.. О Зевсъ, царь міра, смотри, и твое безсмертное могущество да не смыкаетъ глазъ, ибо прорицалища упадаютъ, слава Аполлонова помирается, религія гибнетъ!»

Вторая драма евванской трилогіи основывается, какъ и во всѣхъ прочихъ трилогіяхъ, на догматѣ покаянія. Въ паденіи Эдипа дѣйствуютъ не только любопытство и честолюбіе; въ немъ играла роль и женщина, и такимъ образомъ, что весь домъ несчастнаго царя былъ запечатлѣнъ родовымъ грѣхомъ, обрекавшимъ его на гибель. Антигона, единственный остатокъ этого рода, составляетъ предметъ Софокловой поэмы о покаяніи; но, избравъ этотъ догматъ, поэтъ окружаетъ его такими прекрасными подробностями, что ничто въ древней фило-

софіи не можетъ сравниться съ нравственными идеями, истекающими изъ ея Антигоны.

Оба сына Эдипа убили другъ друга. Креовъ, сльавшись царемъ Фивскимъ, лишаетъ одного изъ нихъ погребенія; но Антигона не можетъ снести мысли, что трупъ брата ея будетъ растерзанъ псами и хищными птицами; и, презирая угрожающую ей смертную казнь, рѣшается похоронить его, вопреки запрещенію царя. И у насъ погребеніе всегда было и будетъ священнымъ обрядомъ, дѣломъ религіознымъ; но у насъ оно все-таки не имѣетъ такой важности, какую имѣло у древнихъ. У насъ безсмертіе заключается въ душу. У древнихъ идея души была не совсемъ опредѣлена; они ее угадывали, но не дали ей еще даже названія; она находилась въ томъ состояніи туманности, неопредѣленности, изъ котораго человѣческія понятія медленно выходятъ съ помощью развитія языковъ и движенія исторіи. Вотъ почему, въ неопредѣленномъ вѣрованіи древности, участь души была въ некоторомъ образомъ связана съ участіемъ органическаго вещества; оболочкою, нагляднымъ выраженіемъ этого догмата, еще не выходившаго изъ состоянія сосредоточенія, былъ фактъ погребенія, и обрядъ былъ, такъ сказать, таинствомъ безсмертія. Этимъ объясняется безчисленное множество надгробныхъ памятниковъ, которые суть древнѣйшіе памятники нашего рода: въ Китаѣ, въ Тибетѣ, въ Ассиріи, въ Лидіи, въ Греціи, во всей Европѣ, во всей Америкѣ, единственное преданіе о первобытной мысли заключается въ могильныхъ курганахъ. Египтяне и Мексиканцы писали ее на каменныхъ пирамидахъ; какъ будто человечество при самомъ своемъ рожденіи провозгласило, что оно не умретъ, и хотѣло начертать эту первую, плодотворную мысль неизгладимыми знаками на всѣхъ своихъ жилищахъ. Этимъ же объясняется сильное впечатлѣніе, которое производило лишеніе погребенія; такъ на-примѣръ, не выходя изъ легенды Антигоны, известно, что отказъ Крона похоронить убитыхъ аргивянъ, былъ причиною новой войны, кончившейся взятіемъ Фивъ Тезеемъ.

Этому-то вѣрованію приносятъ себя въ жертву Антигона. Не разъ были виданы примѣры, что люди приносили себя въ жертву дружбѣ, любви, отечеству, или другому личному чувству, низшему движущимъ началомъ страсть, а цѣлью какой-либо

спеціальній, матеріальній предметъ; но Антигона жертвуетъ собою принципу: вотъ въ чемъ заключается новостъ Софокловой драмы и ея величіе. Антигона не побуждается ни корыстью, ни надеждою, никакимъ вознагражденіемъ, кромъ мысли, что исполняетъ долгъ свой. Антигона погребла брата, несмотря на запрещеніе Креона; ее ведутъ къ нему, воины рассказываютъ ему ея поступокъ. «Что-же, говоритъ ей Креонъ, ты, опускающая теперь глаза, признаешь ли теперь истину въ разсказѣ?» — Признаю, отвѣчала Антигона; ничего не отвергаю. — Креонъ. Отвѣчай мнѣ безъ изворотовъ, знала ли ты обнаруженное мною запрещеніе? — Антигона. Знала. Отъ чего бы мнѣ его не знать? Оно было довольно извѣстно всемъ. — Креонъ. И ты не побоялась попать его ногами? — Антигона. Это запрещеніе было не отъ Бога; оно было мнѣ дано не отъ божественнаго правосудія, пребывающаго съ усоншими, и давшаго людямъ законъ о погребеніи. Я не полагала, чтобы твои повелѣнія имѣли такую силу, чтобы они могли обязать человека нарушать неписанные, но непреложные законы Божества. Эти законы не отъ вышшняго дна и не отъ вчерашняго, они вѣчны, и никто не знаетъ, кто открылъ ихъ намъ. Поэтому я не должна была, устрашась гордыни человека, подвергаться наказанію, слѣдующему за нарушеніе ихъ. Я знала (и какъ было мнѣ не знать?), что мнѣ должно будетъ умереть, я знала это, если бы ты этого даже и не объявлялъ напередъ; такъ что же? Преждевременная смерть для меня отрада; и какъ ей не быть отрадою тому, кто живетъ, подобно мнѣ, въ безднѣ несчастій? И такъ, подвергнуться этой участи для меня нисколько не несчастіе; но когдабъ я оставила безъ погребенія трупъ своего брата, тогда-то я была бы истинно несчастна. Теперь мнѣ не вачто жаловаться. Что же до тебя, если хочешь, называй, пожалуй, мой поступокъ безуміемъ, но чуть ли не безуміе укорять меня въ немъ?»

— Незнаю, гдѣ найдется что-либо лучше этого отвѣта, простаго, гордаго и рѣшительнаго. Вотъ вамъ цѣлая рѣчь, естественная въ ходѣ и выраженіи, сообразная съ лѣтами, съ характеромъ и съ обстоятельствами; словомъ, настоящая рѣчь изъ дѣйствительной жизни; но мысль, выражающаяся въ этой рѣчи, выходитъ далеко за предѣлы дѣйствительной жизни, и даже положенія самой Антигоны, какъ оно ни поразительно. Вотъ вамъ

покаяніе посредствомъ ужаса и состраданія, въ томъ смыслѣ, какъ мы думаемъ, принималъ его Аристотель, т. е. положеніе истинное, человеческое, трогательное, надъ которымъ сіяетъ лучъ высокой философіи, который его идеализируетъ и возвеличиваетъ. И въ наше время, послѣ того, какъ христіанство открыло намъ такъ много полюбныхъ нравственныхъ красокъ, слова Антигоны трогаютъ насъ; чтожъ такое было, когда онъ разлались новыя, неслыханныя, въ стѣнахъ Аѳинъ? Законъ Божескій, не писанный, но прочно утвержденный на внутреннемъ откровеніи, котораго начало теряется въ началѣ человечества, вотъ единственный законъ, признаваемый Антигоною; она отдѣляетъ его отъ формъ, отъ условій, отъ преходящихъ законовъ. Что же предписываетъ въ этомъ случаѣ, этотъ законъ божества? Почтеніе къ умершимъ, основанное на надеждѣ, когда вѣбудъ съ ними видѣться; Антигона тоже самое уже высказывала сестрѣ: «Да, я похоронила его; и смерть за то будетъ мнѣ сладка. Любимая имъ, чрезъ это святое возстаніе, соединяюсь я съ любимымъ мною братомъ; мертвымъ должны мы стараться угождать, мы съ ними пробудемъ долѣе, нежели съ живыми; мы съ ними соединимся на-вѣки!» Предчувствіе будущей жизни дѣлаетъ ее непобѣдимую; ибо, какъ скоро допустить эту будущую жизнь, смерть становится ничтожною передъ долгомъ. Наконецъ, послѣднее ея размышленіе о безуміи самоотверженія, въ которомъ «болѣе мудрости, нежели въ обыкновенной людской мудрости», не напоминаетъ ли извѣстное изрѣченіе апостола Павла.

Но не въ томъ еще главная черта характера Антигоны. Она не только умираетъ жертвою вѣрованія, но притомъ добровольною жертвою; она представляетъ первый примѣръ успешной борьбы воли и живой вѣры съ побужденіями природы. Въ героизмъ ея нѣтъ никакаго правуженія, ничега подлѣннаго. Когда ее хотятъ вести на роковое мѣсто, душа ея содрогается, она оплакиваетъ свою молодость и свои надежды; она желала бы оттолкнуть отъ себя, приготовленное ей, брачное ложе — могилу. Однако же рѣшеніе ея не поколебалось, и ея смерть — истинное торжество какого-то божественнаго начала надъ природою, отрцаніе рока. У Эсхила рокъ является вѣншею силою, слѣпою и гнетущею; она давитъ чловѣка, и чловѣкъ принимаетъ страданія насильно, или скорѣе — не принимаетъ ихъ, а несетъ съ проклятіемъ: отсюда раждается какое-то суро-

вое, тягостное чувство. У Эврипида, рокъ заключается въ самомъ сердцѣ человѣка; человѣкъ предается влеченіямъ ярости или слабости, не умѣетъ ни побѣждать страстей, ни покоряться страданіямъ: отсюда много жалобныхъ и плаксивыхъ мѣстъ. Одинъ Софокль угадалъ, по-крайней-мѣрѣ въ Антигонѣ, эту внутреннюю борьбу души, предполагающую и сосредоточивающую въ себя цѣлое, обширное ученіе. Тутъ человѣкъ изображается въ дѣйствительности и въ идеалѣ, онъ слабъ и могучъ, — гнется, но не переламывается; самая смерть является актомъ, в самомъ неоспоримомъ доказательствѣ свободной воли. Въ этомъ заключается всякое человѣческое величіе, всякая мораль; это покаяніе въ высокомъ смыслѣ христіанства, въ смыслѣ безусловной преданности истинѣ, долгу, закону братства, составляющему жизненную силу человѣческаго общества.

Третья драма трилогіи должна представлять окончаніе испытаній, преображеніе страждущаго, введеніе его въ высшій міръ; такова задача *Эдипа въ Колодѣ*. Антигона, умершая въ предъидущей пьесѣ, тутъ является снова; это анахронизмъ въ порядкѣ фактовъ; но должно обращать вниманіе только на связъ идей, въ ней заключается значеніе религіозной драматической трилогіи.

Слѣпой старецъ, нищій, обреченный всеобщему омерзѣнію за преступленія, которыхъ онъ несетъ бремя, не будучи по настоящему виновенъ, приходитъ, волимый дочерью, въ окрестности Аѣны, и садится отдохнуть на камень, у входа въ рошу, посвященную Эменидамъ. Какъ скоро онъ открываетъ свое имя, народъ, напуганный страшною молвою о лежащемъ на немъ проклятій, хочетъ прогнать его; но часть его уже пробилъ. Боги приняли его долгое, тяжелое покаяніе; онъ приближается къ концу своей страдальческой жизни. Оракулъ уже снялъ съ него проклятіе, и объявилъ, что странъ, которая будетъ обладать его могилою, она принесетъ счастье, богатство и побѣду: памяти его давалось какое-то религіозное значеніе. Эдипъ избралъ аѣнскую землю своимъ послѣднимъ убжищемъ, потому-что Аѣны — страннопріимный городъ несчастныхъ изгнанниковъ, городъ дѣвственной Паллады, богини страдающей и милующей. Тезей, царь аѣнскій, защитилъ Эдипа отъ суевѣрнаго гнѣва народа: вотъ почему благодарный Эдипъ хочетъ оставить Аѣнамъ залогъ будущаго ихъ благо-

денствія. Напрасно Фивяне, узнавъ предреченіе оракула, умоляют Эдипа, изгнаннаго ими, возвратиться въ ихъ городъ; напрасно они пытаются даже похитить его силою; корыстное ихъ раскаяніе возбуждаетъ въ немъ справедливое негодованіе; онъ предоставляетъ неблагодарныхъ гонителей на волю судьбы, и даритъ другому народу могущество, связанное съ обладаніемъ его прахомъ. Аѳиняне вполне заслужили эту хвалу своего роднаго поэта. Они были легкомысленны, безпокойны, строптивы, но великодушны, ласковы къ чужестранцамъ и изгнанникамъ. Это было первымъ источникомъ ихъ счастья и славы: разные роды перемѣшались; вслѣдствіе этого смѣшенія, личное достоинство стало считаться выше рожденія; отсюда уваженіе къ дарованіямъ, развитіе искусствъ и смѣлость мышленія. Дѣйствительно для гениальности народа необходимо некоторое разнообразіе въ его происхожденіи и интригахъ.

По мѣрѣ приближенія развязки, мысли возвышаются, что-то великое виднѣется въ недрахъ темной тайны; Эдипъ чувствуетъ трепеть, возвыщающій приближеніе боговъ; сама природа въ волненіи, будто предугадывая чудную развязку; частыя молніи и удары грома, потрясаютъ священную рощу; они составляютъ раму для готовящейся картины. Старецъ встаетъ и углубляется въ священную рощу. Онъ спитъ, но не нуждается въ вожатомъ; неземной свѣтъ горитъ въ душѣ его и ведетъ его. «Идите за мною, говоритъ онъ, вы, водившіе меня за руку; теперь моя очередь вести васъ. Идите за мною, но не прикасайтесь ко мнѣ; я самъ отыщу священную могилу, которая должна принять меня. Сюда, люди! Идите, идите, боги ведутъ меня. О свѣтъ, такъ давно угасшій, гдѣ былъ ты? Ты возвращаешь мнѣ въ часъ смерти!» Скоро приходитъ онъ къ роковому мѣсту; омывается въ знакъ очищенія отъ грѣха; снимаетъ съ себя рубище, въ которое одѣла его нящета, символъ ниспаднаго чело-вѣчества, и надѣваетъ новую одежду, символъ возрожденія. Новый ударъ грома; и за нимъ долгое молчаніе; его зоветъ голосъ, отъ котораго волосъ становится дыбомъ на всѣхъ головахъ. Эдипъ въ послѣдній разъ прощается съ дѣтьми и друзьями, и отсылаетъ ихъ; а когда они излази оборачиваются, чтобы взглянуть на него еще разъ, онъ уже исчезъ. Одинъ Тезей, оставшійся при немъ, стоитъ неподвиженъ, закрывъ лицо руками; ослѣпительный свѣтъ поразилъ его, «можетъ быть съ неба,

а можетъ быть и изъ развершейся земли,» говоритъ поэтъ; «какъ бы то ни было, но Эдипъ похищенъ, безъ стона, безъ боли, безъ страданія.»

Вотъ мысль послѣдней драмы Софокла. Самъ онъ также былъ уже старъ, когда написалъ ее; безсмертный гений его долженствовалъ скоро, подобно Эдипу, сбросить съ себя брвенную оболочку, и отвѣчать на голосъ вѣчности, котораго языкъ онъ такъ хорошо постигалъ. Могъ ли онъ иначе заключать свое поэтическое поприще? Онъ также будто исчезъ въ дивной бурѣ послѣдняго вдохновенія. И подобно могилѣ Эдипа, и его могила стала предметомъ благоговѣнія; самые враги Аѳинъ не посмѣли тронуть ее среди битвы и осады, а соотечественнику учредили въ память его добродѣтели и дарованія, ежегодныя жертвоприношенія. Дѣйствительно, жизнь его была обильна плодами, онъ нашелъ въ религіи своего времени зародышъ, изъ которой должна была развиться другая, совершеннѣйшая религія на будущее время.

Вотъ Софоклъ, какъ мы его понимаемъ. Что касается его чисто-литературнаго достоинства, говорить о немъ здѣсь, значило бы тащиться по давно избитымъ путямъ. Кому неизвѣстно, что онъ былъ прозванъ *пчелою* за вѣжность, и гармоническую прелесть языка? Кому неизвѣстно, что къ этой вѣжности и прелести онъ присоединяетъ, когда нужно, живописную энергію, величіе, быстроту выраженія? Кому неизвѣстно, что хоры его, по большей части, представляютъ произвольное вліяніе мелодіи, задумчивости и вѣжности, божественное пѣніе, которое тихо несется по воздуху надъ людскими тревоженіями, и влѣяется воображенію, какъ хоры ангеловъ, которые живо изображаютъ на небѣ мученія святаго? Слозь не есть изображеніе полнаго чловѣка; но онъ выражаетъ душу поэта, онъ есть — его духовная фizioномія; какъ же, послѣ этого, анализировать его? Это сама жизнь; одно непосредственное нантіе можетъ уловить ее.

И такъ припомнимъ только философскія отношенія, въ которыхъ мы хотѣли преимущественно разсмотреть греческую драму. Родившись изъ мистическихъ обрядовъ, она не только заимствовала отъ нихъ внѣшнюю, сценическую форму, но и жила вначалѣ, тою же мыслью, которую выражали эти обряды. Потомъ греческій умъ, вооружившись новымъ орудіемъ,

ставившимъ его въ болѣе непосредственное отношеніе къ религіи, продолжалъ и усилилъ свою двойственную дѣятельность, такъ ясно уже высказывавшуюся въ Гомеровыхъ поэмахъ. Съ одной стороны, сатирическая драма стала подкапывать народную мифологию еще смѣлье комедій боговъ въ *Иліадѣ* и *Одиссеѣ*; съ другой стороны, драма серьезная, изучая дѣйствительную жизнь человека и стараясь возносить его къ прекрасному и великому, совершала по своему задачу нравственной философіи. Подъ этою двойственною формою, греческій умъ продолжалъ подвергать живое дерево религіи двумъ главнымъ дѣйствіямъ: критика обрѣзала, очищала вѣтви, отрывая перьдко и плодоносныя вѣтви вмѣстѣ съ сухими и вредными; творческая поэзія между-тѣмъ обращалась въ вѣрованіяхъ преимущественно къ истинному, живому; орошала ихъ негибнущій стволъ своими потоками вдохновенія, почерпнутыми изъ глубины растроганной души; упитывала ими сердцевицу, между-тѣмъ, какъ внѣшняя кора спадала и обновлялась сама собою; ибо задача поэзіи — создавать типы прекраснаго и благаго, отвлеченное мышленіе, потомъ уже переводить типы эти въ формулы, слагать формулы въ системы, и создавать изъ нихъ науку.

Слѣловательно, у Грековъ была философія трагедій, подобная тому, что мы нынче называемъ философією исторіи; она останавливалась въ трагедіи на нѣкоторыхъ фактахъ, на самыхъ общечеловѣческихъ; на взаимномъ отношеніи Провидѣнія и человека, на законѣ успѣха, посредствомъ самопожертвованія, на возрожденіи посредствомъ смерти. Эти факты составляютъ жизненную силу всякой морали, всякаго общества; они дѣйствуютъ вездѣ и всегда, какъ скоро сойдется человекъ съ человекомъ. Открывая эту-то философію въ основаніи каждой драмы, трагическій театръ, въ особенности у Софокла, достигъ своей дивной красоты, въ которой соединяются земля съ небомъ, истина подражательная, съ истинною отвлеченною, конечное съ безконечнымъ. Вотъ почему Софоклъ является намъ, не феноменомъ безусловнаго совершенства, долженствующимъ приводить въ отчаяніе всякое состязаніе, но полнымъ зародышемъ того, чѣмъ должна быть драма. Не въ этой ли философіи, дѣйствительно, заключается источникъ всякаго драматическаго мугущества? Когда волненіе переходитъ отъ одного сердца къ другому, и удивленіе и благоговѣніе становятся единоподушными? Не тогда

ли, когда въ положеніи или въ рѣчахъ лица, проявляются великія идеи борьбы человечества, самоотверженія, побѣды надъ природою, скорбнаго торжества души? Трагедія, по существу своему, есть произведеніе религіозное; она имѣетъ то преимущество передъ всякимъ другимъ родомъ поэзіи, что въ ней литературно-прекрасное и нравственно-прекрасное одно и то же. Не удивительно послѣ того, что въ первомъ ряду трагиковъ, являются всѣ головы, сильно сочувствовавшія религіозной или философской идее: Эсхилъ, Софоклъ, Шекспиръ, Корнель, Расинъ. Великъ былъ театръ въ тѣ времена и могъ бы быть опять такимъ же великимъ, если бы нынѣшніе поэты захотѣли только не на шутку возвратиться къ этой старой и могучей философіи.

---

# ТЕАТРАЛЬНАЯ

# ДЪТЮШИСЬ.

**БЕНЕФИСЬ Г-ЖИ ПЛЕССИ ВЪ МОСКВѢ.**

**13-го апрѣля 1847 года.**

Петербургъ ожидаетъ и бывшій 13-го апрѣля бенефисъ г-жи Плесси, состоялъ изъ Мольерова «Тартюфа» «Валеріи» Скриба и «Недорозумія» Мельвиля и Дюверье, трехъ пьесъ, которыя, кромѣ того, что показали необыкновенное разнообразіе знаменитой художницы, исполнившей въ одинъ спектакль роль кокетки Ельмиры, чувствительной Валеріи и водевильной Луизы, особенно замѣчательны по необыкновенной граціозности г-жи Плесси въ объясненіи съ Блумомъ, по эффектности послѣдней сцены въ Валеріи, и высокому значенію комедіи Мольера, которой представленіе блистательно доказало, что вкусъ публики испорченный привычкою къ новѣйшимъ пошлостямъ, еще можетъ быть оживляемъ достойнымъ исполненіемъ завѣтныхъ созданій искусства.

Мы начнемъ, слѣдуя порядку спектакля, съ Тартюфа и надѣясь на извѣстность его, не будемъ ни оцѣнивать, ни пересказывать сюжета, но полагаемъ небезполезнымъ присовокупить къ отчету о представленіи, нѣсколько предварительныхъ замѣчаній. Въ 1667 году написана эта комедія и до 1669 боролся Мольеръ съ недоброжелательствомъ людей, неумышленно сознававшихся въ сходствѣ своемъ съ главными лицами ея, и только особенное покровительство Людовика XIV рѣшило споръ въ пользу великаго автора. *Alia tempora, alia mores*, но существенное осталось, какъ доказательство вѣчной юности твореній гения. Всегда были и будутъ обманщики, прикрывающіе корыстныя цѣли свои уважительною маскою религіозности, филантропіи, правдолюбія и пр. и всегда будутъ обманутые, которые, слѣлавъ заблужденіе своимъ конькомъ, явятся эгоистами какъ Оргонъ, жертвующій дочерью и достояніемъ своего семейства желанію удержать при себѣ святошу. Конечно, Тартюфъ не имѣетъ живости какогонибудь Синичкина или «пятнадцатилѣтней вдовы» но развѣ живѣе его трагедіи Софокла и Корнеля, и не одно ли изъ первыхъ условій искусства, какъ замѣтилъ Винкельманъ, это спокойствіе, выражающееся и на царственномъ лицѣ Олимпійскаго громометателя и тѣ стыдливой фигурѣ Афродиты Медичей? Право, странно бы даже было слышать упреки въ этой, какъ бы суровости лучшихъ комедій Мольера, если бы неизвѣстно было, что это говорится не потому, что изучены могучіе противники французскаго театра Лессингъ и Шлегель, а потому, что это сказано въ такомъ-то журналѣ, или потому, что у Ленсакаго и Кармуша не такъ. Этотъ недостатокъ живости, или лучше сказать — вертлявости, отразится и въ игрѣ актеровъ, если они понимаютъ свое дѣло, но она въ такомъ случаѣ не только не будетъ безжизненна, но даже явится артистическою, то есть, въ истинномъ смыслѣ, схожею съ жизнью. Пластическія фигуры Ельмиры, Тартюфа и Оргоня не суются съ мѣста на мѣсто, не коверкаются безъ всякой надобности, но даютъ значеніе каждому слову, — а что тутъ много остается на долю актера, всего лучше можно доказать исторіей.

Игра французскихъ комедіантовъ до Луизы Конта и даже самой Конта, носила, если позволено употребить иностранное, но мѣткое выраженіе, un caractère de roideur, а между-тѣмъ образовалось дарованіе дочери Монвеля, извѣстнаго между-прочимъ и тѣмъ, что онъ отчетливо помня игру Лекена и другихъ театраль-ныхъ знаменитостей, могъ сообщить товарищамъ своимъ поучительныя примѣры. Дѣвица Марсъ, мы о ней упомянули, родилась въ 1779 и дебютировала въ 1793, но до увольненія Конта

въ 1810, исполняла роли наввныя и еще слѣдовала старому направлению, такъ, что въ 1807, когда уже ей было 28 лѣтъ, Жофруа печаталъ, «что она способна только къ такимъ ролямъ и весьма слаба въ болѣе сильныхъ». Но въ 1810 году, Марсъ явилась первымъ сюжетомъ и привела въ дѣйствіе свое преобразующее начало, что для комедіи необходимы *de l'engouement, de la malice*. Но несмотря на то, она хотя и играла съ большимъ успѣхомъ произведенія новой школы, предпочитала имъ своего стараго Мольера, ибо знала, что изъ вѣра Селимены можно извлечь болѣе истинныхъ эффектовъ, нежели изъ громкихъ фразъ «Дѣвицы де Бель-Иль» и животрепещущихъ фигуръ Скриба, и вѣрно понимала, что авторъ Мизантропа даетъ актеру характеръ, въ то время, какъ реформаторы только ставятъ въ извѣстныя положенія свои дѣйствующія лица и заботятся объ одномъ удивленіи или нервическомъ потрясеніи. Далѣе, Тальма долго спорившій съ г-жей Рокуръ, не хотѣвшей отказаться отъ *railleries*, вмѣнившій въ великую заслугу Лекену употребленіе тигровой кожи въ замѣнъ испещренной тафты, и первый для правдоподобія явившейся въ шерстяной мантии и древней каскѣ, этотъ Тальма бывшій не только исполнителемъ, но и мыслителемъ своего искусства и говоривавшій *si l'on me demandait comment j'ai trouvé la plupart de mes grands effets, moi aussi, je pourrais répondre, en y pensant toujours*, своимъ предпочтеніемъ классическихъ трагедій романтическимъ, несомнѣнно доказавъ, что не находятъ въ первыхъ изъ нихъ ни безжизненности, ни противуестественности. Но стремленіе къ полному сходству съ жизнью и постоянное обдумываніе ролей, не помѣшало однако знатоку древности Давиду сказать Тальмъ, сыгравшему Манлія: *A ton entrée sur la scene, j'ai cru voir marcher une statue antique*, изъ чего снова видно, что то, что мы назвали уже пластичностью, не противорѣчитъ правдоподобию, но есть самое правдоподобіе, только идеализированное искусствомъ.

Кромѣ этой черты, отличающей Тартюфа отъ новѣйшихъ комедій, многіе называютъ недостатками значеніе субретки и безличность второстепенныхъ лицъ; но кажется не трудно будетъ доказать несправедливость упрековъ въ этомъ отношеніи. Второстепенные характеры у Мольера не только не слабы, но служатъ новымъ доказательствомъ его знанія жизни и таланта, а если являются такими, то это потому, что пьесы обставляются дурно. Разберемъ для образца роль Клеанта и Маріаны. Въ 1-й сценѣ, когда Пернель упрекаетъ свою семью въ испорченности нравовъ и неприличномъ обращеніи съ Тартюфомъ, только одно слово вылетаетъ изъ устъ Маріаны, но въ этомъ молчаніи ея и

есть истина, ибо несвойственно ей, дѣвушка того времени, разыгрывать роль львицы нашего вѣка. Когда она потомъ ссорится съ Валеромъ, въ простодушныхъ словахъ и нехитрыхъ движеніяхъ ея есть что-то дѣтское, что-то мило-любное — и въ тоже время истинное, ибо она не львица съ сигарой во-рту, а скромная дочь самовластнаго Оргона. И когда это самовластіе ярко выражается приказаніемъ выдти за-мужъ за постылаго, она не раздражается тирадою, но является согласною съ своимъ характеромъ, то есть благоговѣющею передъ родительскою властью. Можно все сыграть дурно, объ этомъ и спору нѣтъ, но въ роли Маріаны есть много хорошо разыгрываемаго. Тоже самое почти можно сказать о Клеантѣ. Говорятъ, что онъ холодно вступается въ дѣло; не думаемъ. Мы знаемъ, что онъ въ домѣ по родству съ слабой стороною семейственной Герархія, и къ тому же дочь первой жены Оргона ему не родня, а слѣдовательно, онъ только и можетъ быть представителемъ ничтожнаго участія постороннихъ — и потому, роль его не можетъ быть горяча. Теперь, что же такое субретка, это бѣльмо близорукихъ романтиковъ? Она умнѣе господъ, она распоряжается всѣми, она приводитъ все къ концу и пр.: — это бываетъ и въ жизни, но конечно не часто, а потому становится въ неловкихъ рукахъ неестественнымъ и изысканнымъ. Чтобы доказать, что это правдоподобно, а слѣдовательно, можетъ являться и на сцену, мы напомнимъ о выраженіи Гоголя: что такой-то начальникъ смотритъ звѣремъ въ департаментѣ, а дома, собственная кухарка бьетъ его по щекамъ; что очень часто слуга, бывавшій съ баринкомъ въ трудныхъ походахъ и иногда приносившій съ опасностью добытый кусокъ мяса, когда и у генераловъ не бывало хлѣба, считаетъ себя вправѣ давать ему родительскія наставленія. А если это можетъ-быть у насъ, гдѣ такъ рѣзко раздѣлены сословія, то какъ же это сдѣлается невозможнымъ во Франціи и притомъ въ полумѣщанскомъ, слѣдовательно, мало форменномъ бытѣ. Если, наконецъ, Дорина умнѣе своей барышни, то и это новая черта знанія сердца человѣческаго; Дорина хлопочетъ о чужомъ дѣлѣ, она чужую бѣду разводитъ руками въ то время, какъ Маріана неумѣетъ приложить ума къ своей. Мы хотѣли представить эту комедію въ истинномъ свѣтѣ, ибо слышали, что если игра г-жи Плесси въ роли Ельмиры и понравилась, она все же менѣе понравилась, нежели въ роли Маркизы Сенетеръ и пр., потому-что казалась холоднѣе и монотоннѣе.

Теперь перейдемъ къ Ельмирѣ, и снова, не боясь упрека въ подробности, постараемся говорить о ней основательно. Любя доказывать практическое практическимъ, мы опять начнемъ съ Тальмы.

Онъ говаривалъ: Lorsque l'étude est achevée dans ma pensée, lorsqu'elle m'a donnée la physionomie, le caractère et jusqu'au costume du personnage, je me transporte en lui tout entier, je me nourris de ses passions, je m'accoutume à sentir, comme il sentirait s'il était vivant, puis le soir, en présence du public, je laisse mon âme se développer, s'allumer, éclater dans cette grande figure que j'ai créée.

И такъ великій артистъ начиналъ съ изученія, переходилъ къ созданію типа своего характера, сроднялся съ этимъ типомъ и потомъ только выражалъ такъ сказать — себя, потому-что полагалъ свой талантъ въ присвоеніи себѣ чувствъ, принадлежащихъ другому. Въ чемъ же состоитъ типъ Ельмиры? — Это олицетвореніе благородства, смягченнаго граціей, и кокетства, извиняемаго цѣломудріемъ. Мы видѣли въ игрѣ г-жи Плесси, что Ельмира благородна, граціозна, нравственна и кокетка, и постараемся объяснить, почему. Начнемъ съ сравненія съ кокетствомъ Маркизы Сенетеръ. Онѣ обѣ кокетки и обѣ нравственны — въ этомъ ихъ сходство. Маркиза страстно любитъ мужа, и ея кокетство есть невольное выраженіе ея любви, а Ельмира не можетъ такъ любить пошлаго Оргона и притомъ кокетничаетъ по природѣ — въ этомъ ихъ различіе. Далѣе, формы Тартюфа суровѣе щепетильныхъ формъ комедіи Мельвиля — и оттого кокетство Ельмиры гораздо степеннѣе. Все это и выразилось въ игрѣ г-жи Плесси. При милыхъ и быстрыхъ отвѣтахъ неоднократно замѣчалось на лбу и въ глазахъ Маркизы, что она тяготеетъ притворствомъ, въ то время, какъ Ельмира, оставаясь равнодушною, не имѣла быстрой веселости г. де Сенетеръ. Наконецъ въ патетическихъ мѣстахъ, въ сценѣ примиренія съ супругомъ и обольщенія Тартюфа, лицо Генриетты Плесси дышало восторгомъ и голосъ ея прерывался отъ полноты чувствъ, а Ельмира Плесси, достигнувъ цѣли, явилась безстрастнымъ судьей, успѣвшимъ изобличить преступника. Давши, такимъ образомъ, предварительное понятіе о кокетствѣ Ельмиры, вникнемъ въ самую роль ея и поищемъ тотъ ключъ, который по мнѣнію Тальмы заключается въ двухъ или трехъ стихахъ каждой роли: quand il est bien fait; c'est la ce qu'il faut savoir saisir. Этотъ ключъ роли Ельмиры, заключается въ стихѣ ея:

Je veux une vertu, qui ne soit pas diabolique et se justifie par les actions.  
г. Пернель, въ 1-мъ актѣ:

Quiconque à son mari veut plaire seulement  
N'a pas besoin de tant d'ajustement.

И такъ, Ельмира кокетка, и стало-быть, порядочная, когда умѣла обмануть хитреца и стало-быть непротивно ей кокетство, когда она могла рѣшиться на свиданье съ нимъ, которое было бы свыше силъ нравственной Сенетеръ. Опредѣливъ одну изъ сторонъ ея характера, перейдемъ къ другой. Несмотря на то, что г. Пернель строгъ къ Ельмирѣ, она въ описаніи безпорядковъ ея дома, не можетъ указать на безнравственность, а порицаетъ только суетность. Эта-то нравственность сообщаетъ ей благородство и даетъ ей право останавливать Дамиса :

Oui, je tiens que jamais de tous ces vains propos.

On ne doit d'un mari traverser le repos.

Идя далѣе и вывода все изъ существа самой роли, мы находимъ, что Ельмира должна быть граціозна, потому-что ей, бывшей центромъ открытаго для молодежи дома, умѣвшей очаровать человѣка, которому только-что предложили дѣвушку съ приданнымъ, необходимо быть прекрасной, а грація есть принадлежность красоты.

Вотъ что мы сочли полезнымъ сказать о созданіи роли и теперь дѣлаемъ вопросъ: согласно ли съ этимъ поняла и исполнила свою роль г-жа Плесси? Мы отвѣчаемъ утвердительно, но прежде, нежели приступимъ къ доказательствамъ, основаннымъ на подробностяхъ, слѣзаемъ нѣсколько замѣчаній на общее. Мы начнемъ съ костюма, который, какъ можно было видѣть изъ вышесприведенныхъ словъ величайшаго изъ актеровъ, весьма важенъ и котораго описаніе намъ необходимо. На ней было розовое платье съ частыми розетками изъ лентъ того же цвѣта, на груди ея сверкали драгоценные камни, прическа состояла изъ тирбушоновъ, среди которыхъ красовались цвѣтки — и такъ, это былъ нарядъ женщины, желавшей нравиться и рѣзко отличавшейся пестротой отъ изящно-простыхъ костюмовъ Валеріи или графини де Жеранъ. Но, кромѣ того, что костюмъ г-жи Плесси соответствовалъ роли, онъ показывалъ изученіе, ибо прилично выбранный, давалъ ей фizioномію дамъ XVII столѣтія, извѣстную по многимъ портретамъ Фламандской школы. Второе, о чемъ мы здѣсь должны говорить, есть манера чтенія стиховъ — и такъ, не препятствуетъ ли стихотворная форма естественности и какъ должно читать стихи? Высшая форма прекраснаго, выражаемаго словами, есть стихотворная. Она не противорѣчитъ естественности, что доказывается постояннымъ употребленіемъ ея Шиллеромъ, Расиномъ и Шекспиромъ и

предпочтеніемъ ея Гаррика и Рамели. Если прочесть стихъ не перемѣнивъ голосъ, не прерываясь и такъ произнести слѣдующій, чтобы риѣма была чувствуема, что будетъ подобно ударенію маятника, если такъ читать, то мы предпочтемъ прозаическую форму—стихотворной. Но не такъ поступали мастера чтенія, и не такъ читала г-жа Арну. Тамъ, гдѣ надобно было говорить скоро, гдѣ умѣстна была мелодія голоса, тамъ искусная художница пользовалась особенно принадлежащими стихотворной формѣ свойствами, быстротою и музыкальностью; но во всѣхъ другихъ случаяхъ, она останавливалась на знакахъ препинанія, цезурѣ и переносѣ, она перемѣняла произношеніе сообразно съ смысломъ произносимаго, и риѣма исчезала. Мы говорили уже, что въ Гартюфѣ нѣтъ живости новѣйшихъ комедій и драмъ, и теперь замѣтимъ, что походка и движенія г-жи Шлесси были величавы, что позы имѣли въ себѣ, что-то статуарное, что голосъ плавно звучалъ, что все соотвѣтствовало существу представляемой роли.

Такимъ образомъ, опредѣливъ игру г-жи Арну вообще, обращаемся къ подробностямъ. Исполненіе роли, кромѣ созданія ея типа, имѣеть еще нѣсколько требованій, а именно: 1) Исполненіе тирадъ; 2) Отдѣльныхъ словъ (*geranties mots*); 3) Отрывокъ второстепеннаго значенія и 4) Дополненіе къ словамъ, какъ-то костюмъ, о которомъ, уже говорено было, выраженія лица, позы и движенія, указывая на эти рубрики, намѣрены мы прослѣдить всю роль.

При поднятіи занавѣса, сцена пуста и двери затворены, но они скоро отворяются и выходитъ по-парно семья, за исключеніемъ Оргона, провожая уѣзжающую г-жу Пернель. Плавнымъ шагомъ идетъ Ельмира, и когда всѣ строятся въ рядъ на авансценѣ, она становится по лѣвую руку старухи и съ нѣскольکو наклоненной къ ней головою; въ спокойномъ лицѣ ея является снисходительность къ малоумію тещи и сознаніе собственнаго достоинства. Ей приходится долго стоять въ такомъ положеніи, но оно не кажется однообразнымъ, ибо внимательные глаза замѣчаютъ въ лицѣ ея нерѣзкія, но понятныя выраженія ея чувствъ, изъ которыхъ особенно замѣчательна ея сладкая улыбка, отвѣчающая пошлomu упреку:

*Ces visites, ces bals, ces conversations  
Sont du malin esprit toutes inventions.*

Вслѣдъ за тѣмъ, она уходитъ за г. Пернель и въ третьей сценѣ возвращается, чтобы сказать, что она увидѣла приѣзжающаго

мужа и идетъ встрѣтить его на верху. Въ этомъ и заключается вся роль ея въ первомъ актѣ, а второй мы пропустимъ потому, что она въ немъ не является.

Между-тѣмъ Дорина успѣла склонить Ельмиру на сторону падчерицы и упростила переговорить съ Тартюфомъ, чтобы убѣдить его отказаться отъ руки ея. Она рѣшилась на это, сострадая угрожаемой любви Маріаны и Валера и не считая неприятнымъ потревожить сердце влюбленнаго въ нее обманщика легонькими надеждами. — Онъ уже ожидаетъ ее, она тихо входитъ.

Какъ всё 6 или 7 стиховъ, составляющіе роль ея въ первомъ актѣ, такъ и здѣсь первыя слова произносятся протяжно, но вскорѣ величавое выраженіе смѣняется ласковымъ, и быстро говорить она:

*Mais prenons une chaise, afin d'être un peu mieux.*

Она садится, поза ея граціозна, а увѣренность въ своихъ прелестьяхъ выказывается въ ея притворно-нѣжныхъ взглядахъ и твердо сказанной просьбѣ о свиданіи:

*Où votre coeur s'ouvre et ne me cache rien.*

Но скоро почувствовала она, что кокетство съ Тартюфомъ можетъ заставить его забытья, а этого ей не хочется, и уже промелькнуло нетерпѣніе въ ея: *Ouf! vous serrez trop*, когда онъ пожалъ ей пальцы. Это нетерпѣніе усиливается, но она любитъ шутить сердцами и ея вопросъ: *que fait là votre main?* — есть вопросъ удивленія и лукавства. Но Тартюфъ идетъ впередъ и она отодвинувъ стулъ, сухо и отрывисто говорить:

*Ah, de grâce, laissez, je suis fort chatouilleuse.*

Онъ не отступаетъ, и она оставивъ кокетливый тонъ, съ выраженіемъ нетерпѣнія прерываетъ его:

*Il est vrai, mais parlons un peu de notre affaire.*

До-сихъ-поръ, Тартюфъ могъ полагать, что добыча сама предлагается ему въ руки; но здѣсь онъ видитъ, что нельзя спѣшить и читаетъ монологъ убѣжденія и протяжно отвѣчаетъ она, противорѣчащимъ словамъ его — убѣжденіемъ. Онъ читаетъ другой монологъ, и она такимъ же голосомъ останавливаетъ его пылъ и намекаетъ, что можно рассказать о его предложеніи мужу. Онъ извиняется, а она объявляетъ ему, что будетъ молчать съ тѣмъ усло-

вѣемъ, чтобы онъ способствовалъ соединенію Валера съ Маріаною, и эта тирада, начинаясь благороднымъ, оканчивается настойчивымъ тономъ. Тогда является подслушавшій Дамисъ и грозитъ рассказать случившееся отцу, но она съ гордостью, провикнутою презрѣніемъ, замѣчаетъ:

*Une femme se rit de sotties pareilles*

*Et jamais d'un mari n'en trouble les oreilles.*

Оргонъ входитъ, Дамисъ жалуется, а Ельмира протяжно и съ удареніемъ на нѣкоторыя слова, указываетъ ему на бесполезность его поступка и тихими шагами уходитъ со сцены.

Она возвращается во второй сценѣ 4-го дѣйствія и молчитъ до тѣхъ-поръ, пока не находитъ, что всѣ средства образумить Оргона, желающаго отдать Маріану противъ воли ея за Тартюфа, остались бесполезными, и тогда напряженнымъ голосомъ говорить:

*A voir ce que je vois, je ne sais plus que dire*

*Et votre aveuglement fait que je vous admire.*

*C'est etre bien coiffé, bien prevenu de lui*

*Que de nous dementir sur le fait d'aujourd'hui.*

Но негодованіе, уже мелькающее въ этихъ стихахъ, проявляется въ слѣдующемъ монологѣ. Она начинаетъ его плавно-протяжнымъ тономъ, но оканчиваетъ напряженнымъ и дѣлаетъ замѣтное удареніе на словѣ *diablesse*. Вслѣдъ за тѣмъ три стиха произносятся вспыльчиво и опять замѣтное удареніе на словѣ *verité*. Послѣ того Оргонъ восклицаетъ *voir*, а Ельмира отвѣчаетъ *Oui* и многіе вѣроятно помнятъ это *oui*, ибо г-жа Плесси какъ-то особенно выразительно произноситъ его, иногда давая каждой изъ гласныхъ отдѣльный и медленный звукъ. Ослѣпленный все еще не вѣритъ, дважды начинаетъ она убѣждать его, и онъ наконецъ соглашается на испытаніе Тартюфа, и тогда она приказываетъ позвать его.

Въ этомъ приказаніи три стиха:

*Non, on est aisement dupé par ce qu'on aime*

*Et l'amour propre engage à se tromper soi-même*

*Faites le moi descendre; et vous—retirez vous.*

и три понятія: кокетства, благородства и увѣренности въ своей очаровательности выразила въ нихъ г-жа Арну, и этимъ снова и несомнѣнно доказала, что она глубоко понимаетъ роль, совершенно

сродняется съ нею и вполне владѣя собою, умѣетъ выразить все, заключающееся въ словахъ ея. Тогда, оставшись на-единѣ съ мужемъ, она приказываетъ ему подлезть подъ столъ, наклонится къ нему и мѣрно жестикулируя, какъ дающій наставленіи, рѣшительнымъ тономъ даетъ ихъ. Но послышались шаги Тартюфа и, быстро опустивъ покрывающее столъ сукно, величаво отходить она на средину сцены.

Тогда наступаетъ 5 явленіе, рѣшающее комедію и важнѣйшее въ роли Ельмиры, которой приходится обольщать Тартюфа, выслушивать неблагородныя выраженія его страсти и, несмотря на близость мужа, всякую минуту опасаться оскорбительнаго движенія. Тогда лицо г-жи Плесси разгорается, глаза быстро движутся, грудь волнуется, и что-то судорожное шевелитъ руки и плеча, а между-тѣмъ голосъ ея сначала закателенъ, а потомъ робокъ и прерывается, хотя и притворнымъ, но нервическимъ кашлемъ. Эта сцена, если бы зритель не зналъ, что Оргонъ подъ столомъ, была бы сильнѣе, но въ то же время была бы неблагопристойна, какъ представленіе животныхъ вожделеній, но Мольеръ зналъ достоинство искусства и не пожертвовалъ имъ нѣсколькимъ аплодисманамъ.

Привѣтливо встрѣчаетъ Ельмира Тартюфа, и вскорѣ важное произношеніе замѣняется умоляющимъ, а это въ слѣдующемъ монологѣ уступаетъ мѣсто притворно-страстному, но вмѣстѣ съ этимъ она тихо и незамѣтно для него подвигается къ столу, ибо благоразумная женщина уже начинаетъ бояться слѣдствій своего притворства, и тогда легко можно прочесть на лицѣ ея, что она убѣжала бы, если бы это было можно. Но ей еще надо притворяться и она все также тихо, но уже замѣтнымъ для Тартюфа образомъ, (что онъ вѣрно и принимаетъ за послѣднее выраженіе слающагося цѣломудрія), приближается къ столу и съ замѣтнымъ волненіемъ говорить :

On se tue a vous faire un aven des plus doux и потомъ Et l'on ne peut aller jusqu'a vous satisfaire

Qu'aux dernieres faveurs on ne posse l'affaire.

Такимъ же выраженіемъ, но еще усиленнымъ, отличается и слѣдующая тирада ея, при чемъ особенно отозвалось удареніе на стихъ:

Et vous ne laissez pas le temps de respirer.

и рука ея судорожно схватила сукно. Послѣ того ей уже не подь силу, и она хочетъ остановить его, напоминаніемъ о небѣ, но ему однажны, сбросившему маску, трудно возвратиться къ ней, и тогда Ельмира, доведенная до крайности, дергаетъ сукно и кашляетъ часто и сильно. Сладострастная дрожь пробѣгаетъ по тѣлу его, какъ будто бы сообщается ей, и она, кашляя и порывая сукно со стола, къ которому уже совсѣмъ придвинулась, съ волненіемъ оканчиваетъ монологъ:

Enfin, je vois qu'il faut sa résoudre à ceder!

и это выраженіе отзывается упрекомъ мужу, показывающимъ нетерпѣніе окончить странную сцену. Но мужъ не выполняетъ еще, и она приказавъ Тартюфу посмотрѣть, нѣтъ ли кого въ сосѣднихъ комнатахъ, отходить отъ стола и стоитъ, обращаясь къ нему въ позѣ побѣдительницы, хотя и не героической. Оргонъ является, иронически привѣтствуетъ она его:

Quoi, vous sortez si-tot. Vous vous moquez des gens,

Et ne vous fiez point aux simples conjectures,

и также, по съ прибавленіемъ негодованія говорить она:

Laissez vous bien convaincre, avant que de vous rendre.

Послѣ того сталкивается Тартюфъ съ Оргономъ, а Ельмира стоитъ у стола, рука ея опирается на него, другая у пояса, а голова въ полуоборотъ къ обманщику, и уже успокоенное лицо ея и ровный голосъ, выражаетъ ея слова;

C'est contre mon humeur que j'ai fait tout ceci

Mais on m'a mis au point de vous traiter ainsi.

За-тѣмъ въ 4-мъ актѣ ей достается на долю только стихъ удивленія:

Quel est donc ce langage? et qu'est ce qu'il veut dire?

восклипаніе la donation и только. Въ 5 актѣ роль ея незначительна; но кажется, что ей довольно было работы и можно уступитъ мѣсто другимъ дѣйствующимъ лицамъ.

Въ третьей сценѣ 5 акта вся семья въ сборѣ и старая Пернель

упрямо защищает Тартюфа, но Ельмирѣ, еще потрясенной предъидущей сценой, неловко быть на виду, она отходитъ въ углубленіе театра съ Маріаною, стараясь казаться спокойною. Затѣмъ слѣдуютъ сцены Лояля, входъ Тартюфа и быстрый оборотъ дѣлу, данный полицейскимъ и въ разыгрываніи этихъ молчаливыхъ сценъ своей роли, г-жа Пюсси опять выказала свое искусство. Ельмира, какъ уже замѣчено, не можетъ любить глупца; но она жена ему и жена, понимающая свои обязанности, и потому грустна, но грусть ея умѣренная въ началѣ, при прощаньи съ мужемъ благородна и безъ рѣзкаго выраженія переходитъ въ радость при спасеніи его.

Такъ исполнила г-жа Пюсси свою трудную, но смелѣнію мыслей роль, и если кто исполнить ее лучше, то онъ, какъ намъ кажется, исполнить другую, ибо мы не можемъ понять, что еще нужно для полнаго совершенства и что можетъ доставить большее наслажденіе, когда вспомнимъ, что красота г-жи Пюсси, обворожительная грація движеній и мелодія голоса, помогали ея искусству и соотвѣтствовали истинному значенію представляемаго.

«Валерія» Скриба, представленная въ 1-й разъ въ 1822 году, такъ извѣстна, посѣщающимъ театры, что мы также ограничимся изображеніемъ главнаго характера. Этотъ характеръ, несмотря на обстановку, которую всего вѣрнѣе обозначать словомъ водевильная, и ново и талантливо составленъ. Валерія занимаетъ особенностію положенія, прельщаетъ наивностію и трогаетъ любовью, которой приданъ по мѣсту дѣйствія, нѣмецкій характеръ, выражаемый словомъ, неизмѣющимъ ни на какомъ другомъ языкѣ равносильнаго — мы хотимъ сказать *Schnuff* — и все это превосходно передается г-жею Пюсси, почему и немудрено, что кромѣ послѣдней сцены, въ игрѣ другихъ только и значительной, она постоянно приковывала къ себѣ вниманіе и сладко шевелила сердце. Но прежде, нежели мы займемся подробностями, мы остановимся на вопросѣ: Какъ должно играть Валерію съ открытыми или закрытыми глазами? и отвѣтимъ, съ открытыми, потому что при катарактахъ, въ чемъ какъ можно заключить изъ операціи состоитъ и слѣпота, глаза глядятъ, но не видятъ, и такъ играла г-жа Пюсси, при чемъ удивительно было ея самообладаніе. Не шевельнувшись глазомъ, ни однимъ жестомъ не показала, что она притворяется невидящею.

Въ бѣломъ платьѣ, съ букетомъ на груди, съ открытыми плечами и въ короткихъ рукавахъ, выходитъ Валерія, опираясь на Амбруаза. Нѣжно спрашиваетъ она: здѣсь ли вы Генрихъ? и потомъ скоро приказываетъ вести себя къ нему. Тогда она говоритъ

полувесело: je vous ai fait attendre, ne c'est pas ma faute; je ne vais pas aussi vite que je le voudrais, и потомъ обращаясь къ Амбруазу: Tu es mon Antonio... tu me guides et je te soutiens, и въ этой полу-веселости звучитъ и чувство преданности воле Всевышняго и доказательство, что привычка облегчаетъ жажду страданія и вмѣстѣ съ тѣмъ меланхолія злополучнаго состоянія, развѣженная любовью къ отсутствующему и, можетъ быть, навсегда отсутствующему. Столько слившихся чувствъ, даны на долю исполняющей эту роль и кажется, что г-жа Плесси научила насъ, что это именно должно выражаться; такъ талантливая игра объявляетъ самую пьесу и отъ того-то любителямъ литературы важно достойное исполненіе ея сокровищъ.

Хладнокровіе г-жи Плесси при отвѣтѣ о невозможности выздоровленія и тонкая шутка надъ словоохотливымъ старикомъ: je suis pauvre... je le paie en l'ecoutant. Eh bien? трогательно и естественно представляетъ ужасъ ея положенія. Удовлетворивъ болтливости своей, Амбруазъ уходитъ и тяготившійся его присутствіемъ Генрихъ, открываетъ Валеріи свою любовь къ Каролинѣ. Съ любопытствомъ, но съ участіемъ слушаетъ она и вспоминаетъ, что и она слѣпая умѣла уже замѣтитъ ихъ взаимныя отношенія и грустно говоритъ, что ей жалко было бы разстаться съ нимъ, котораго душа по сильной любви, родственна ея обильной душѣ, затѣмъ слѣдуетъ и тирада, признаніе въ любви къ неизвѣстному ей Эрнесту. Кромѣ общаго, требуемаго отъ исполнителя, тирада ея по разнообразію выраженія, потеряла свою длинноту и показалаь раздѣленною на части. Начало слѣдовало камертону предыдущаго, но уже получало грустное выраженіе, которое при разсказѣ о состраданіи другихъ, сдѣлалось плачущимъ, потомъ грудь ея зашевелилась, губы и лобъ получили энергію, и голосъ сильно пересказалъ еединокъ, но опять постепенно смягчился, и только такъ сказать — вздрогнулъ на словахъ: j'errrouvais une douleur aigue qui me fit froid и какъ бы замираетъ et puis je ne sentu plus rien.

Последнее слово, одно изъ тѣхъ которыми щеголяетъ Рапелъ, cette diseuse de mots par excellence и которыя составляли одно изъ украшеній игры г-жи Марсъ, произнесены были г-жею Плесси такъ трогательно и граціозно, что нельзя повѣрить, чтобы можно было произнести ихъ иначе. Она продолжаетъ длинный разсказъ, прерываемый двумя незначительными восклицаніями

ми Гейнриха и нѣжно вспоминаетъ свое знакомство съ Эрнестомъ, съ одушевленіемъ говоритъ о его блистательномъ воображеніи и снова возвращается къ трогательной граціи при словахъ: *je voyais quand il était là* и тогда на лицѣ ея изобразилась чистая радость и скорбь объ утраченномъ, но какъ будто бы не навсегда. Эта скорбь усиливается и описаніе разлуки изъ тихо-грустнаго переходитъ въ горькое выраженіе, и опять какъ-бы озаряется граціею при словахъ *le malheur... c'est l'absence*, опять подучаетъ трогательное равнодушіе: *Je n'aurais pu la lire*, и наконецъ постепенно склоняется къ спокойствію, оканчивающемуся веселою живостію: *Ne vous semble-t-il pas plaisant qu'il ait ici une intrigue et que ce soit moi qui la dirige.*

Слѣдующій затѣмъ разговоръ ея съ Каролиною, которую она спрашиваетъ о чувствахъ ея къ Гейнриху, менѣе значителенъ, но здѣсь художница умѣла отдѣлать отъ прочаго убѣдительнымъ тономъ: *tu ne t'arresois donc de rien? Moi, je ne pouvais le voir... mais sans qu'il parlât...* и нетерпѣливымъ: *conduis moi dans mon appartement.* Тогда она мило пожала плечами и мило сказала: *Ah! le maudit landaul il vient de renverser tout ce que j'avais fait.*

Въ 5-й сценѣ 2-го дѣйствія, Валерія выходитъ изъ своей комнаты, полагая, что графъ Гальцбургъ, съ которымъ она не желала встрѣчаться, уѣхалъ. Ощущью пробирается она до середины сцены и графъ, узнавъ въ ней свою Валерію, подаетъ ей руку, чтобы вести ее. Тогда легонько вздрогнула она: *Eh, mais ce n'est pas la main d'Ambroise*, восклицаетъ она не вѣря своему ощущенію, и потомъ приложивъ руку къ груди, съ чувствомъ сказала: *voilà ce que j'esprouvais autrefois*, и быстро спросила: *qui que vous soyez*, но уже нѣжно окончила: *Ernest, est-ce toi?..*

Такъ разыграна была первая встрѣча, и эти перемѣны выраженія, мертвыя въ описаніи нашемъ, трогали своею естественностію и дышали силой чувствъ и милою прелестью. За симъ Валерія рассказываетъ графу, котораго званіе ей неизвѣстно, что она ждала его, объясняетъ причины несогласія ея выйти за него замужъ и грустный голосъ ея смѣняется взволнованнымъ, въ словахъ, *si je devenais jalouse... cela peut arriver, je le sens et tres aisement, j'en mourrais d'abord*, изъ которыхъ слово *mourrais*, получило сильное удареніе. Графъ собирается идти. *Vous me quittez*, сказанное умильнымъ голосомъ, разоблачаютъ душу Валеріи; ей, лю-

башей, суждено было встрѣтиться съ Эрнестомъ и тяжко разстаться съ нимъ.

Послѣ этого явленія, водевильныя пружины начинаютъ дѣйствовать и Генрихъ приходитъ, незная въ чемъ дѣло, пугать Валерію. Сначала она не хочетъ вѣрить: *Eh, de grâces, dispensez vous de m'en donner tant de preuves*, но нетерпѣніе уступаетъ робкой недовѣрчивости, которая однако еще разъ изглаживается граціознымъ убѣжденіемъ. *Non, rassurez vous, il ne voudrait pas me tromper... ce serait trop facile*. Является Амбруазъ съ подтвержденіемъ догадки Генриха. Дрожащимъ голосомъ спрашиваетъ она: *Quoi, c'est pour cette raison qu'il a fait demander un notaire* и наконецъ она убѣдилась, отчаяніе чистой души заключаетъ сцену и дѣйствіе.

Волненіе характеризуетъ игру Валеріи въ началѣ третьяго акта и оно, подкрѣпляемое грустью, постепенно усиливается, до сцены, въ которой Скрибъ, втолкнувъ ее въ сосѣднюю комнату, заставляетъ графа объяснить Каролинѣ, что онъ любитъ слѣпую и выучился операторству для того, чтобы самому исцѣлить возлюбленную. Тогда выходитъ она и объявляетъ, что готова на операцію и съ милымъ нетерпѣніемъ проситъ не отлагать. Ее уводятъ, операція дѣлается за сценою и вотъ она сдѣлана. Она выбѣгаетъ, руки ея поднялись и дрожатъ, глаза сверкаютъ и быстро вращаются, и дикій крикъ: *laissez moi, laissez moi!* раздается. Здѣсь краткая остановка и новый крикъ, крикъ восторга и удивленія: *je vois*. Она останавливается среди сцены, дивится своей новой способности, какъ бы осознать отдавленное, падаетъ на колѣна, благодаря: *Oh, mon Dieu, je te rends grâces... je sors de ma prison...* и тогда слово *j'existe* сильно протянутое и звучно сказанное, исторгается изъ потрясеннаго сердца. Вотъ энергическая часть послѣдней сцены, слѣдуетъ граціозная, Валерія беретъ за голову Каролины, какъ мать, любующаяся дочерью и мило говоритъ: *Que tu es belle* и потомъ смотритъ на Генриха и Эрнеста, узнаетъ сердцемъ никогда невиданнаго ею графа, откальвается съ груди своей букетъ и по неопытности думаетъ, что можетъ подать, но узнаетъ ошибку и тихо съ протянутою рукою доходить къ нему. Тогда приближается Амбруазъ съ повязкою, предписанною на нѣсколько дней и съ ужасомъ, смягченнымъ радостью, говоритъ она: *Quoi, déjà redevenir aveugle* и когда ей намѣкаютъ, что она до сего времени равнодушно сносила слѣпоту, она бросивъ нѣжный взглядъ на Эрнеста, отвѣчаетъ: *Ah, je n'avais pas vu*.

Эта сцена, конечно самая выразительная во всей пьесѣ, но мы не

думаемъ, чтобы она была лучшая, по-крайней-мѣрѣ, въ игрѣ г-жи Плесси, которая, какъ истинная художница, не упустила изъ вида ни одной подробности своей роли и всякой дала свойственное ей и притомъ прекрасное выраженіе. Конечно, охотники до сильныхъ ощущеній предпочтутъ энергическій порывъ тонкимъ видоизмѣненіямъ нѣжныхъ чувствъ, но мы не оспаривая ихъ, замѣтимъ, что разсказъ о знакомствѣ съ Эрнестомъ въ 1-мъ актѣ и встрѣча во 2-мъ, нисколько не уступаютъ послѣдней сценѣ, но только не такъ легко могутъ быть поняты.

Послѣ Тартюфа и Валеріи, трудно перейти къ комедіи въ родѣ *Faute de s'entendre* или какъ мы перевели «Недоразумѣніе» гг. Мельвилья и Дюверье, трудно во-первыхъ намъ, потому-что глубокомысленная и художественная комедія Мольера и нехудожественная, но трогательная Скриба, приучили насъ къ истиннымъ ощущеніямъ, а во-вторыхъ; потому-что трудно артисткѣ, безпромежуточно переходить отъ величавой Ельмиры и чувствительной Валеріи къ пошленькимъ выдумкамъ театральныхъ поставщиковъ. Но несмотря на подобное мнѣніе наше объ этой комедіи, мы находимъ, что въ ней есть сцена замѣчательная, это сцена, въ которой любящая Блума Луиза хочетъ заставить его признаться въ любви. Въ ней очень трудно отличить, что принадлежитъ авторамъ и что введено исполнительницей, но какъ-бы то ни было, сцена эта обворожительно-граціозна въ игрѣ г-жи Плесси. Дѣйствительно, видя ее, мы видѣли дѣвушку въ странномъ положеніи, она навязывается человѣку, который рѣшительно ее отталкиваетъ и грубо-откровененъ и нетерпѣливъ. Какъ же поступитъ она? Она—дѣвушка, а слѣдовательно, не должна унижать себя просьбою и не можетъ обольщать сладострастіемъ — и такъ, ей слѣдуетъ быть только граціозною, она не отступаетъ, несмотря на безуспѣшность своихъ стараній, а это показываетъ, что она должна быть жива и даже рѣзва, что и есть выраженіе ея волненія; далѣе, она любитъ и любовь ея плохо понимается, и отъ того-то мѣстами прослѣчивается досада и грусть, и наконецъ ей нельзя быть простодушной, по-крайней-мѣрѣ, въ обращеніи съ Блумомъ, товарищемъ ея дѣтства. Давши вообще такія выраженія этой сценѣ, г-жа Плесси измѣняла ихъ согласно съ словами и мы всегда будемъ считать за совершенство исполненія, ея тихое приближеніе къ рабочему столу Блума, ея частыя наклоненія къ стулу, котораго ручку она какъ будто-бы мнетъ, ея шитье по канвѣ и бросаніе бумагъ со стола.

Кромѣ этой сцены, г-жа Плесси успѣла дать нѣкоторое значеніе ничтожной грусти объ отъѣздѣ Блума, въ Индію, и незамыслова-

той уловкѣ возбудить ревность и только, и потому только, что ничего нельзя было болѣе извлечь; однако комедія слушалась и глядѣлась съ удовольствіемъ, ибо въ фигурѣ знаменитой артистки есть что-то очаровывающее, а голосъ ея ласкаетъ слухъ мягкостью и чистотою.

Окончивъ описаніе бенефиса г-жи Плесси, мы смѣемъ сказать, что нетерпѣніе наше при ожиданіи, воишѣ оправдано — и точно она явилась въ двухъ важныхъ произведеніяхъ, а не часъ случается видѣть ихъ художественное исполненіе. (\*)

Д. К.\*\*\*\*\*

---

(\*) Статья эта доставлена намъ почтеннымъ П. Н. Араповымъ, который самъ долгое время трудился для театра и слѣдилъ за его успѣхами. Мы побѣдились помѣстить ее, какъ личное мнѣніе московскаго рецензента, хотя во многомъ не можемъ съ нимъ согласиться. Предоставляемъ себѣ со временемъ яснѣе высказать объ этомъ предметѣ. — *Редак.*

# ОБОЗРѢНІЕ

## ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

### ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

LE MALHEUR D'ÊTRE JOLIE. (Горе отъ хорошенькаго личика), Комическая опера, въ одномъ дѣйствіи; слова *Денюе*, музыка *Базена*. (Театръ Комической-Оперы.)

Жила — была, при блаженной памяти король Карль VII, молодая, хорошенькая дѣвушка, которой ревнивый опекунъ не позволялъ держать зеркала. Скучаетъ бѣдняжка безъ зеркала; но еще болѣе тоскуетъ безъ пажа Изолье; безъ него къ чему ей и красота. Изолье отправился въ далекій походъ и возвращается только вѣстникомъ горя для себя и для нея; онъ возвѣщаетъ ей, что его господицъ, старшій сирь Бертранъ-де-Мариньи избралъ ее себѣ въ супруги, и что она должна готовиться въ тотъ же вечеръ покориться этой великой чести. Получивъ это извѣстіе, Анжела, въ отчаяніи, придумываетъ средство избавиться отъ ненавистнаго брака. Красота ея прельстила стараго Мариньи; она рѣшается разрушить эту красоту; любовь къ Изолье и ненависть къ тому, который хочетъ быть ея мужемъ, даютъ ей мужество, и она выпиваетъ цѣлую стеклянку какого-то зелья, которое должно обезобразить ее. Къ счастью, однако-же, зелье оказывается не дѣйствительнымъ, и когда дѣло принимаетъ благоприятный оборотъ для любящихся, и сирь

Марини отказывается отъ руки Анжели и отдаетъ ее Изолье, какъ-разъ находится услужливое зеркальцо и доказываетъ Анжель, что она лучше, чѣмъ была когда-либо.

Мысль довольно удачна, но пьеса построена тяжело и неловко. Впрочемъ, музыка выкупаетъ ее недостатки; она умна, хорошо написана и представляетъ довольно много счастливыхъ мелодій. Съ особеннымъ искусствомъ умѣлъ композиторъ дать ей характеръ и колоритъ мелодій XV вѣка. Бозень, кажется, предложилъ себѣ задачу, и въ операхъ и въ мелкихъ сочиненіяхъ обновлять полузабытыя пѣсни и мелодіи прошлыхъ вѣковъ.

L'ÉCOLE DES FAMILLES, (Школа семействъ), комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. *Адольфа Дюма*. (Историческій театръ).

Старая сказка о сынѣ, предающемся страстямъ и безпорядочной жизни; для контраста поставлены около него нѣсколько благородныхъ, великодушныхъ людей, скромный сынъ и добрый Марсельскій купецъ. Развязка заключается въ томъ, что сынъ исправляется, что жена бросается въ его объятія, что младшая сестра его выходитъ за г. Огюста — и дѣло въ шляпѣ.

Эта комедія много напумѣла въ театральномъ мѣрѣ, она была сначала представлена въ комитетъ Французскаго Театра, который ее отвергъ. Авторъ передалъ пьесу на судъ нѣсколькимъ лицамъ, выбраннымъ имъ самимъ; приговоръ этого новаго суда былъ противенъ первому приговору. Послѣ всѣхъ этихъ продѣлокъ, немудрено, что публика съ нетерпѣніемъ ожидала представленія пьесы, надѣясь найти въ ней необыкновенное произведеніе. На повѣрку вышло совсѣмъ не то. Содержаніе старо; дѣйствіе вяло, несвязно, характеры слабы, неоконченны. Кой-гдѣ проглядываютъ удачныя стихи и все тутъ. Стоило изъ нея такъ много шуметь!

LES NUITS BLANCHES (Безсонныя ночи,) водевилль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Баяра и Бісвилля. (Т. Драматической Гимназіи.)

Дѣйствіе происходитъ во время Фронды; (это время какъ бы созданное для водевиллистовъ и романистовъ,) у добраго со-вѣтника Брюсселя, который такъ простодушно дивился собственной своей важности. Дочь его, Клотильда, плачетъ и вздыхаетъ, пропало спокойствіе ея сердца, сонъ не смыкаетъ ея глазъ. Какое женское сердце въ то время не билось для молодого дворянина? Наваль же такъ хорошъ, такъ нѣженъ. Жизнь его въ опасности; какой молодой дворянинъ въ то время не участвовалъ въ томъ или другомъ заговорѣ? Клотильда не заботится о томъ, за короля ли онъ, или за Парламентъ? Она знаетъ только, что онъ въ опасности, и рѣшается спасти его, хоть бы ей пришлось бороться съ бѣшенымъ Фоссезомъ, или хитрымъ Ковиньякомъ. Кто любитъ, всегда найдетъ чудесное убѣжище для предмета своей любви. Благодаря уму и хитростямъ Клотильды, Наваля вездѣ видѣли, и нигдѣ не находятъ. Отсюда цѣлый рядъ самыхъ забавныхъ, самыхъ комическихъ сценъ. Клотильда защищаетъ его противъ всѣхъ и каждаго, противъ отца, противъ Мазарниновъ, и даже противъ своего жениха; и разумется, успѣваетъ спасти его.

Пьеска жива, остроумна, увлекательна, и при прекрасномъ исполненіи, имѣла большой успѣхъ.

ЕГМОНТЪ (Эгмонтъ), трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Ролана. (Театръ Одеона.)

Эта трагедія написана уже года четыре назадъ и года три покоилась въ архивѣ Одеона, какъ вдругъ директору въ недобрый часъ вздумалось нарушить ея долгій покой и представить ее на судъ публики. Мы не будемъ рассказывать ея содержанія; оно давно всѣмъ извѣстно. Это ничто иное, какъ подражаніе *Эгмунту* Гёте, но подраженіе слабое, блѣдное, пошрое до нельзя. Безпрестанное повтореніе однихъ и тѣхъ же положеній, однихъ и тѣхъ же мыслей, самымъ напыщеннымъ и вялымъ языкомъ, и въ самыхъ любовныхъ стихахъ.— Впрочемъ, авторъ

человѣкъ ловкій, онъ умѣлъ распорядиться, чтобы пьесѣ его надлежащимъ образомъ апплодировали.

LES ETOUFFEURS DE LONDRES (Лондонскіе душиатели,) драма въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Жема и Поль — Фуше.  
(Театръ Веселости.)

Гопкинзъ, старый лицемеръ — пуританецъ, такъ сумѣлъ вкрасться въ довѣренность Кромвеля, что тотъ назначилъ его начальникомъ Лондонской полиціи; сверхъ того, онъ одинъ изъ всѣхъ придворныхъ имѣетъ право носить перстень протектора. Казалось бы, будетъ съ него всѣхъ этихъ почестей; однако-же онъ ими неудовольствованъ; съ помощью ловкаго подлога, онъ присвоиваетъ титула и богатства лорда Ливдсея, приверженца короля Карла I, и потому изгнаннаго новымъ правительствомъ. Чтобы вполне заслужить уваженіе англійскаго народа, ему остается только избавить Лондонъ отъ шайки разбойниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ *душителей*, которымъ главнымъ мѣстомъ сборища служитъ трактиръ *Семи Часовъ*. Почтенный Гопкинзъ пускается отыскивать ихъ. Случай, довольно неправдоподобный, но отъ котораго зависитъ завязка пьесы, открываетъ Гопкинзу, что Ливдсей въ Лондонѣ; это обстоятельство измѣняетъ его планы; онъ прекращаетъ свои преслѣдованія противъ душиателей, съ тѣмъ, чтобы они его избавили отъ Ливдсея; Роджеръ Торнквифъ, начальникъ шайки, соглашается; онъ также человѣкъ честолюбивый и думаетъ наследовать послѣ Гопкинза должность начальника полиціи, чтобы продолжать свои дѣйствія въ большихъ размѣрахъ. — Сказано, слѣдано; одна Темза знаетъ судьбу Ливдсея. — Но что привело Ливдсея въ Лондонъ? — За нѣсколько лѣтъ, уѣзжая изъ Англій, Ливдсей поручилъ дочь свою на попеченіе своего управляющаго, Уильямса, который вскорѣ былъ умерщвленъ душиателями. Между-тѣмъ, какъ Алиса оплакиваетъ того, кого считаетъ отцомъ, является къ ней покровитель, молодой офицеръ Эдгаръ; какъ водится, они влюбляются другъ въ друга. Алиса, прѣхавъ изъ Норвичи въ Лондонъ, случайно находится на площади *Семи часовъ* во- время убіенія Ливдсея, котораго она не знаетъ; до нея долетаютъ слова Гопкинза: у меня перстень Кромвеля. — Но Ливдсей умривъ, воскликнулъ: моя дочь,

Алиса! (извѣстно, что умирающіе въ драмахъ, любятъ проболтаться) Гопкинзъ съ досадою узнаетъ, что ему предстоитъ еще препятствіе къ достиженію цѣли. Неосторожный Эдгаръ, прося позволенія остаться въ Лондонъ, подъ вымышленнымъ именемъ и живетъ въ гостинницѣ *Семи часовъ*. Гопкинзъ отыскиваетъ ее, а Эдгара усылаетъ въ армію. Но Гопкинзъ возбудилъ противъ себя новаго врага, Торнклифа, не получившаго обѣщанной награды за смерть Линдсея. Въ то же время новое обстоятельство запутываетъ положеніе Гопкинза; онъ получаетъ письмо, въ которомъ его извѣщаютъ, что сынъ его, плодъ давно забытой любви, въ Лондонъ и проситъ его покровительства. Прежде всего старый лицемѣръ рѣшается жениться на Алисѣ; простодушная дѣвушка вдается въ его обману, и думая, что дѣло идетъ объ Эдгарѣ, даетъ свое согласіе; уже готовится обрядъ... но Роджеръ Торнклифъ и Эдгаръ, благодаря тремъ загнаннымъ лошадямъ и нѣкоторому неправдоподобію, посвящаютъ во-время, чтобы предупредить его. Эдгаръ, казалось бы, долженъ дорого заплатить за свою дерзость? Ничуть небывало; Гопкинзъ узнаетъ, что онъ его сынъ, и поднимается на новыя хитрости; онъ уговариваетъ Эдгара и его невесту жить у него до свадьбы. Между-тѣмъ, Торнклифъ не плашаетъ; онъ извѣщаетъ безыменнымъ письмомъ Кромвеля о томъ, что Алиса, дочь лорда Линдсея, спасаемаго ему жизнь при Ворстерѣ. Протекторъ хочетъ возратить ей отцовское имѣніе и титула, и предлагаетъ Гопкинзу купить ихъ; но Гопкинзъ нехочетъ и слышать о продажѣ, а великодушно даритъ титула и имѣніе Эдгару. Получивъ акты, Эдгаръ замѣчаетъ, что они подложны; Алиса узнаетъ, что отецъ ея зарѣзанъ, вспоминаетъ слова *перстень Кромвеля*; Эдгаръ, сличивъ разные факты и съ подложныи бумагахъ, обвиняетъ Гопкинза въ подлогъ, въ убійствѣ, и другихъ преступленіяхъ. Гопкинзъ, растерявшись, сознается, что онъ отецъ Эдгара. Эдгаръ въ отчаяніи; но Меджъ, мнимая мать его, подаетъ письмо, которымъ объявляется, что Гопкинзъ ошибается, что Эдгаръ не сынъ его. Старый лицемѣръ, опять обращается къ Торнклифу, который и обѣщаетъ сбить Эдгара, Меджъ и нѣсколько другихъ лицъ; дѣйствительно Эдгаръ и Меджъ скоро попадаютъ въ руки душегубовъ; открывается люкъ, завязывается борьба... чтобы спасти Эдгара отъ смерти, авторы воскрешаютъ лорда Линдсея, который врываетъ

ся въ склепѣ, съ толпою вооруженныхъ полицейскихъ служителей и освобождаетъ Лондонъ отъ душителей. Торкклифъ, готовясь къ висѣлицѣ, утѣшается тѣмъ, что пойдетъ не одинъ, а съ пріятелемъ своимъ Гопкинзомъ.

Драма полна неправдоподобія; характеры слабы и блѣдны; но въ ней есть нѣсколько эффектныхъ сценъ, на пр. сцена Эдгара съ Гопкинзомъ въ четвертомъ дѣйствіи; а этого достаточно для успѣха; болѣе отъ драмы въ наше время и не требуютъ!

PASCARIEL ET SCARAMOUSNE (Паскариель и Скарамушъ),  
комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, соч. Мишеля  
Карре (Французскій театр.)

Въ одинъ прекрасный день, вздумалось Скарамушу и Паскариелю постранствовать вдвоемъ, оставивъ женъ дома. Амннта и Коломбинна, пользуясь отсутствіемъ мужей, ву веселиться и черпать въ ихъ кассахъ. Между-тѣмъ, Октавъ, прекрасный молодой человекъ, влюбляется въ Люсиль, дочь Скарамуша; она отвѣчаетъ ему тѣмъ же. Возвращаются наши путешественники и узнаютъ проказы своихъ супруговъ. Скарамушъ задумываетъ наказать ихъ порядкомъ, съигравъ съ ними комедію, въ которой дается роль и Октаву. Амннта и Коломбинна докладываютъ, что какой-то вельможа пришелъ навестить ихъ; этотъ вельможа никто иной, какъ Скарамушъ, разряженный и раздушенный; онъ ловко выведываетъ у неосторожныхъ женщинъ все ихъ тайны, и потомъ мужья открываются женамъ, которыя принуждены возвратить имъ деньги. Октавъ, въ награду за свое содѣйствіе, получаетъ руку Люсилли.

Пьеска мила, хорошо написана, и вообще показываетъ талантъ въ молодомъ авторѣ.

DAMON ET PITHIAS (Дамонъ и Питоія), комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, соч. де-Беллуа. (Театръ  
Одеона)

Кто не знаетъ съ самаго дѣтства анекдота о примѣрной дружбѣ Дамона и Питоія и недовѣрчивости Діонисія. Къ этимъ тремъ лицамъ, такъ, какъ не можетъ быть пьесы безъ женской

роли, авторы присоединили Харміону, рабу Діонисія, которую онъ употребляетъ орудіемъ для испытанія ихъ дружбы.— Пиеій заключенъ въ тюрьму за пасквиль на Діонисія. Харміона проситъ за него. Тиранъ соглашается исполнить желаніе своей любимицы съ тѣмъ, чтобы она испытала добродѣтель Пиеіа. Она снѣшитъ объявить Пиеію, что Діонисій даруетъ ему часть свободы, съ тѣмъ, чтобы другъ его Дамонъ служилъ за него заложникомъ. «Теперь ты свободенъ, корабль ждетъ насъ въ гавани, мы можемъ бѣжать отъ тирана.» — А Дамонъ? возражаетъ Пиеій. — «Моя любовь вознаградитъ тебя утрату друга.» — Пиеій, ослѣпленный любовью, идетъ съ прекрасною рабою къ гавани. Между-тѣмъ Дамонъ заступилъ его мѣсто. Заключение друга огорчило его въ высшей степени; онъ ищетъ утѣшенія въ винѣ. — «Если судьба Пиеіа такъ огорчаетъ тебя, говорятъ ему Харміона, для чего ты не выручишь его, признавъ стихи своими?» — Признать такіе скверные стихи свои? — нѣтъ, лучше умереть. — Діонисій слышалъ эти слова (извѣстно, что онъ построилъ какую-то акустическую темницу, въ которой онъ могъ слышать каждое слово заключенныхъ); онъ является, и трунитъ надъ дружбою Дамона. Эти насмѣшки пробуждаютъ Дамона; онъ подавляетъ авторское самолюбіе и признаетъ стихи. Признаніе его колеблетъ скептицизмъ Діонисія и подкрѣпляетъ надежды Харміоны. — «А другъ твой Пиеій, что дѣлаетъ? говоритъ Діонисій. Между-тѣмъ какъ ты страдаешь за него, онъ отыскалъ себѣ безопасное убѣжище?» — Тиранъ ошибается. Пиеій могъ увлечься на минуту страстью, но, опомнившись, возвращается въ темницу. — Діонисій побѣжденъ, онъ прощаетъ Пиеіа и отпускаетъ Харміону, предоставляя ей выбрать изъ друзей достойнѣйшаго ея любви. Пиеій великодушно отрекается отъ нея и уступаетъ ее Дамону.

Эта пьеса имѣла большой успѣхъ; она жива, умна, и, что довольно рѣдко въ нынѣшнихъ драматическихъ произведеніяхъ, писана прекрасными стихами.

LES NOTABLES DE L'ENDROIT. (Мѣстные власти), комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. *Наррел*. (Театръ *Одеона*).

У г. Дезормо, бургомистра небольшого Фландрскаго город-

ка, (впрочемъ городка не изъ послѣднихъ, ибо въ немъ пять мощеныхъ улицъ), есть дочь, получившая въ парижскомъ пансіонѣ воспитаніе гораздо высшее своего круга. Въ Парижъ она познакомилась съ однимъ молодымъ человекомъ, который обещалъ прійхать просить ея руки. Пока она ждетъ его, родители нашли ей жениха въ особъ безобразнаго и глупаго Нарсиса Жоли, поэта и исправляющаго должность смотрителя публичныхъ зданий и дорогъ. Между-тѣмъ Онорина сообщаетъ всѣ эти подробности почтеннѣйшей публикѣ, и для поддѣрпленія своего мужества, смотритъ на миниатюрный портретъ своего возлюбленнаго. Входитъ ея бабушка, г-жа Дезормо, директриса податей и сборовъ; на вопросъ ея, Онорина отвѣчаетъ, что это портретъ короля; бабушка довольна; на портретъ короля смотреть съ любовью очень позволительное дѣло. — Пока бургомистръ и братъ его, Селестенъ Дезормо, разсуждаютъ о новой системѣ содержанія чистоты въ городѣ, докладываютъ, что дорожная карета изломалась отъ ухабистой дороги; что ѣхавшій въ ней, который долженъ быть знатный и богатый господинъ, потому-что ѣдетъ въ такой прекрасной каретѣ съ фонарями, имѣетъ письмо къ бургомистру отъ Министра внутреннихъ дѣлъ. Г-жа Дезормо сзываетъ на совѣщаніе сосѣдокъ, г-жу Депре, завѣдывающую городскими сборами, и г-жу Деларю, сборщицу соляныхъ и рыбныхъ пошлинъ; онѣ дѣлаютъ смотръ всѣмъ городскимъ знаменитостямъ и не находятъ никого, достойнаго приглашенія на обѣдъ, который долженъ быть данъ въ честь приезжаго. Одна приезжаетъ каждое воскресенье къ обѣднѣ въ новомъ платьѣ; — другая двадцать лѣтъ назадъ, была въ тяжбѣ съ одною изъ совѣщающихся изъ-за дождеваго жолоба; тотъ компрометировалъ молодую дѣвицу, говорилъ съ нею три раза и не просилъ ея руки. Конца небыло бы спорамъ, еслибъ не пришла вѣсть, что гость въѣхалъ уже въ городъ; бургомистръ, братъ его и Нарсисъ идутъ къ нему на встрѣчу. Дамы хотятъ слѣдовать за ними, но столько церемонятся въ дверяхъ, что — по-поднятіи занавѣса, во-второмъ дѣйствиіи, онѣ не успѣли еще окончить своихъ поклоновъ и разговоровъ, а гость уже входитъ въ сопровожденіи всѣхъ властей. «Онъ!» срывается вполголоса съ устъ Онорины. Г-жа Дезормо не приложитъ ума, гдѣ она видѣла это лицо; наконецъ, оставшись одна съ пріятельницами, она вспоминаетъ

портретъ, и падаетъ почти безъ чувствъ въ кресла, говоря: «Это Король!» Изъ таинственнаго письма министра видно, что его величество путешествуетъ инкогнито. Черезъ пять минутъ, весь городъ на ногахъ. Городской советъ является къ мнимому королю съ задравнымъ кубкомъ; городская музыка даетъ концерты передъ домомъ бургомистра; поэтъ Нарсисъ сочиняетъ оду. Напрасно гость увѣряетъ, что онъ не король, никто ему не вѣритъ. Наконецъ, Онорина выручаетъ его и объясняетъ, что онъ просто Фернанъ Дарси, и что она пошутила, сказавъ про портретъ, что это портретъ короля. Можно себя представить досаду и негодованіе всего города. Гостя чуть не гонять; одно письмо министра, называющаго его своимъ другомъ, спасаетъ его отъ этого стыда. — Каждое слово, каждое дѣйствіе бѣднаго Дарси болѣе и болѣе возбуждаетъ противъ него неудовольствіе достойныхъ гражданъ; онъ никогда никого не величаетъ по званію, не каждаго блюда беретъ за обѣдомъ, не хвалитъ пирожнаго, не дивится стихамъ Нарсиса, словомъ, дѣлаетъ невѣжества на каждомъ шагу; но главное преступленіе Дарси то, что онъ Дарси и болѣе ничего. Общее негодованіе усиливается, когда гость осмѣливается просить руки Онорины. Семейный советъ рѣшаетъ единогласно — отказать. Комедія уже смахиваетъ на драму, когда женихъ, Нарсисъ, въ простотѣ души, внушаетъ ей счастливую мысль, компрометировать себя самымъ невиннымъ образомъ. Для этого стоитъ только ей поговорить съ Дарси на улицѣ, въ девять часовъ вечера, въ виду сосѣдей... Эта шалость производитъ тревогу по всему городу; одна свадьба можетъ ее поправить. Бабушка еще противится, но и она дѣлается сговорчивѣе, когда узнаетъ, что Дарси не просто Дарси, а г. *д'Арси*, и сверхъ того, человекъ должностной, королевскій комиссаръ при секретномъ комитетѣ. За тѣмъ все остаются довольны.

Весьма удачное подражаніе старинной пьесы Коцебу, написанное умно, живо и забавно. Пьеса имѣла большой успѣхъ, и обѣщаетъ автору богатое поприще.

*La Bouquetiere* (Цветочница), опера въ одномъ дѣйствіи; слова *Ипполита Люка*, музыка *Адольфа Адана*; (Театръ *Большой-оперы*).

Цветочный рынокъ; на-право лотерейная контора; на-лѣво игорный домъ. Цветочницы воспѣваютъ прекрасное утро, зазываютъ покупателей и бѣсятъ ихъ своею неотвязчивостью. Смотритель квартала хочетъ водворить порядокъ и принудить цветочницъ продавать цветы молча. Разумѣется, это приказаніе возбуждаетъ общее негодованіе и остается безъ исполненія. Между-тѣмъ является Нанетта, самая хорошенькая изъ Парижскихъ цветочницъ. Смотритель давно заглядывается на Нанетту; но какъ только онъ заговорить ей о своей любви, непременно что-нибудь да остановитъ его объясненіе; то шумъ въ игорномъ домѣ, то ссоры цветочницъ съ покупателями, то лотерейный барабанъ. Вышедъ наконецъ изъ терпѣнія, онъ велитъ очистить площадь; но тутъ глядь, вѣтъ Нанетты; она ушла связывать букетъ для одного прекраснаго молодого человѣка, который за каждый букетъ даетъ ей по золотому. На этотъ разъ молодой человѣкъ совсѣмъ проигрался въ игорномъ домѣ; остается у него всего-на-все двадцать су! Что ему дѣлать съ двадцатую су?... развѣ купить лотерейный билетъ? Онъ беретъ билетъ и даетъ его вмѣсто золотого за букетъ; а самъ рѣшается идти въ военную службу и размыкать горе на войнѣ. Когда онъ прощается съ Нанеттою, оба чуть не плачутъ; ибо она втайнѣ любитъ его, и онъ не совсѣмъ равнодушенъ къ ней. Между-тѣмъ, наступило время розыгрыша лотереи; зрителя зовутъ присутствовать при тиражѣ. Колесо вернулось, и.... о счастье, главный выигрышъ выпадаетъ Нанеттѣ. Знакомые съ торжествомъ несутъ ее на рукахъ. Но нѣкоторыя цветочницы завидуютъ ей и спрашиваютъ зрителя, можетъ ли она сохранить эти деньги, получивъ билетъ за простой букетъ цветовъ. Смотритель рѣшается, что не только можетъ удержать эти деньги, но сверхъ того, какъ она за такой букетъ получала обыкновенно золотой, а билетъ стоить только двадцать су, то имѣетъ право требовать уплаты остальныхъ денегъ. Это рѣшеніе вполнѣ успокоиваетъ совѣсть просительницъ. Нанетта бѣжитъ въ рекрутскую комиссію и выкупаетъ своего возлюбленнаго. Онъ открываетъ ей, что онъ Виконтъ Куртене. Услышавъ это имя, смотритель вынимаетъ изъ кармана кппу бумагъ и объявляетъ молодому человѣку, что какой-то его дядя богатый, какъ Набобъ, умеръ въ Остѣ-Индіи и отдалъ ему все свое имѣніе. Само-собою разумѣется, что молодой

Виконтъ награждаетъ любовь Нанетты; онъ безъ отговорокъ принимаетъ выигранныя ею деньги, съ тѣмъ, чтобы она приняла взаменъ его руку съ дялюшкиными милліонами. Нанетта согласна, а зритель съ отчаянія клянется, никогда не искать счастья въ узахъ брака.

Музыка этой оперы имѣетъ все достоинства и все недостатки произведеній Адама: слаба, блѣдна, подчасъ стара и пошла, но гладка и довольно эффектна; и подобно всѣмъ его операмъ, имѣла что-то въ родъ успѣха.

—  
 ROBERT BRUCE (Робертъ Брюсъ), трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Бовалле. (*Французскій театр*).

Робертъ Брюсъ, разбитый англичанами, оставленный войсками и поданными, отлученный отъ церкви, скитается по лѣсамъ и болотамъ, незная куда пріютить свою оцъневую голову. Проклятіе церкви разогнало всѣхъ его друзей; одинъ рыцарь Лонгвиль слѣдуетъ за нимъ и раздѣляетъ все его страданія и опасности. Скоро вся Шотландія для нихъ заперта, море остается единственнымъ ихъ убѣжищемъ. Брюсъ предается произволу волнъ съ Лонгвилемъ и сестрою Изабеллою. Но в море гонитъ изгнанниковъ; буря выбрасываетъ ихъ во владѣнія Рональда, могучаго владѣтеля Шотландскихъ острововъ. Рональдъ былъ вѣжкогда другомъ Брюса и даже былъ обрученъ съ его сестрою. Но и онъ измѣнилъ во-время несчастія. Англія предложила ему свое покровительство, онъ принялъ его, и сталъ ея правою рукою въ угнетеніи своего отечества. Къ тому же новая любовь привязала его неразрывно къ англійскому стану. Онъ полюбилъ Эвату, сестру англійскаго вождя, который обѣщалъ ему ея руку, однако-же, когда изгнанный король проситъ у него убѣжища, онъ принимаетъ его, и клянется защищать его до послѣдней крайности, не какъ своего государя и друга, а какъ гостя. — Между-тѣмъ Лорнъ узналъ, что Брюсъ выброшенъ бурей къ Рональду, и требуетъ его вылачи; онъ отказывается. Видя его непреклонность, Лорнъ болѣе не настаиваетъ; но во-что-бы-то ни стало, Брюсъ не уйдетъ отъ его мести. Огненный крестъ зажигается по его приказанію на всѣхъ окрестныхъ холмахъ, и сзываетъ толпы

враговъ, которые осаждаютъ замокъ. Едва Брюсъ показывается на порогъ, летятъ на него камни и стрѣлы со всѣхъ сторонъ; вѣрный Лонгвилъ убитъ; Рональдъ спѣшитъ собственнымъ тѣломъ закрыть гостя; противится самому Лорну и готовъ пасть жертвою своего великодушія. Въ эту минуту является монахъ,—тотъ самый пріоръ, который отлучилъ Брюса отъ церкви; онъ уже отворяетъ уста, чтобы повторить свои проклятія; но святой духъ внезапно озаряетъ его пророческимъ вдохновеніемъ; онъ благословляетъ Брюса, снимаетъ съ него проклятіе; предрекаетъ ему побѣду и славу. Все измѣняется подъ вліяніемъ этого суда; луки и мечи опускаются; все преклоняется передъ избраницкомъ Божиимъ; враги Брюса становятся его защитниками, самъ Рональдъ клянется ему въ вѣрнопопданствѣ. Изабелла, въ награду за мужественную защиту брата, возвращаетъ Рональду обручальное кольцо, а король позволяетъ ему жениться на Эдитѣ.—Лорнъ остается одинъ съ горстью англичанъ; онъ горитъ мщеніемъ, не столько къ Брюсу, сколько къ Рональду. Завязывается Бинкостъ-Борнская битва. Шотландцы побѣждаютъ. Лорнъ три раза вызывалъ Рональда на поединокъ, но тотъ уклонялся, уважая въ немъ брата своей невѣсты. Наконецъ Лорнъ принуждаетъ его биться, убиваетъ его, но самъ смертельно раненъ, и умираетъ у ногъ сестры, возвѣщая ей смерть противника. Изабелла и Эдита плчуть въ монастырь вмѣстѣ оплакивать предметъ своей любви.

Изъ этого краткаго изложенія ясно видно, что авторъ трагедіи не поэтъ, а актеръ, и заботился не объ общей идее пьесы, не о ея цѣломъ, а о роляхъ и эффектныхъ сценахъ; сверхъ того, имѣя въ памяти цѣлый запасъ трагедій, онъ не трудился изобрѣтать положенія и мысли, а черпалъ ихъ отовсюду, изъ Корнеля и Расина, изъ Виктора Гюго и Понсара, пересыная ихъ тирадами и монологами изо-всѣхъ знаменитостей французскаго репертуара. Оттого выходитъ у него какой-то калейдоскопъ трагическихъ положеній безъ связи, между сценами безъ опредѣленности въ характерахъ; языкъ напыщенъ и тяжелъ, стихи плохи. Несмотря на всѣ эти недостатки, трагедія, мастерски принаровленная къ способностямъ исполнителей и обильная эффектами, увѣчалась полнымъ успѣхомъ.

*Nouvelles d'Espagne* (Испанскія извѣстія) комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. *Гюстава Вазса*. (Театръ *Одеона*).

Лаферье, добрый купецъ, проводитъ всю жизнь въ спекуляціяхъ на желѣзныя дороги и на повышеніе публичныхъ фондовъ, что разумѣется, очень скучно женѣ его, Антуанеттѣ. Напрасно она скучаетъ, жалуется; мужъ ничего не слышитъ, а на ея вѣжности отвѣчаетъ торговыми выкладками. Со-скуки Антуанетта начинаетъ снисходительно слушать вѣжныя рѣчи Каstellана, который не прочь бы замѣнить въ нѣкоторыхъ случаяхъ друга своего Лаферье. Въ домъ Антуанетты живетъ и вмѣстѣ съ нею скучаетъ сестра ея, Габріель, только-что выпущенная изъ пансіона; частенько приходитъ ей въ голову, что не мѣшало бы ея кузену Фердинанду поразвлечь ее. Но Фердинандъ слишкомъ робокъ, и чтобы развязаться, посѣщаетъ предпочтенную даму, дающую холостыя вечеринки. Лаферье, ловящій на легу все, что можетъ имѣть вліяніе на девежный курсъ, узнаетъ, что Англія снаряжаетъ три корабля будто бы для экспедиціи въ Китай; но ему сдается, что эскадра послана взять Кадиксъ. Каstellанъ смѣется надъ его предположеніемъ и думаетъ только о своихъ экспедиціяхъ. Чтобы обезпечить успѣхъ, онъ прибѣгаетъ къ простодушію Фердинанда, и советуетъ ему приволочнуться къ Антуанеттѣ, подтрунивая надъ Китайскою и Кадикскою экспедиціею, она наконецъ сравниваютъ осаду г-жи Лаферье съ осадю Кадикса. Фердинандъ готовитъ рѣчь; но при свиданіи, можетъ только пробормотать: «Кузина, я влюбленъ.» Антуанетта, принимая это на счетъ Габріели, изъявляетъ чрезвычайное удовольствіе. Фердинандъ въ восторгъ; онъ пишетъ въ записной книжкѣ каstellана, лежащей на письменномъ столѣ Лаферье: «Кадиксъ сдался.» — Лаферье возвращается, беретъ для справки записную книжку Каstellана, видитъ эти слова и бѣжитъ на биржу заключить сдѣлку, основываясь на этомъ извѣстіи. Легкомысліе его стоитъ ему 40000 франковъ. Наконецъ все объясняется. Фердинандъ проситъ прощенія у Антуанетты, и получаетъ руку Габріели. Лаферье излечивается отъ страсти къ акціямъ и къ биржевымъ спекуляціямъ, къ великой радости супруги, которая, въ противномъ случаѣ, была бы принуждена дать ему намѣстника.

Успѣхъ.

L'INTRIGUE ET L'AMOUR (Коварство и Любовь), драма въ пяти дѣйствіяхъ и девяти картинахъ, *этюда* съ Шиллера, Александра Дюма. (Историческій театр).

Содержаніе Шиллеровой драмы, «Коварство и Любовь» всѣмъ извѣстно; стало-быть о немъ нечего и говорить, обратимъ только вниманіе на странное названіе *этюда*, которымъ Дюма величаетъ свой *вольный переводъ*; ибо его пьеса ничто иное, какъ вольный переводъ; но у французовъ есть замашка обо всемъ говорить свысока, а Дюма не даромъ родился на цвѣтушихъ берегахъ Гаронны. Какъ ловкій автрепренеръ, онъ очень хорошо понялъ, что для успѣха своего театра долженъ онъ пустить по-больше пыли въ глаза публикѣ; знаетъ онъ слабости своихъ соотечественниковъ:.. вотъ онъ и взлѣзъ на ходули и началъ проповѣловать возрожденіе драматическаго искусства, всемірно — историческо — нравственное значеніе своего собственнаго театра, и проч. и проч.. Чтобы начать это возрожденіе, говоритъ онъ, надо представить новыя образцы, кромѣ грековъ и классиковъ XVII вѣка, надо познакомить французовъ съ иностранными литературами. Признаться, онъ немножко поздно схватился; дѣло начали другіе, за много лѣтъ до него. Но до-сихъ-поръ только переводили произведенія иностранныхъ литературъ, неуринаривля ихъ къ степени развитія французкаго народа и французскаго театра. Каждому французу извѣстно, что ни одинъ народъ не одаренъ въ такой степени, какъ его соотечественники драматическимъ гениемъ и тактомъ; изъ французовъ же всѣхъ болѣе обладаетъ имъ Александръ Дюма! Кому же, какъ не ему, переплавлять Шекспира и Шиллера въ горниль своего гевія и представлять ихъ публикѣ въ возрожденномъ видѣ, вполне удобопонятными ей, съ удовлетворяющимъ высокимъ понятіемъ г. Дюма объ искусствѣ. Для простаго перевода найдутся другіе люди; но это дѣло требуетъ только ума, глубокаго знанія языковъ, истинной любви къ предмету и добросовѣстности; для *этюда* — тактъ и вдохновеніе г. Дюма! О Дюси, за то ли тебя топчутъ въ грязь, что ты дѣлалъ по убѣжденію то, что нынче дѣлають изъ самолюбія, хвастовства и духа спекуляціи?

HENRIETTE ET CHARLOT (ГЕНРИЕТТА И ШАРЛО), комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Варена и Сентима.  
(Театръ Пале-Рояля.).

Молодая дѣвушка помнитъ, что когда она была еще ребенкомъ, ее любилъ такой же ребенокъ; съ-тѣхъ-поръ она выросла, стала прекрасною молодою дѣвушкою, но все еще помнитъ эту дѣтскую любовь. Мальчикъ съ своей стороны также выросъ, отправленъ для образованія въ Парижъ, и думаетъ только о томъ, какъ бы поволочиться и покутить съ пріятелями; но и онъ среди буйной студентской жизни хранить свято память своей возлюбленной Генриетты. Между-тѣмъ, какъ онъ полагаетъ ее далеко, въ своей провинціи, она безпрестанно бываетъ около него; то явится къ нему молодымъ человѣкомъ, застѣчивымъ и робкимъ, котораго онъ ведетъ развернуться въ маскарадъ, то маленькою старушонкою, которая платитъ за него долги, то молодой дѣвушкою, живымъ портретомъ его Генриетты, то, наконецъ, самую Генриеттою, и открываетъ ему, что она безпрестанно слѣдила за нимъ, и всегда была его ангеломъ хранителемъ.

Незатѣйливо, но мило. Пьеса имѣла большой успѣхъ, котораго добрая половина принадлежитъ переодѣваніемъ г-жи Скриванекъ, исполнявшей роль Генриетты.

POUR ARRIVER (КАКЪ ВЫХОДЯТЪ ВЪ ЛЮДИ), комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. Эмиля Сувестра.

На руку Жюльетты, богатой наследницы, имѣется два претендента; одинъ — видимый, но безмолвный — г. Вернуа; другой невидимка; но за него такъ краснорѣчиво говорятъ его записочки, чудныя камелии, являющіяся по-утрамъ на туалетъ и подарки, что ему стоить только показаться, чтобы остаться побѣдителемъ. Г. Вернуа впрочемъ не дуренъ собою, человѣкъ, какъ говорится, солидный; но вѣчное его молчаніе становится наконецъ скучно. Въ одинъ вечеръ, г. Герней, такъ называется женихъ-невидимка, рѣшается объясниться; обстоятельства принуждаютъ его ѣхать и прекратить нѣжную переписку; следовательно, чтобы весь трудъ не пропалъ, онъ долженъ открыть свое имя, и просить желанной награды. Кстати входитъ

Жюльетта; сквозной втерть задулъ свѣчу, прежде, чѣмъ она успѣла увидѣть его, и бесѣда ихъ происходитъ въ темнотѣ. Жюльетта съ радостію узнаетъ, что это тотъ, кого она столько разъ желала видѣть; но только-что она хочетъ отвѣчать ему, слышится шорохъ; Герней скрывается; и когда приносятъ свѣчи; смущенная Жюльетта находится лицомъ къ лицу съ Вернуа. Это вы? восклицаетъ Жюльетта, и безъ дальнѣйшихъ размышленій отдаетъ ему руку и сердце; а онъ безъ зазрѣнія совѣсти беретъ награду за чужія заслуги.

Вернуа женился; но какъ женитьба на богатой невѣстѣ была для него только средствомъ выйти въ люди, то онъ скоро забываетъ жену, и не заботится загладить любовью и преданностію лжѣ, посредствомъ которой онъ похитилъ ея руку. Тутъ является снова Герней. Онъ встрѣчается съ Вернуа и его женою на водахъ. Все благопріятствуетъ его замысламъ; частыя отлучки мужа, скука оставленной жены, наконецъ, неосторожность зятя, Брюнеля, который, узнавъ въ рукѣ Гернея руку, которую писаны таинственныя записки, сообщаетъ это г-жѣ Вернуа. Такимъ образомъ открывается подлая хитрость Вернуа. Но уже поздно наказать его, поздно отомстить за Гернея, Жюльетта не имѣетъ права любить его. Она борется съ сердцемъ, избегаетъ свиданій съ Гернеемъ. Одинъ разъ она измѣняетъ своей тайнѣ, вкругъ, вырывающійся изъ устъ ея, при извѣстіи объ опасномъ положеніи здоровья Гернея, внушаетъ полозрѣніе мужу. Томимый ревностью, онъ наблюдаетъ за женою и застаетъ ее однажды, смущенною и встревоженною, послѣ единственнаго свиданія ея съ Гернеемъ, прощальнаго свиданія. Онъ упрекаетъ ее, грозитъ ей; но сознаніе въ своей виновности подкрѣпляетъ мужество Жюльетты; она въ свою очередь укоряетъ его въ коварствѣ, требуетъ развода. Между тѣмъ, неудачи въ дѣлахъ и въ службѣ, неожиданно обрушаются на Вернуа, и жена, собравъ все силы своей души, остается при немъ и жертвуетъ своимъ счастіемъ, чтобы быть его утѣшительницею.

Изъ этихъ данныхъ, при большемъ умнѣніи, можно бы написать хорошую пьесу въ пять дѣйствій; а Эмиль Сувестръ едва сколотилъ три дѣйствія, да и тѣ вялы и недоконченны. Вся лица движутся и дѣйствуютъ какъ-то наобумъ и развязка происходитъ прежде, чѣмъ они успѣли высказать свои характеры;

чтобы свести концы, авторъ долженъ безпрестанно прибѣгать къ мелкимъ пружинамъ и постороннимъ лицамъ. Вообще видно, что пьеса не роилась въ живомъ воображеніи, а высижена холоднымъ умомъ. Несмотря на прекрасное исполненіе, успѣхъ былъ самый слабый.

СПАРТАКУСЪ (СПАРТАКЪ), трагедія въ пяти дѣйствіяхъ,  
соч. Ипполита Мажена. (Театръ Одеона.)

*Дѣйствіе 1. Въ галереяхъ цирка.* Тигранъ, плыввій царь армянскій, жалуется на надменность консула Лукулла. Является сестра Лукулла, Идамисъ, и рассказываетъ Тиграну, сколько она страдаетъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ, пятнадцать лѣтъ назадъ, полюбила Спартака, спасаго ее отъ ярости дикаго льва, вырвавшася изъ цирка; она должна скрывать бракъ свой отъ брата, который умертвилъ бы Спартака. Теперь тревожитъ ее опасеніе, чтобы мужа ея не избрали для народныхъ увеселеній, готовящихся въ Римъ. Она умоляетъ Тиграна посредствомъ его вліянія въ Сенатъ, спасти его; ему будетъ содѣйствовать трибунъ Ротилій, женихъ ея дочери. Въ это время приходитъ Спартакъ съ гладіаторами; Тигранъ упрекаетъ его въ медлительности и излишней осторожности. Спартакъ отвѣчаетъ, что плодъ еще не созрѣлъ и уходитъ съ гладіаторами въ циркъ. Идамисъ повторяетъ свои просьбы и хочетъ выйти, но на порогъ встрѣчаетъ Лукулла, который удерживаетъ ее и объявляетъ ей, что одинъ сенаторъ согласенъ забыть проступокъ ея молодости и заглавить его бракомъ. Идамисъ отказывается и на упреки брата отвѣчаетъ, что отдала честь законному супругу, что бракъ ея былъ благословенъ Флавиномъ. Лукуллъ хочетъ знать имя этого супруга, но всѣ его усилія безуспѣшны. Наконецъ, приходятъ ликторы и зовутъ его въ Сенатъ.

*Дѣйствіе 2. Тамъ же.* Юнія, дочь Идамисы, приходитъ на народный праздникъ; вдругъ замѣчаетъ она Спартака, несвопщаго съ нея глазъ. Смущенная какимъ-то непонятнымъ ей волненіемъ, она уходитъ. Спартакъ горько жалуется на тяжелую свою судьбу: не смѣть обнять дочери, не смѣть сказать ей, что онъ ея отецъ. Но часъ свободы наступаетъ; если помо-

жетъ царь Понтскій, если не дрогнуть соумышленники, Римъ будетъ сметенъ съ лица земли. Тигранъ извѣщаетъ его, что Митрилатъ идетъ на Римъ. Вслѣдъ за нимъ входитъ Рутилій, разговариваетъ съ гладіаторомъ, дивится величію его души, и умоляетъ вошедшаго между тѣмъ Лукулла, дать ему свободу. Лукуллъ вмѣсто того назначаетъ его на слѣдующій бой съ звѣрями; давно уже бѣситъ его гордый, непокорный нравъ гладіатора; неосторожное слово Рутилія объ участіи, принимаемомъ въ немъ Идамисою, рождаетъ подозрѣніе въ сердцѣ консула и воспламеняетъ его ярость. По выходѣ Лукулла, Спартакъ обращается къ своимъ товарищамъ, подкрѣпляетъ ихъ мужество, обѣщаетъ имъ побѣду и свободу, и кончаетъ прекрасными стихами.

Rome, il te faut encor de mon sang; oh! redoute  
Que le tigre expirant ne m'en laisse une goutte!

*Дѣйствіе 5. Тамъ же.* Идамисъ выходитъ изъ цирка, встревоженная свирѣпыми криками толпы. Юнія осталась въ циркѣ, она не знаетъ, кто долженъ умереть для потѣхи народа. Слышенъ голосъ Спартака: «Римляне, тѣшьте смертью раба.» — Идамисъ смотритъ и вскрикиваетъ; на крикъ ея прибѣгаетъ Юнія. Идамисъ велитъ ей рассказать бой. Когда Юнія вышла изъ цирка, Спартакъ, казалось, колебался. «Умираетъ!» раздается въ циркѣ. Горесть, отчаяніе, негодованіе Идамисы; она хочетъ идти пристыдить римлянъ; но въ эту минуту выходитъ Спартакъ, поддерживаемый Тиграномъ. Идамисъ и Юнія хотятъ выйти; Спартакъ ихъ удерживаетъ; онъ хочетъ посмотреть на дочь. Является Лукуллъ, дивится присутствію сестры, и скоро уходитъ. Спартакъ одинъ съ своими соумышленниками; за сценою крики пьяной римской молодежи. Спартакъ возбуждаетъ мужество своихъ товарищей, уговариваетъ ихъ свергнуть постыдное иго; всѣ клянутся не отставать отъ него.

*Дѣйствіе 4. Сполідріумъ.* Спартакъ одинъ; ему извѣстны. Вчера слава, сегодня темница! Приходитъ консулъ и объявляетъ, что Сенатъ приговорилъ его къ смерти отъ руки гладіаторовъ. Взбѣшенный гордыми отвѣтами раба, Лукуллъ смѣется надъ нимъ, оскорбляетъ его. Вскорѣ по выходѣ его, раздается тихій голосъ. Это Идамисъ, она пришла извѣстить мужа, что Тигранъ собралъ горсть друзей и придетъ освобо-

дять его. — Идутъ — идутъ! вѣрно они! — Нѣтъ это ликторы; начальникъ ихъ, Меній, некогда спасенный отъ смерти Идамисою, соглашается подождать. — Но Тиграна все еще не видать. Идамиса идетъ къ нему на-встрѣчу. Между-тѣмъ, пора, Меній приказываетъ ликторамъ исполнить обязанность. Но Спартакъ не позволитъ никому прикоснуться къ себѣ, онъ схватываетъ кинжалъ... въ эту минуту подоспѣваетъ Идамиса съ друзьями, и удерживаетъ его руку. Надежда снова озаряетъ его душу, опять мечтаетъ онъ о побѣдѣ и свободѣ. Тигранъ сообщаетъ ему, что войско ихъ умножается, что приверженцы со всѣхъ сторонъ стекаются подъ ихъ знамена; совѣтуетъ бѣжать изъ Рима и идти на него съ оружіемъ въ рукахъ.

*Дѣйствіе 5. Лагерь Спартака передъ Римомъ.* Войско Спартака торжествуетъ побѣду. Спартакъ совѣтуетъ Тиграну завладѣть своимъ престоломъ и возбудить всю Азію противъ Рима; оплакиваетъ смерть Крикса, одного изъ своихъ вождей, и повелѣваетъ, чтобы траста Римлянъ зарылись на его могилѣ, какъ гладіаторы. Гдѣ прежняя слава Рима? онъ трепещетъ передъ мечемъ раба; «кто теперь станетъ оспоривать его у меня?» — Я, отвѣчаетъ Идамиса. Она умоляетъ его сжалиться надъ ея ролиною; онъ непоколебимъ, не за себя одного долженъ онъ мстить надменному городу. Вскорѣ является и Юлія; услышавъ въ толпѣ, что мать ея пошла къ мужу, она хотѣла узнать своего отца, и пошла за нею. Спартакъ принимаетъ ее въ свои объятія. Она присоединяетъ свои мольбы къ мольбамъ матери; — Спартакъ колеблется; — но Виндексъ извѣщаетъ его, что прибылъ Помпей, и что измѣна начинаетъ вкрадываться въ его войско; Спартакъ слышитъ на сраженіи, и уже возвращается смертельно раненный. «Рутилій предастъ его! восклицаетъ Идамиса. — «Я исполнилъ долгъ гражданина,» отвѣчаетъ Рутилій.»—Спартакъ одобряетъ его поступокъ, и отдаетъ ему дочь. — Является Лукулль, и упрекаетъ сестру въ безчестьи, которымъ она покрыла свое семейство, «выйдя за раба!» Передъ которымъ дрожалъ Римъ! возражаетъ Спартакъ. — «Но Римъ побѣдилъ его!» — Не Римъ, а безсмертные боги! онъ падаетъ въ изнеможеніи. Идамиса хочетъ заколоться подлѣ мужа; онъ приподнимается, показываетъ ей Юлію, и умираетъ. Лукулль приказываетъ перенести трупъ его въ сколіаріумъ; а

Идамиса ввѣряетъ римскому народу останки героя, «павшаго за родину и за свободу.»

Трагедія имѣла блистательный успѣхъ, и, надо сознаться, успѣхъ заслуженный. Стройность плана, занимательность, одушевленіе, вѣрность и выдержанность характеровъ, прекрасный стихъ, словомъ, авторъ, выступающій еще въ первый разъ на судъ публики, обладаетъ достоинствами, которыя общающъ въ немъ со временемъ замѣчательнаго драматическаго писателя.

UNE PROVINCIALE (Провинціалка), комедія въ 5-хъ дѣйствіяхъ, соч. Белами. (Театръ Одеона.)

Г. Сентъ-Эльмъ мѣтитъ въ депутаты. Для этого ему надо свискать дружбу г. Руссо, богатаго желѣзно-заводчика, пользующагося большимъ вліяніемъ въ одномъ округѣ провинціи Барри. Чтобы войти къ нему въ милость, онъ рѣшается выдать его дочь Розу за Альфреда Нетанкура, сына одного изъ своихъ пріятелей. Роза молода и хороша, и, что еще важнѣе въ глазахъ Сентъ-Эльма, за нею семь-сотъ тысячъ франковъ приданого. Но Альфредъ не раздѣляетъ его видовъ, сердце его уже отдано баронессѣ, сестрѣ Сентъ-Эльма. Это молодая вдова, интригантка и кокетка, у которой болѣе красоты, чѣмъ денегъ, и болѣе хитрости, чѣмъ добродѣтели. Въ ожиданіи, чтобы судьба послала ей другаго мужа, который могъ бы удовлетворять ея пріхотямъ и тщеславію, она держитъ въ рукахъ Альфреда и старается не допустить его до женитьбы. Руссо привѣзжаетъ къ Сентъ-Эльму съ дочерью и служанкою. Будущій депутатъ водить его по-Парижу; но Роза встрѣчаетъ со стороны баронессы однѣ насмѣшки и непріятности. Однакожъ свадьба почти уже устроена; Альфредъ не смѣетъ противиться приказаніямъ отца, который не хочетъ упустить такую богатую невесту. Но баронесса рѣшается настоять на своемъ; она увѣряетъ добродушнаго Руссо и его дочь, что Сентъ-Эльмъ и Альфредъ дурачатъ ихъ. Свадьба разстроивается; заводчикъ отправляетъ будущаго депутата искать себя другихъ избирателей. Альфредъ же успѣваетъ вымолить у Розы прощеніе и даже позволеніе явиться къ ней съ своимъ почтеніемъ въ Марсакъ, въ Берра.

Комедія жива и забавна, и имѣла большой успѣхъ, особенно удачна въ ней роль крестьянки, служанки Руссо.

Le Moulin à paroles (Трещотка), водевиль въ 4-мъ дѣйствіи, соч. Дюпети и Габриѣля. (Театръ Разнообразія).

Г-жа Кальетъ, мельничиха, вдова, первая во всемъ околѣхъ по красотѣ, по любезности, а также по страсти поболтать; она болтаетъ, болтаетъ, болтаетъ, пока языкъ не устанетъ; а какъ языкъ ея не знаетъ устал, то болтовня ея вѣтъ конца; такъ-что ее сосѣди иначе и не-называютъ, какъ *трещоткой*. Возвращаясь послѣ недѣльной отлучки домой, г-жа Кальетъ находитъ у себя прекраснаго молодаго человека, котораго мельникъ Жиро принялъ, не спросивъ даже кто онъ, какъ его зовутъ, ни откуда, ни что его занесло въ эти стороны. Г-жа Кальетъ находитъ поступокъ мельника тѣмъ легкомысленнѣе, что на мельницѣ живетъ молодая дѣвушка, ея кузина, для которой эта встрѣча можетъ быть не безвредною. Думаетъ да гадаетъ моя мельничиха, и наконецъ находитъ на мысль, что-де не для нея-ли пріѣхалъ незнакомецъ! Почему знать! онъ можетъ быть желаетъ обзавестись хозяйшкою, слыхалъ, что она вдова, молода, хороша собою... и онъ также молодъ и не дурень... надо съ нимъ повидаться. Во время свиданія, Альфредъ, (такъ называется незнакомецъ) получаетъ изъ Парижа письмо съ печатью министерства внутреннихъ дѣлъ. Это письмо даетъ другое направленіе мыслямъ г-жи Кальетъ; ужъ эго не женихъ, а просто новый полъ-префектъ, который объѣзжаетъ тайно свой округъ. И то кстати! можно надоумить его, чтобы онъ смѣнилъ Мера, который страшно досаждаеъ ей. Но вотъ, болтая съ тѣмъ и съ другимъ, и съ третьимъ и десятимъ, г-жа Кальетъ узнаетъ, что Альфреда видѣли на-единѣ съ молодою женщиною, живущею съ нѣкотораго времени у нея на мельницѣ. Стало-быть онъ и не женатъ, и не новый полъ-префектъ, а просто — обольститель,—и пріѣхалъ сюда за своею жертвою! Вотъ г-жа Кальетъ бьетъ тревогу по всему селенію, сзываетъ всѣхъ кумушекъ и сосѣдушекъ посовѣтоваться о томъ, какъ быть съ незнакомцемъ. Но какъ она, по

похвальному своему обычаю, не даетъ никому вымолвить слова, то она и рѣшаетъ единогласно, велѣть ему немедленно выбираться изъ селенія. Совѣщаніе прервано приходомъ Альбера, который съ радостью объясняетъ совѣтательницамъ, что молодая женщина — его сестра, которую онъ отыскивалъ, а письмомъ писано не министромъ внутреннихъ дѣлъ, а молодымъ членомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, который извѣщаетъ его, что готовъ заглазить свою вину, женившись на обольщенной имъ дѣвушкѣ. Къ довершенію всего, Альфредъ проситъ Жиро, отдать ему руку своей сестры Автовинны, въ которую онъ, Альфредъ, влюбленъ по-уши. Жиро согласенъ, и все остаются довольны, не исключая и публики, тѣмъ болѣе, что мельничиху играетъ прекрасно г-жа Дежазе.

LE JEUNE PÈRE (Молодой отецъ), комедія водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Фурье и Альфонса. (Театръ Драматической Гимназіи.)

Де Либоннъ, нотаріусъ, дожилъ до тѣхъ степенныхъ лѣтъ, когда можно заниматься серьезными дѣлами, не отрекаясь вовсе отъ мірскихъ удовольствій; онъ пользуется этимъ, не стѣняясь. Вотъ онъ сидитъ за вкуснымъ обѣдомъ, отъ котораго не отказался бы самъ Лукуллъ, и собирается къ г-жѣ д'Обре, царицѣ его сердца. Среди этихъ сборовъ, какъ нарочно, привѣщаетъ его дочь, Сесиль, поздравить его съ ангеломъ. Однако же онъ уговариваетъ ее возвратиться въ Сентъ-Макле, а самъ ѣдетъ къ г-жѣ д'Обре, которой сердце въ оживленіи его, чуть не сдѣлалось офицеру африканской арміи, прибывшему во Францію отклонить отъ военныхъ трудовъ. — У г-жи д'Обре балъ; Сесиль, прибывшая такъ же на балъ, не знаетъ, какъ избавиться отъ неотвязныхъ преслѣдованій Виконта де Марсиньи; наконецъ, оскорбленная дерзостью молодаго волокиты, она вскрикиваетъ; прибѣгаетъ де-Либоннъ; онъ не потерпитъ, чтобы оскорбляли его дочь, хочетъ рѣзаться съ Марсиньи. Но Марсиньи проситъ прощенія и дуэль уже не нужна. Между-тѣмъ нотаріусъ догадывается, что онъ самъ отчасти виновникъ этого неуваженія къ его дочери; помышляетъ, что ему пора бы вести жизнь постепеннѣе, онъ бросаетъ любовныя продѣлки, пирушки, и ра-

шается жить добрымъ отцомъ семейства, и начинаетъ съ того, что выдаетъ дочь за г. Проспера, прекраснаго молодаго чело- вѣка, тихаго, скромнаго, и который будетъ со временемъ отличныиъ нотариусомъ.

Пьеса очень, очень неважная; но ведена ловко и довольно живо; успѣхъ.

LE MOUSQUETAIRE GRIS (СѢРЫЙ МУШКЕТЕРЬ), водевилъ, въ одномъ дѣйствіи, соч. Розье (Театръ Разнообразія.)

Виконтъ Монреаль, сѣрый мушкетеръ, приходитъ въ Нелья на берегу Сены, въ намѣреніи утопиться. Къ этому отчаянно- му поступку побуждаетъ его несчастная любовь; не то, чтобы его возлюбленная не платила ему взаимностью, но жестокосер- дый отецъ не соглашается отдать за него дочери, вслѣдствіе какого-то векселя, даннаго имъ одной танцовщицѣ, и хотя упла- ченнаго въ срокъ, но не возвратившагося въ руки подписавшаго. Если покажется темно, не взыщите, такова воля г. Розье. — Пока Виконтъ ищетъ удобнаго мѣста для исполненія своего на- мѣренія, приходитъ другой офицеръ, пріятель его, также въ намѣреніи лишитъ себя жизни, также вслѣдствіе несчастной любви; но онъ хочетъ не утопиться, а застрѣлиться. Передъ смертью, пріятели рассказываютъ другъ другу свое горе, и смѣ- ются другъ надъ другомъ, что-де, стоитъ ли изъ такихъ пустя- ковъ топиться или стрѣляться? Оба однакоже, не столько по убѣжденію, сколько изъ самолюбія, твердо намѣрены испол- нить залуманное дѣло; но ихъ останавливаетъ прибытіе г-жи... съ племянницею и старикомъ прокуроромъ. Эта племянница та самая, изъ-за которой офицеръ хочетъ застрѣлиться; улу- чивъ удобную минуту, она подходитъ къ нему и говоритъ ему вполголоса, что никогда ни за кого не пойдетъ, кромѣ его. Ну можно ли еще послѣ того стрѣляться? офицеръ отказывается отъ намѣренія, и предоставляетъ сѣрому мушкетеру топиться одному. Но вдругъ ему приходитъ мысль, что онъ могъ бы ему сослужить службу; чтобы ему приволокнуться къ старой

тетка Габріели? Нѣтъ сомнѣнія, что онъ вытѣснить стараго прокурора, а когда станетъ дядею Габріели, отласть ее за него. — а тамъ топивъ себя, пожалуй, если угодно. — Сѣрый мушкетеръ соглашается и атакуетъ вдову. Но такъ-какъ вовсе не желаетъ довести дѣло до свадьбы, то, какъ скоро онъ видитъ, что вдова влюблена въ него по-уши, въ особенности же, какъ скоро прокуроръ возвращаетъ ему вексель, вырученный отъ танцовщицы, онъ прикидывается пьянымъ, приволакивается къ крестьянкамъ, говоритъ о картахъ и долгахъ, такъ, что перепуганная вдова поскорѣе возвращаетъ ему данное слово; Виконтъ, отрезывая при этихъ словахъ, спѣшитъ къ своей возлюбленной, ибо ничто уже не препятствуетъ ихъ счастью. Габріель также выходитъ за своего возлюбленного; тетка ея рѣшается остаться всю жизнь вдовою, и выпровоженный прокуроръ бѣсится, помышляя, что онъ же самъ уничтожилъ все препятствія и поставилъ себя въ дураки, выручивъ вексель изъ рукъ танцовщицы.

Путаница, какъ и весь произведенія г. Розье; но много ума въ разговорахъ и занимательности въ подробностяхъ. Огромный успѣхъ.

UN GÈRE D'OCCASION (Отецъ по случаю), водевиль, въ одномъ дѣйствіи, соч. Поль-де-Кока.

У отставнаго барышника Пикотена прехорошенькая племянница, Ластени; племянница любитъ Шарля Ластени, но дядюшка не хочетъ отдать за него, пока не узнаетъ его отца. Отецъ же его путешествуетъ и не отвѣчаетъ на письма. Между тѣмъ пріѣзжаетъ Флорестанъ, пріятель Шарля; Пикотенъ убѣждаетъ, что это давно ожидаемый отецъ; онъ немедленно даетъ свое согласіе на союзъ влюбленныхъ, и самъ рѣшается вступить въ законный бракъ съ пожилою, но богатою дѣвицею Ульрикою Шаломо. Флорестанъ, изъ дружбы къ Шарлю, не разувѣряетъ Пикотена; но его узнаетъ дѣвица Ульрика, которой онъ за нѣсколько лѣтъ обѣщалъ жениться на ней, хотя уже лѣтъ двѣнадцать былъ женатъ. Правда, что въ порывѣ ревности, онъ бросилъ жену, и съ-тѣхъ-поръ, несмотря на все

свои успія, не можетъ отыскать себе. Эта жена никто иная, какъ сестра Пикотена, мать Ластени. Эти запутанная обстоятельства подають поводъ ко всякимъ положеніямъ, в которыхъ кончаются двумя свадьбами.

Эта пьеса служитъ новымъ доказательствомъ, что Польде-Кокъ нисколько не одаренъ драматическимъ талантомъ. Успехъ самый слабый.

## СМЪСЬ.

### МОЛЬЕРОВА ПРИТЧА.

Мольеръ говорилъ: «я беру свое добро гдѣ ни попало,» и безъ стыда сознавался въ воровствѣ, будучи увѣренъ, что никто не будетъ его въ томъ винить, и что даже никто не отыщетъ мѣста, куда онъ дѣвалъ украденное. Да и самъ обокраденный, едва ли посмѣлъ бы на него жаловаться; проходя черезъ его руки украденная вещь становилась вдесятеро драгоценнѣе; найдя алмазь, заброшенный въ литературный навозъ, онъ ставилъ его въ такое мѣсто, гдѣ онъ являлся во всей своей красѣ; хозяинъ долженъ бы скорѣе благодарить его, чѣмъ бранить. Увѣренный въ безнаказанности, Мольеръ грабилъ всѣхъ безъ исключенія, своихъ и чужихъ, древнихъ и новыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ. Сколько указано въ немъ мѣстъ, заимствованныхъ у Плавта, у Теренція, у Овидія, у Ротру, у Рабеле, не говоря о томъ, что принадлежитъ толпѣ забытыхъ писателей! Сколько такихъ сокровищъ онъ спасъ отъ забвенія, внесши ихъ въ свои чудныя произведенія.

Но это былъ не самый богатый его источникъ; еще болѣе сокровищъ подбиралъ онъ въ обществѣ; удачныя выраженія, которыя онъ подслушивалъ въ бесѣдахъ, живыя сцены, которыя онъ подмѣчалъ въ гостиныхъ и которыя такъ глубоко врѣзались въ его памяти, всегда находили себѣ мѣстечко въ какой-нибудь комедіи. За то ни одна изъ слабостей, представляемыхъ имъ, не является произведеніемъ прихотливой фантазіи, всѣ онъ живутъ, движутся; всѣ облечены въ форму настоящихъ людей. Кромѣ многихъ случаевъ его жизни, одно внимательное чтеніе его сочи-

неній, убѣдить каждаго, что Мольеръ чертилъ свои картины не въ уединеніи кабинета, а въ присутствіи самихъ образцовъ, и что почти каждое лицо, въ его комедіяхъ, есть вѣрный списокъ съ лица дѣйствительно существовавшаго. Каждый вечеръ, возвращаясь ли онъ отъ Ниноны де Жанкло, гдѣ читывала обыкновенно свои новыя сочиненія, или отъ кардинала Ретца, онъ всегда приносилъ цѣлый запасъ остроумныхъ наблюденій, схваченныхъ имъ во время бесѣды. Такъ, наприимѣръ, онъ слышалъ однажды забавный анекдотъ о старомъ маркизѣ де-Нелѣ. При осадѣ Арраса, предлагали построить полумѣсяцъ. Маркизь, человекъ довольно недалекій и неслѣдующій въ военномъ дѣлѣ, услышавъ предложеніе, сказалъ: «Господа, въ королевской службѣ ничего не слѣдуетъ дѣлать въ половину. Къ чему полумѣсяцъ? построимъ цѣлый мѣсяцъ.» Мольеръ не забылъ этого анекдота, и при первомъ случаѣ, умѣлъ имъ воспользоваться въ «*Précieuses ridicules.*»

Въ другой разъ, онъ былъ со многими дамами въ какомъ-то обществѣ, вошелъ поэтъ Гильомъ Кольте, ведя за руку своего болвана—сына, какъ называетъ его извѣстный острякъ и рассказчикъ Толлеманъ-де-Рео; «Жанъ Кольте, сказала отецъ переважно сыну, поклонись этимъ дамамъ.» Сынъ отвѣсилъ неловкій поклонъ, потомъ, покраснѣвъ до ушей и вертя между пальцами шляпу отъ смущенія, обратился къ отцу, говоря: «поклонился, батюшка.» Мольеръ предоставилъ дамамъ смѣяться за вѣрами важности отца и глупости сына; а самъ подмѣтилъ смѣшную сцену, и впоследствии воспользовался ею, во второмъ дѣйствіи «Мнимого больного.» Вся забавная сцена Діафуарюса съ сыномъ, ничто иное, какъ развитіе немногихъ словъ Кольте, и глупаго отвѣта его сына.

Извѣстно также, что мысль послѣднихъ сценъ Тартюфа подаль Мольеру случай, рассказанный ему Ниноною, и бывшій между ея любовникомъ Гурвилемъ и какимъ-то лицомъ-ромъ-ханжею, удержавшимъ имущество, данное ему на сохраненіе.

Когда при дворѣ играли Мизантропа, всѣ указывали на герцога Монгозье, благороднаго хуителя нравовъ, выставленнаго подъ именемъ Альцеста; между-тѣмъ какъ смѣшной метроманъ Оронть смѣшилъ всѣхъ пріятелей герцога де Сент-Эизаня, которые рады были отомстить ему, позабавившись его портретомъ. Въ сценѣ ябедничества, при стихахъ о таинственномъ Тимантѣ:

C'est de la tête aux pieds un homme tout mystère

Qui vous jette en passant un coup d'oeil égaré,

Et sans aucune affaire est toujours affairé.

Tout ce qu'il vous débite en grimaces abonde,

A force de facons il assomme le monde ;  
 Sans cesse il a tout bas, pour rompre l'entretien,  
 Un secret à vous dire, et ce secret n'est rien :  
 De la moindre veuille il fait une merveille,  
 Et jusque au bon jour il dit tout à l'oreille.

Всѣ взоры обращались на поэта мушкетера Сепъ - Жилле, чтобы увидеть, не шенчется ли онъ съ кѣмъ. Въ *Докучливкѣ* всѣ, смѣясь отъ души сценѣ охотниковъ, указывали на Суакура. Точно такъ же было во всѣхъ комедіяхъ Мольера; всегда кто-нибудь изъ зрителей съ восторгомъ припоминалъ какого нибудь друга — чудака.

Пока Мольеръ писалъ своего *Камеліаго гостя*, онъ часто видалъ графа де - Гриньяна, зятя маркизы де - Севинье; и довольно вѣроятно, что онъ списалъ съ него многія черты своего дон - Жуана. Пресыщенный и женатый волокита, и вѣчный искатель новыхъ любовныхъ приключеній, женатый въ десять лѣтъ на третьей женѣ, онъ неменѣе самого дон - Жуана имѣлъ право на названіе *érouseur du genre humain*; къ тому же онъ былъ кругомъ въ долгу, подобно дону - Жуану, и подобно ему, вмѣсто ушаты, дурачилъ кредиторовъ; словомъ, никто лучше его не могъ служить образцомъ типа всѣхъ пороковъ. Мольеръ же видалъ его дѣйствительно въ такихъ положеніяхъ, въ какихъ представляетъ своего героя, но разъ онъ его видѣлъ у нотариуса Жиго; и вѣроятно, угадывая изъ его вельможной любезности съ нотариусомъ, его стѣсненное положеніе въ финансовыхъ дѣлахъ, списалъ съ природы сцену дон - Жуана съ Диманшомъ. Но чаще онъ встрѣчался съ нимъ въ обществѣ, и могъ изучать всѣ замашки хвастуна и безстыднаго распутника.

Однажды, вечеромъ, Мольеръ былъ у кардинала Ретца, и читалъ передъ небольшимъ кругомъ сцены изъ *Хоть тресни, а женись* когда вошелъ графъ де - Гриньянъ. Чтеніе, разумѣется, тотчасъ брошено, потому - что графъ былъ не такой человекъ, чтобы не ввязаться въ разговоръ, и не свести его на свое. Мольеру оставалось только скрыться въ толпу безмолвныхъ слушателей. Эта роль ему была очень по - сердцу, и онъ отъ души былъ благодаренъ каждому, кому угодно было разыгрывать передъ нимъ комедію, которую онъ потомъ передѣлывалъ по своему. Онъ стало - быть охотно уступилъ свое мѣсто графу де - Гриньяну, смотрѣлъ на него во всѣ глаза, слушалъ его всѣми ушами, пока онъ увивался около всѣхъ дамъ, рассказывалъ вольные анекдоты старухамъ, дѣлалъ глазки молодымъ дѣвушкамъ, любезни-

чалъ даже съ хорошенькими служанками, словомъ, не оставлялъ безъ вниманія ни одной женщины, кромѣ своей жены, бѣдной, оставленной доны Эльвиры, не дожившей до того, чтобы дружба и раскаяніе возвратили ей сердце мужа.

Мольеръ не упустилъ ни одного слова, ни одного движенія.

Буало, сидѣвшій подлѣ него, первый замѣтилъ его вниманіе, къ гостю, и спросилъ, что было тому причиною.

Развѣ вы не знаете, отвѣчалъ Мольеръ, что мое мѣсто въ обществѣ, не между говорящими, а между слушающими; я доставлю графу его роль, а самъ остаюсь при своей. Онъ говорить и суетится, а я слушаю и наблюдаю. Вотъ видите, любезный Дебрео, здѣсь, какъ и вездѣ, гдѣ я могу что-нибудь подслушать и чему-нибудь научиться, я осуществляю аллегорію, вырѣзанную на моей старой вывѣскѣ: я старая обезьяна, даю молодымъ обезьянамъ суетиться и дурачиться для моей пользы.

Графъ де Гриньянъ слышалъ этотъ отвѣтъ; въ особенности, поразили его послѣднія слова, которыхъ смысла онъ не могъ разобратъ. Не подозревая въ нихъ прямой сатиры, онъ однако-же угадывалъ въ нихъ колкій намекъ, и старался уловить на лицѣ Мольера насмѣшливую улыбку, которая дала бы ему ключъ къ другой загадкѣ. Но поэтъ остался холоденъ и безмолвенъ, и какъ графъ ни старался проникнуть въ его мысли, всѣ его усилія остались безуспѣшны.

На слѣдующій день, въ скромную квартиру Мольера явился новый, неожиданный гость; это былъ графъ де Гриньянъ. Послѣ безконечныхъ поклоновъ и вѣжливостей, которыя помогли графу скрыть свое смущеніе, а поэту, свое изумленіе, графъ прямо приступилъ къ дѣлу:

— Любезный Мольеръ, сказалъ онъ, вы обязаны моимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ моему любопытству, или когда хотите, моей нескромности. Я подслушалъ вчера въ вашемъ разговорѣ съ Дебрео нѣсколько словъ, которыхъ загадочный смыслъ, признаюсь, сильно подстрѣкнулъ мое любопытство. Вы, кажется, говорили сначала обо мнѣ, потомъ о какой-то аллегоріи, о притчѣ, о старой вывѣскѣ, ужъ Богъ васъ знаетъ! Но слова ваши тѣмъ не менѣе возбудили мое вниманіе, и вотъ я пришелъ къ вамъ собственно за тѣмъ, чтобы узнать ихъ значеніе.

Мольеръ очень хорошо замѣтилъ на-канунѣ безпокойство графа, и потому вопросъ нисколько не удивилъ его; онъ отвѣчалъ, не смущаясь :

«Ваше посѣщеніе, графъ, и причина его, слишкомъ лестны для меня, чтобы я могъ въ немъ видѣть нескромность. Я постараюсь немедленно удовлетворить любопытство, котораго вы удостоиваете слова, вовсе не заслуживавшія такой чести. Но извините, если первыя мои слова покажутся вамъ похожими на отступленіе; я необходимо долженъ начать свое объясненіе изъ далека, съ давнишняго времени, а в ово, какъ говоритъ Го-рацій, или просто, съ моего рожденія.

«Я родился въ одномъ изъ самыхъ старинныхъ домовъ въ Парижѣ; доки нашего околodka увѣряли, что онъ стоитъ по-крайней-мѣрѣ со временъ королевы Бланки; онъ былъ на углу улицы Сентъ-Оноре и Старыхъ Бань, и на закоптѣломъ фасадѣ его сохранился слѣдъ, неоспоримо свидѣтельствовавшій его древность. Это былъ толстый деревянный устой, на углу улицы, отъ самаго основанія дома до крыши. По обычаю стараго времени, онъ былъ покрытъ рѣзными узорами, между прочимъ, вотъ что начертала на немъ грубая рука. «Огромная яблоня, увѣшенная плодами, на которую взбирается толпа молодыхъ обезьянъ, которыя, перескакивая съ сучка на сучекъ, стараются нарвать плодовъ. Но зрѣлыя яблоки, обрываясь отъ колебанія дерева, почти всѣ падаютъ прежде, чѣмъ они успеваютъ хватать ихъ. Между-тѣмъ, старая обезьяна, оставшаяся одна подъ деревомъ, ловить ихъ на лету и ѣсть, плутовски посмѣиваясь изподтишка надъ дураками, которые трудятся за тѣмъ только, чтобы даромъ отдавать ей лучшую часть жатвы.

«Хотя я былъ еще ребенкомъ, продолжалъ Мольеръ, однако же я очень любилъ смотрѣть на эту рѣзбу, которая служила вывѣскою лавкѣ моего отца, и которую сосѣди называли *павильономъ обезьянъ*. Меня очень забавляли кривлянія шаловливыхъ обезьянъ и шельмовская улыбка старой обезьяны; но я въ то время не понималъ смысла этого изображенія, и только много лѣтъ спустя, припоминая его, я постигъ его глубокое и нравственное значеніе. Съ того времени я сталъ пользоваться правоученіемъ и избралъ его своимъ девизомъ. Я рѣшился быть въ свѣтѣ старою обезьяною, остающеюся

поль деревомъ. Между тѣмъ, какъ наши краснобай сорили по улицамъ богатствами своего ума, я слушалъ себѣ со стороны, молча подбиралъ безъ дальнѣйшихъ хлопотъ красныя словца, острые и забавныя выходки, которыя они бросали къ моимъ ногамъ, и извлекалъ изъ нихъ по своему — пользу. Посмѣивался я подчасъ, подобно старой обезьянѣ; но я былъ умнѣе ея; она пожирала яблоки, а я свою жатву копилъ, и по мѣрѣ того, какъ безразсудные сорили умомъ, я составлялъ себѣ запасъ. Вотъ и вся моя притча. Рассказывая ее вамъ, я открываю вамъ одну изъ тайнъ моего искусства; но это долгъ мой; затѣмъ извините меня, если я задержалъ васъ такъ долго этою притчею, которой правоученіе можетъ выразиться въ слѣдующихъ словахъ: *кто говоритъ, съестъ, — кто слушаетъ, пожинаетъ.*»

Графъ пожалъ поэту руку и вышелъ совершенно довольнымъ. Мольеръ кончилъ начатую комедію. Но г. Гриньянъ, бывъ вскорѣ отозванъ своею должностію губернатора въ Провансъ, не могъ присутствовать при первомъ представленіи *Каменнаго Гостя*.

Что касается дома, въ которомъ родился безсмертный поэтъ, его уже нѣтъ; мѣсто его заступила какая-то скверная громада камня и глины, и на новомъ фасадѣ, нѣтъ никакого слѣда, который напоминалъ бы затѣливую вывѣску, которою любовался Мольеръ. И если гдѣ нибудь еще хранится память о вырѣзанной на ней притчѣ, то развѣ только въ басняхъ Ламота. Одна изъ нихъ, подъ названіемъ: *Избирательная власть* (*le pouvoit électif*), кажется внушена этимъ же аллегорическимъ изображеніемъ. Это доказываютъ послѣднія ея стихи:

On dit, que le vieux singe, affaibli pas son âge,  
 Au pied de l'arbre se campa;  
 Qu'il prévît, en animal sage,  
 Que le fruit ebranlé tomberait du branchage,  
 Et dans sa chute il l'attrapa.  
 Le peuple à son bon sens décerna la puissance.  
 On n'est roi que par la prudence.

## ЖЕННИ ЛИНДЪ.

Женни Линдъ родилась въ Стокгольмѣ, 6-го октября, 1821 года. Отецъ ея, знатокъ почти всѣхъ европейскихъ языковъ, держалъ дѣвичій пансіонъ; но заведеніе его не пользовалось довольно громкою славою, чтобы дать ему возможность нажить состояніе. Дѣтскія лѣта Женни Линдъ были не радостны; единственнымъ ея удовольствіемъ было — повторять на память, украшая ихъ по-своему, всѣ мелодіи, поражавшія ея слухъ. Эта врожденная способность не разъ удивляла ея родителей; они можетъ быть не обратили бы на нее большаго вниманія, если бы одна актриса, г-жа Лундбергъ, женщина весьма умная и проницательная, не увѣрила ихъ, что девятилѣтняя дѣвочка, слабая и робкая, которую они слушали съ такимъ равнодушіемъ, можетъ со временемъ ихъ обогатить и прославить ихъ имя. Послѣ долгихъ колебаній, г-жа Линдъ наконецъ согласилась, чтобы дочь ея училась пѣнію и посвятила себя драматическому искусству. Г-жа Лундбергъ поручила свою любимицу старику Креліусу, ученому музыканту, пользовавшемуся въ то время въ Стокгольмѣ огромною славою. Восхищенный способностями ученицы, Креліусъ представилъ ее графу Пюке, директору придворнаго театра, который, видя предъ собою слабую, робкую дѣвочку, подумалъ сначала, что старикъ рехнулся, говоря о ней какъ о какомъ-то чудѣ; но скоро вполнѣ раздѣлилъ восторгъ добраго учителя. Чрезъ покровительство графа Пюке, Женни Линдъ поступила въ Стокгольмскую музыкальную консерваторію, и вскорѣ явилась на королевскомъ театрѣ, въ роляхъ, свойственныхъ ея возрасту и голосу. Энтузіазмъ, возбужденный ею, превосходитъ всякое описаніе; онъ развѣ сравнится только съ энтузіазмомъ, возбужденнымъ лѣтъ за пятнадцать или двадцать предъ тѣмъ въ Парижѣ Леонтиною Фэ (г-жею Вольнисъ). Между-тѣмъ молодая пѣвица, сдѣлавшись кумиромъ публики, съ прежнею ревностью продолжала свое музыкальное образованіе. Учитель ея, принужденный оставить преподаваніе по старости лѣтъ, передалъ ее Бергу, который занялся ею съ особеннымъ усердіемъ. Строгости своего первоначальнаго ученія и наставленій образованнаго Берга, Женни Линдъ преимущественно обязана чистымъ, правильнымъ, но тѣмъ не менѣе, оригиналь-

нымъ и яркимъ стилемъ, отличающимся отъ прочихъ знаменитыхъ пѣвицъ нашего времени.

Послѣ двухъ или трехъ лѣтъ торжества, молодая артистка вдругъ принуждена остановиться среди своего блестящаго поприща. Съ одной стороны, она казалась уже слишкомъ взрослою для дѣтскихъ ролей, которыя играла до того; съ другой, она замѣтила однажды, что совсѣмъ спала съ голосу. Всѣ усилія учителя поддержать слабѣющія ея силы, оставались безуспѣшны, такъ, что онъ почти потерялъ всякую надежду. Бѣдная дѣвушка должна была проститься съ золотыми мечтами дѣтства, отказаться отъ мысли дебютировать въ большой оперѣ. Однако же она не теряла мужества; правда, уже никто не обращалъ на нее вниманія; репертуаръ ея ограничивался пустыми ролями наперсницъ; публика, казалось, совсѣмъ забыла недавній свой кумирь, но артистка не унывала. Она еще усерднѣе прежняго изучала музыку, посѣщала курсы пѣнія и жила надеждою когда-нибудь опять со славою явиться на придворномъ театрѣ. Эта тайная надежда была точно предчувствіе ожидавшей ее блистательной будущности. Прошло уже четыре года, съ-тѣхъ-поръ, какъ Линдъ перестала пѣть, какъ вдругъ объявили большой концертъ, въ которомъ предполагалось исполнить второе дѣйствіе *Роберта-Дьявола*, который еще былъ почти неизвѣстенъ въ Швеціи. Ни одна пѣвица не хотѣла принять на себя небольшую партію Алисы; тогда Бергъ вспомнилъ свою прежнюю любимицу, и поручилъ ей партію на-авось, предупредивъ ее, что отъ этого соло, можетъ зависѣть слава и счастье всей ея жизни. Каково было всеобщее удивленіе слушателей въ день концерта, когда она явилась со всѣми прежними средствами; она спѣла сцену, когда Алиса приходитъ во дворецъ Изабеллы, голосомъ чистымъ, сильнымъ, полнымъ выраженія. Соло ея возбудило восторженныя рукоплесканія, и самъ Бергъ въ восхищеніи объявилъ обрадованной артисткѣ, что скоро она будетъ въ состояніи пѣть съ такимъ же успѣхомъ роль Агаты. А надо сказать, что партія Агаты въ Веберовомъ *Фрейшюцъ*, была съ самаго дѣтства любимою мечтою Женни Линдъ. Можно себѣ представить съ какимъ рвеніемъ она принялась за изученіе этой дивной партіи; скоро она явилась на сценѣ, и обворожила публику. Съ этого вечера она снова стала любими-

цею Стокгольма, и царицею королевской оперы; невзирая на ее молодость, ее ангажировали первою пѣвицею, и она являлась въ роляхъ Алисы, Эврианты, Весталки и др. Несмотря на похвалы, сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ, Женни Линдъ понимала, что ей оставалось еще многому поучиться; Бергъ уже передалъ ей все, что могъ, но она хотѣла еще воспользоваться наставленіями преподавателя, котораго вся Европа признавала первымъ, Гарсіи. Трудно ей было скопить средства, необходимыя для поѣздки изъ Стокгольма въ Парижъ, и прожитія тамъ въ продолженіе двухъ лѣтъ; однако же съ ея твердостью, не было ей ничего невозможнаго. Взявъ на нѣсколько мѣсяцевъ отпускъ, она объѣхала съ отцомъ Швецію и Норвегію, давала концерты; собирала вездѣ лавры и деньги. Особенно удачно пѣла она самыя простенькія пѣсни и мелодіи, которыя съ того времени не только сдѣлались народными въ ея отечествѣ, но и распространились по всей Европѣ.

Возвратившись въ Стокгольмъ, Женни Линдъ съ трудомъ выхлопотала освобожденіе отъ контракта и поѣхала въ Парижъ. Гарсіа принялъ ее ласково, но, прослушавъ ее со вниманіемъ, сказалъ: «мой другъ, если у васъ былъ голосъ, то вы теперь наканунѣ совершенной утраты его. Впрочемъ, не пугайтесь слишкомъ моими словами; голосъ вашъ можетъ быть только утомленъ, отъ того ли, что вы слишкомъ много пѣли, или что вы начали пѣть въ слишкомъ молодыхъ лѣтахъ. Въ настоящее время вамъ всего нужнѣе—отдыхъ; бросьте совсѣмъ ученіе мѣсяца на три, а тамъ приходите ко мнѣ, мы посмотримъ.» — Черезъ три мѣсяца, она опять явилась къ Гарсіи; на этотъ разъ онъ прослушалъ ее съ восторгомъ, и охотно согласился быть ея учителемъ. Цѣлый годъ ревностно трудилась она подъ руководствомъ опытнаго преподавателя. Одинъ ея соотечественникъ, самъ хорошій музыкантъ, такъ былъ пораженъ ея успѣхами, что поспѣшилъ напомнить ей слово, данное ею при отъѣздѣ друзьямъ, непременно возвратиться въ Стокгольмъ. Этотъ же соотечественникъ представилъ ее Мейеру-Беру, который былъ восхищенъ ея голосомъ и талантомъ, и немедленно предложилъ ей ангажироваться на Берлинскій театръ. Но молодая пѣвица предпочла сначала побывать на-родинѣ. Въ 1843 году она снова явилась въ Сток-

гольмъ; тутъ каждое представленіе было для нея новымъ торжествомъ.

Весною 1844 года, Мейеръ-Беръ возобновилъ свое предложеніе, обѣщая даже поставить оперу, писанную именно для нея. Женни Линдъ приняла предложеніе, и давъ слово быть въ Стокгольмъ къ празднествамъ коронаціи, выѣхала въ августъ 1844 года. Она сначала отправилась въ Дрезденъ, гдѣ ее ждалъ Мейеръ-Беръ, и гдѣ она хотѣла усовершенствоваться въ нѣмецкомъ языкѣ; въ послѣднихъ числахъ октября она дебютировала въ Берлинѣ. Съ этого времени начинается ея европейская слава; въ слѣдующемъ году она была опять ангажирована въ Берлинѣ. Мы не будемъ подробно разсказывать ея успѣховъ, они еще свѣжи въ памяти каждаго. По окончаніи своихъ представленій въ Берлинѣ, въ мартѣ 1846 года, она отправилась въ Вѣну, и явилась въ первый разъ въ Нормѣ. Посѣтивъ вторично разные города Германіи, она возвратилась въ Вѣну, и явилась въ *Дочери полка* Донидзетти и въ *Велькъ* Мейера-Бера. — Теперь, какъ извѣстно, она чаруетъ своимъ талантомъ англичанъ, которые сыплютъ золото за счастье увидѣть и услышать ее.

#### КИТАЙСКІЙ ТРАУРЪ.

Китайская императрица Тунгъ — Кея, жена царствующаго императора Тау-Кванга, умерла 16 іюня, 1833 года. Въ Пекинской газетѣ того времени заключаются весьма любопытныя подробности разныхъ обрядовъ, бывшихъ по этому поводу.

Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, императорскій манифестъ объ томъ происшествіи, начинается словами: «Повелѣнія его величества выслушаны съ благоговѣніемъ. Сего дня, въ четыре часа по-полудни, императрица скончалась, и отбыла на-вѣки!» Потомъ, припоминая всѣ обстоятельства жизни Тунгъ-Кеи, императоръ сообщаетъ вѣрнымъ подданнымъ, что въ тридцатый годъ царствованія отца его Кеа-Кинга, получилъ онъ отъ него повелѣніе вступить въ бракъ съ покойною, а двѣнадцать лѣтъ спустя, мать его дала ему

свои священныя наставленія, чтобы дать супругѣ санъ императрицы, т. е. *первой въ гаремѣ середины*. — Далѣе императоръ говоритъ: Нѣтъ никого въ гаремѣ, ни при дворѣ, кто бы не зналъ, что во все продолженіе двадцати-шести-лѣтняго нашего союза, она всегда была образцомъ нѣжности, покорности и послушанія. Страдая съ нѣкотораго времени тяжкою болѣзнію, она наконецъ выбыла изъ здѣшняго міра; я лишился единственной своей семейной опоры; это несчастіе погружаетъ меня въ горестъ, которой я не въ силахъ выразить.»

Императоръ приказываетъ своему брату Минхае, деверю Хенгану, завѣдующему управленіемъ двора, и двумъ сановникамъ, члену императорскаго трибунала обрядовъ, и члену императорскаго трибунала публичныхъ работъ, наблюдать за совершеніемъ похоронъ.

Черезъ недѣлю, въ той же газетѣ явился другой документъ: пышное похвальное слово, въ которомъ славятся добродѣтели покойной и безчисленныя благодѣянія, которыми она осыпала землю съ-тѣхъ-поръ, какъ вступила въ бракъ съ сыномъ неба, т. е. съ императоромъ. Въ заключеніе императоръ предписываетъ коллегіи Хан-линь совѣщаться о посмертномъ титулѣ, которое можно бы дать покойной, и придумавъ его, представить на монаршее утвержденіе.

Спустя еще двадцать дней, явились новыя высочайшія распоряженія на счетъ всеобщаго траура. Вышепоказанныя четыре сановника были несогласны съ мнѣніемъ его величества на счетъ различныхъ предметовъ, на-прим. на какое время запретить жителямъ небесной имперіи брить голову; на какое время запретить имъ свадьбы, увеселенія, праздники, музыку, и проч. Доводы въ пользу каждаго мнѣнія, были изложены весьма подробно и подкрѣплены выписками изъ классическихкихъ писателей, и примѣрами изъ императорскихъ историковъ, со временъ императора Яу, царствовавшего за четыре тысячи лѣтъ.

Царь Менхаэ и его товарищи, полагая, что срокъ траура по императрицѣ долженъ по-крайней-мѣрѣ равняться сроку, предписанному сыну по смерти матери, и находя срокъ, на который запрещалось народу бриться и веселиться, слишкомъ короткимъ, предложили продлить его до ста дней. — Императоръ предоставилъ рѣшеніе этого вопроса совѣту министровъ, со-

стоящему подъ предводительствомъ принца Шангъ-Линга, повелѣвъ имъ изыскать примѣры прежнихъ временъ, могущіе просвѣтить ихъ разумъ при рѣшеніи этого вопроса.—Докладъ ихъ утвердилъ императора въ первомъ его мнѣніи, полагая срокъ для запрещенія брить голову, какъ для народа, такъ и для войска,—одинъ мѣсяць, а для запрещенія увеселеній — сто дней.

Менхаэ и Хенганъ, огорченные этимъ рѣшеніемъ, несогласнымъ съ ихъ мнѣніемъ, явились къ императору въ садъ Юенъ-Мингъ-Юенъ, и стали умолять его, отмѣнить свое приказаніе. Его величество принялъ ихъ весьма сурово и отвѣчалъ имъ, что онъ уже почти готовъ былъ наказать ихъ за неуваженіе къ государю; что преступленіе могло бы имъ стоить жизни; но что, однакоже, сострадавъ къ нимъ, онъ дозволяется тѣмъ, что предастъ поступокъ ихъ на разсмотрѣніе суда, и прибавилъ, что они должны считать это наказаніе ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, которое они заслужили.

—Примите это приказаніе, продолжалъ императоръ, и разглашайте его повсюду, какъ внутри, такъ и извъ, т. е. какъ во дворцѣ, такъ и по всему государству. Читите мою волю.

Вслѣдъ за тѣмъ, другимъ указомъ воспрещено было Менхаэ и Хенгану являться на глаза государя; Менхаэ сверхъ того, лишенъ половины жалованья на двадцать лѣтъ:—другая половина оставлена ему для поддержанія жизни. Хенганъ, котораго сестра была въ гаремѣ, посланъ въ качествѣ императорскаго комиссара, усмирять возмущенія горцевъ; эта должность была почти тоже, что изгнаніе.

Въ странѣ, подобной Китаю, гдѣ все опредѣлено въ невѣроятной подробности, довольно удивительно такое колебаніе въ обрядахъ, которые должны быть соблюдаемы въ такихъ случаяхъ. Въ Кантонѣ обнародовано по этому предмету три разные указа. Въ послѣднемъ опредѣлено:

«Всѣмъ должностнымъ лицамъ воспрещается брить голову въ продолженіе ста дней; въ продолженіе двадцати семи дней запрещается имъ и членамъ ихъ семействъ, вступать въ бракъ; и въ продолженіе года запрещается имъ быть на праздникахъ, въ концертахъ, или въ театрѣ; — солдатамъ и народу запрещается брить голову въ продолженіе одного мѣ-

сяца; вступленіе въ бракъ запрещается имъ въ продолженіе семи дней, и всякія увеселенія въ продолженіе ста дней.— Всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ предписано, въ знакъ траура, употреблять синія чернила во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ обыкновенно употребляются красныя чернила; — и всѣмъ должностнымъ лицамъ повелѣно снять красныя бахромы, украшающія ихъ шляпы.

Въ прибавленіи къ ежедневной публичной газетѣ напечатанъ указъ коллегіи обрядовъ, опредѣлявшій обряды, которые должно было соблюдать при полученіи императорскаго указа о всенародномъ плачѣ, и при надѣваніи траура по случаю кончины императрицы. Когда лодка, на которой везутъ императорскій указъ, придетъ въ Кантонъ, немедленно посылаются вышшій сановникъ для пріема и хранения его на императорской пристани. Передъ этимъ сановникомъ идетъ церемоніймейстеръ и приказываетъ ему принять указъ на лодкѣ. Онъ долженъ принять его, поднявъ руки надъ головою; потомъ онъ долженъ положить его и тщательно развернуть на колесницѣ дракона, которую несутъ тридцать два сановника. — Весь конвой, состоящій изъ чиновниковъ, военныхъ и гражданскихъ, становится въ рядъ, на колѣна, и остаются въ этомъ положеніи до-тѣхъ-поръ, пока указъ пройдетъ мимо. Потомъ всѣ встаютъ и идутъ къ главнымъ воротамъ палаты испытаній, входятъ въ большую публичную залу и становятся опять на колѣна, гражданскіе чиновники съ восточной стороны, а военные—съ западной; они встаютъ только когда колесница дракона пройдетъ, и входитъ въ залу созвѣздія Квев. Указъ кладется на столъ, накрытый желтымъ ковромъ и окруженный курильницами, въ которыхъ дымится самыя рѣдкія благовонія. Когда всѣ вошли, церемоніймейстеръ говоритъ: «Становитесь всѣ по-порядку: — трижды на-колѣна; бейте девять разъ челою въ землю! — Вставайте!» — По приказанію церемоніймейстера, чтець беретъ указъ и читаетъ его, держа его надъ головою.

Между-тѣмъ церемоніймейстеръ восклицаетъ: «Служители императорскіе, всѣ на колѣна! Слушайте повелѣніе его величества!» По окончаніи чтенія, онъ говоритъ: «Вставайте. и плачьте!» И это приказаніе исполняется съ такою же точностію, какъ и прочія части этого страшнаго обряда.

По окончаніи плача, чтецъ кладетъ указъ на желтый столъ, а церемоніймейстеръ восклицаетъ: «Возвратите царскій указъ!» Одинъ сановникъ подходитъ къ желтому столу, беретъ указъ, поднимаетъ его надъ головою, и передаетъ въ руки губернатора, становясь передъ нимъ на колѣна. Губернаторъ также становится на колѣна, чтобы принять указъ, встаетъ и передаетъ его сановнику, называющемуся Фучингсе, который передаетъ его своему старшему секретарю. Секретарь относитъ его въ залу Це—вей, въ канцелярію Фучинесе, гдѣ онъ долженъ быть переписанъ и напечатанъ на желтой бумагѣ.

Когда всѣ эти обряды кончены, церемоніймейстеръ приказываетъ сановникамъ надѣть траурное платье; всѣ выходятъ, и, переодѣвшись, возвращаются; церемоніймейстеръ приказываетъ имъ: «Становитесь по—порядку; — три раза на колѣна! — бейте девять разъ челомъ въ землю! — встаньте и плачьте! — Теперь, кушайте!»

Всѣ выходятъ въ другую комнату, гдѣ приготовлены накрытые столы, садятся по—прежнему, гражданскіе сановники съ восточной стороны, а военные—съ западной, и ѣдятъ.

По приказанію церемоніймейстера, всѣ выходятъ въ публичныя залы, и вечеромъ начинаются почти тѣже обряды, съ легкими измѣненіями. Имъ запрещено возвращаться домой, они должны ночевать въ публичныхъ залахъ. — Тоже самое повторяется утромъ и вечеромъ на другой и на третій день; по истеченіи ихъ, имъ позволено идти домой и приняться за свои обычныя занятія.

Когда императорскій указъ переписанъ, одинъ сановникъ долженъ положить его обратно на желтый столъ, а другой долженъ хранить и кадить его въ продолженіе двадцати семи дней. Потомъ указъ передается опять Путчинсе, который кладетъ его для храненія въ коллегію обрядовъ. — Въ двадцать седьмой день, сановники опять собираются, и когда они исполняютъ тѣже обряды, церемоніймейстеръ приказываетъ имъ снять трауръ, надѣть свои обыкновенныя платья, возвратиться къ обычнымъ занятіямъ, и объявляетъ, что обряды оплакиванія императрицы кончены.

## ПЕРВАЯ ЛУИЗА.

Режиссеръ Мангеймскаго театра, Дюрингеръ, рассказывалъ одному извѣстному писателю слѣдующій анекдотъ, ручаясь за его истину. «Въ Мангеймѣ, говоритъ онъ, живетъ одна старая, заслуженная актриса, вдова недавно умершаго капельмейстера Риттера. Она первая играла въ Мангеймѣ роль Луизы въ «Коварство и Любовь;» а какъ эта пьеса представлена въ первый разъ въ Мангеймѣ, то она и вообще играла эту роль первая. — Она съ дѣтскимъ восторгомъ вспоминаетъ, какъ Шиллеръ строилъ ей курь. Шиллеръ былъ обворожень своею первою Луизою, которая внѣ сцены называлась Катериною Бауманъ; провожая ее домой послѣ перваго представленія, застѣбчивый поэтъ собрался съ духомъ и сунулъ ей что-то въ руку. И что вы думаете это было? — Крошечный портретъ Фридриха Шиллера. Старая актриса хранить его до-сихъ-поръ, какъ святыню. Въ то время, получивъ его, она посмотрѣла на него въ нерѣшительности, и спросила. «Да что же мнѣ съ нимъ дѣлать?» — Шиллеръ, разумѣется, еще болѣе смутился отъ этого наивнаго вопроса; но, подумавъ, отвѣчалъ ей на чистомъ швабскомъ нарѣчьи: «Вотъ видите, я страшный чудакъ, не могу вамъ сказать.»

## КОНТРАБАНДА НОВАГО РОДА.

Въ Брестѣ былъ недавно очень любопытный случай. Таможенные служители сдѣлали поимку, которую можно назвать весьма счастливою, по горестнымъ послѣдствіямъ, которыя она предупредила. Они услышали тихій стонъ въ дорожномъ сундукѣ, и, велѣвъ открыть его, нашли въ немъ прехорошенькую дѣвушку, зарытую въ муку, и лежавшую совершенно безъ чувствъ. Немедленно подали ей помощь и скоро привели ее въ чувство. И пора было ее высвободить; несчастная едва не задохлась. Загадка разрѣшилась слѣдующимъ образомъ. Жандармъ П. долженъ былъ ѣхать въ Кайенну. Въ Кемперѣ, гдѣ онъ стоялъ передъ тѣмъ, онъ влюбился въ молодую дѣвушку, изъ очень зажиточнаго семейства; она тоже полюбила его, и когда онъ получилъ приказаніе идти въ

Брестъ и оттуда отправляться въ Кайенну, она рѣшилась слѣдовать за нимъ за-море и раздѣлить тамъ его счастье или горе. Вотъ влюбленные прибыли въ Брестъ, надо было тайно перевезти красавицу на корабль, они и придумали хитрость. Влюбленный Жандармъ купилъ чемоданъ надлежащей величины и наполнилъ его до половины мукою; просверлилъ нѣсколько щелей въ крышѣ и въ бокахъ для пропуска воздуха, и уложилъ въ него свою возлюбленную. Чтобы по возможности сохранить дѣло втайнѣ, онъ медленно и осторожно стащилъ тяжелую ношу съ третьяго этажа внизъ; нанялъ на улицѣ носильщика, и съ помощью его, принесъ чемоданъ къ пристани. Но во-время переноски, мука, взболтанная колебаніемъ чемодана, забила щели, такъ, что несчастная дѣвушка непремѣнно бы задохлась, если бы таможенные служители не услышали ея слабаго стона. Жандармъ былъ въ отчаяніи; но нечего было дѣлать; военная дисциплина требовала, чтобы онъ оставилъ свою Ариадну.

### СТАРЫЙ ВЕКСЕЛЬ.

По смерти Шведскаго короля Густава Адольфа, въ 1632 году, финансы Швеціи пришли въ такое рзстройство, что опекуны его дочери, королевы Христины, принуждены были занимать деньги на ея воспитаніе. Одинъ вексель, подписанный ими отъ имени королевы, котораго существованіе до сихъ поръ было неизвѣстно, былъ недавно представленъ министру финансовъ для уплаты. Вексель написанъ въ 45000 гульденовъ, 270000 франковъ, и данъ въ Стокгольмѣ, 24 декабря, 1636 года (когда королевѣ Христинѣ было 10 лѣтъ), на имя Любекскаго гражданина Якоби Кривза. Правительство обязывается по истеченіи двадцати лѣтъ уплатить вексель по первому требованію; сверхъ того, условлено, чтобы обязательство это не подлежало давности, и давало по 8% ежегодно, до совершенной расплаты. Внизу на вексель написано рукою Христины, по французски: «утвержденъ въ Компьенѣ, 1657 г. королева Христина.»

Этотъ любопытный документъ предъявленъ въ министерство финансовъ однимъ стокгольмскимъ банкирскимъ домомъ, по порученію Карла — Фридриха Крахта, Вольдингскаго пастора въ Мекленбургъ — Стрелицкомъ герцогствѣ. Предъявитель утверждаетъ, что онъ потомокъ Якоби Кривза, на имя котораго данъ вексель, и нашелъ его недавно въ своихъ семейныхъ бумагахъ. Сумма, слѣдующая по этому векселю пастору Крахту, очень значительна; кромѣ капитала въ 270,000 франковъ, онъ требуетъ процентовъ за 210 лѣтъ, по 8% ежегодно, которые составятъ 786,000 гульденовъ, или 4,536,000 франковъ, а съ капиталомъ 801,000 гульденовъ, или 4,806,000 франковъ. Правительство не давая рѣшительнаго отвѣта, потребовало, чтобы онъ предварительно доказалъ, что происходитъ отъ Кривза, и что вексель дѣйствительно принадлежитъ ему.

### РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

*Сърный эфиръ* съ каждымъ днемъ являетъ новыя чудеса. Вотъ случай, бывшій на Гессенъ—Тюрингской границѣ, рассказываемый одною нѣмецкою газетою. «Одинъ врачъ ѣхалъ въ сосѣдную деревню, отрѣзать ногу работнику, который ушибся на желѣзной дорогѣ. Онъ взялъ съ собою стекляшку сѣрнаго эфира, чтобы употребить его при операци, и положилъ ее въ дорожную сумку, висѣвшую у него на-боку. Дорогою, отъ движенія ли лошади, или по какой другой причинѣ, пробка выскочила изъ стеклянки, эфиръ такъ обдалъ врача, что онъ въ ту же минуту упалъ безъ чувствъ съ лошади. Отъ паденія его, жидкость разлилась, и не только довершила его безчувственность, но подѣйствовала и на лошадь, которая также обезпамятѣла. Только черезъ четверть часа, когда сошлась толпа народа, врачъ и лошадь пробудились изъ летаргій, и могли продолжать путь.

*Г-жа Штолицъ* сводить парижанъ съ ума съ-тѣхъ-поръ, какъ сошла со сцены. Уѣзжая, она продала свою мебель, что-

бы показать, что оставляет Парижъ навсегда. Эта мебель весьма скромная, безъ картинъ, и безъ цѣнныхъ произведеній искусства, выручила ей 35,000 франковъ. Самыя простыя фарфоровыя чашки, платились по 120 франковъ за штуку. Всѣ эти сокровища разхватили парижскіе львы и львицы.

*Черный братъ королевы Испанской.* Какой-то африканскій царекъ написалъ письмо къ королевѣ Изабеллѣ, въ которомъ величаетъ ее *сестрою* (видно и въ Африку уже проникъ европейскій дипломатическій церемоніаль), и объявляетъ ей, что онъ всегда очень уважалъ Испанцевъ, и всегда позволяетъ имъ жить въ своихъ владѣніяхъ. При этомъ случаѣ онъ проситъ королеву прислать ему трехъ-угольную шляпу съ краснымъ перомъ, фракъ съ длинными фалдами, палку съ большимъ золотымъ набадашникомъ и пару красныхъ панталонъ, съ золотыми лампасами. Королева, разумѣется, послала своему черному брату, всѣ желаемые предметы, и присоединила къ нимъ еще красную мантию съ золотою цѣпью.

*Знаменитая французская актриса Рашель* даетъ представленія въ Кельнѣ. Труппа, съ которою она играетъ, состоитъ изъ артистовъ Парижскаго *Французскаго театра* и *Одеона*, находящихся въ отпуску; должность режиссера занимаетъ братъ Рашели, Рафаилъ Феликсъ. Труппа думаетъ играть слѣдующія пьесы: въ первое представленіе Расинову *Федру*, и комедію Эмиля Ожье, *Дурманъ*; во второе — Вольтерова *Балзета*, и комедію Скриба *Валерія*. Кромѣ Рашели, самое замѣчательное имя въ труппѣ, *Маріосъ*, артистъ французскаго театра.

*Опредѣленіе челоювка* и отличіе его отъ прочихъ животныхъ во все времена, очень занимали философовъ. Къ числу самыхъ оригинальныхъ опредѣленій принадлежатъ: опредѣленіе Берка «Человѣкъ есть животное, употребляющее вареную пи-

цу;» в опредѣленіе Адама Смита: «Человѣкъ есть животное, занимающееся торговлею, чего не дѣлаетъ ни одно другое существо.» — Рядомъ съ этими опредѣленіями можно поставить опредѣленіе одного Ньмца: «Человѣкъ есть животное, которое, въ особенности въ извѣстномъ возрастѣ, когда его забавляютъ трубка, игра, пьянство, дуэли, верховая ѣзда, терзаніе собакъ, и проч., безразсуднѣе всякаго извѣстнаго скота.»

*Кто хочетъ дешево вести процессы,* можетъ поучиться у квакеровъ; вотъ одинъ примѣръ. У квакера былъ процессъ въ Родъ-Айландъ; онъ отправился къ знаменитому адвокату Уебстеру, и предложилъ ему ѣхать для этого дѣла въ Родъ-Айландъ. Потомъ онъ спросилъ его, что должно будетъ заплатить. «Мнѣ надо ѣхать въ Вашингтонъ, отвѣчалъ Уебстеръ, по-процессу одной страховой компаніи, а оттуда въ Спенсианати; если я поѣду съ вами, я очень много потеряю. Вамъ это будетъ стоить очень дорого. — А сколько, спросилъ квакеръ. — Я уважаю квакеровъ, отвѣчалъ Уебстеръ, они народъ не вздорливый, и если ведутъ тяжбу, то уже вѣрно были къ тому вынуждены. Изъ уваженія къ вамъ, я, пожалуй, поѣду за 1000 долларовъ.» — Квакеръ ужаснулся этой суммы, однако-же онъ былъ малый хитрый и отвѣчалъ: «Это, разумѣется, очень дорого, но у меня тамъ нѣсколько процессовъ, и я, пожалуй, дамъ вамъ 1000 долларовъ, если вы общаете заняться тамъ за меня и другими процессами. — Очень охотно, отвѣчалъ Уебстеръ. — Они поѣхали въ Родъ-Айландъ. Знаменитый адвокатъ выигралъ процессъ квакера. Между-тѣмъ квакеръ обошелъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, имѣвшихъ нерѣшенные процессы, говоря: «Что вы мнѣ дадите, если я уговорю великаго Уебстера вести вашъ процессъ?» такимъ образомъ получилъ онъ отъ одного 300, отъ другаго 200 долларовъ, всего 1250 долларовъ, такъ что, собственный процессъ ему ничего не стоилъ, и еще получилъ онъ 250 долларовъ на покрытіе путевыхъ издержекъ. Уебстеръ взбѣсился, когда узналъ эту продѣлку. «Или вы думаете ѣздить на мнѣ, какъ на разгонной лошади?» Но квакеръ напомнилъ ему обѣщаніе, и какъ по-

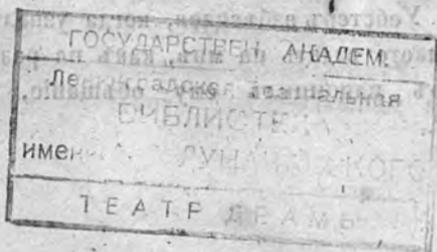
править дѣло было поздно, то адвокатъ, наконецъ, самъ отъ души смѣялся хитрой продѣлкѣ квакера.

«Отобѣдайте сегодня у меня!» говорилъ одинъ Ирландецъ своему пріятелю. — Охотно. — «Но предупреждаю васъ, что у меня только пріятельскій обѣдъ.» — Что же такое? — «Соловина съ картофелемъ.» — Вотъ славно, у меня дома тоже самое, за исключеніемъ соловины.

*Что значитъ ѣздить безъ паспорта.* Известный Пестскій актеръ Фелькмаръ отправился въ мѣстечко Фельдваръ, для переговоровъ о небольшомъ имѣніи, которое онъ собрался купить. По странной ошибкѣ, его приняли въ гостинницѣ за разбойника, схватили, и такъ-какъ при немъ не было паспорта, то несчастный просидѣлъ нѣсколько дней подъ стражею, пока, наконецъ, дѣло не объяснилось, и его не отпустили обратно въ Пестъ.

*Домъ Шиллера въ Веймарѣ* продавался за ничтожную цѣну 5000 талеровъ; несмотря на то, долго не находилось на него покупателейъ; наконецъ купилъ его одинъ пивоваръ, чтобы открыть въ немъ поливную.

7968. 7018



# ПРОГРАММА.

## I. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА :

1. Пьесы, *игранныя на сценѣ*, трагедіи, драмы, комедіи, водевили.
2. Пьесы драматическія, не игранныя, но почему-либо особенно замѣчательныя.

## II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА.

1. Біографіи артистовъ, драматическихъ писателей, композиторовъ, музыкантовъ, великихъ художниковъ и вообще людей, замѣчательныхъ въ области искусства, или имѣющихъ отношеніе къ театру.
2. Записки и мемуары, касающіеся до театра.
3. Драматическая библіографія.

## III. ПОВѢСТИ и РОМАНЫ, русскіе и переводные.

## IV. ЮМОРИСТИКА, могущая \* служить матеріаломъ для драматическихъ теорій.

## V. СМѢСЬ:

1. Анекдоты и мелочи.
2. Театральные слухи и извѣстія.
3. Водевильные куплеты.

## VI. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1. С. Петербургскіе театры: *русскій, оперный, французскій, итальянскій.*
2. Московскіе театры.
3. Провинціальныя театры.
4. Концерты и свѣдѣнія обо всемъ замѣчательномъ въ области искусствъ.

## VII. ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. Музыка водевильныхъ куплетовъ.
2. Портреты артистовъ.

«Репертуаръ и Пантеонъ театровъ» выходитъ *аккуратно*

15-го числа каждаго мѣсяца.

Цѣна за годовое изданіе «Репертуара и Пантеона», съ прило-  
женіями, состоящее изъ 12 книжекъ,—10 руб. сер.  
Съ пересылкою въ города или на домъ, 11 руб. 50 коп. сер.

---

*Подписка принимается:*

*Въ С. Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ М. Д. Ольхи-  
на, на Невскомъ Прѣспектѣ, противъ Анникова дворца, въ  
домѣ Завѣтнаго.*

*Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ М. Д. Ольхина, на  
Тверской, въ домѣ Мятлева.*

*Въ Газетныхъ Экспедиціяхъ С. Петербургскаго и Москов-  
скаго Почтамта.*

---

Просятъ покорно всѣхъ, имѣющихъ дѣло до «Репертуара  
и Пантеона» обращаться къ Редактору, Федору Алексѣевичу  
Кони, въ Вознесенскомъ переулкѣ, въ домѣ Штакельберга.